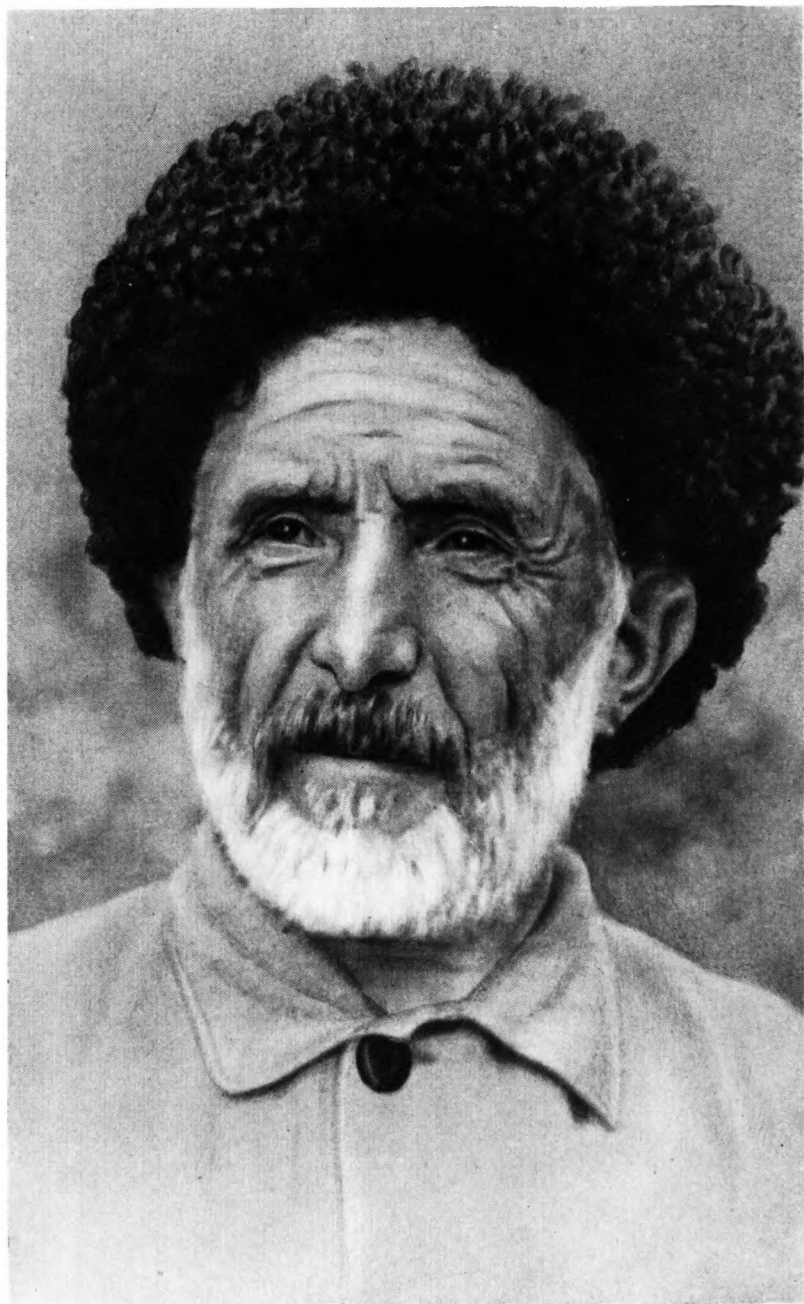

ГАМЗАТ ЦАДАСА

Q

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА
М. ГОРЬКИМ

*Большая серия
Второе издание*

Л Е Н И Н Г Р А Д * 1 9 5 8

ГАМЗАТ ЦАДАСА

СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПОЭМЫ

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

Вступительная статья и примечания
Н. Капиевой
Подготовка текста Г. Гамзатова
Редакция стихотворных переводов
С. Липкина

ГАМЗАТ ЦАДАСА

Аварец Гамзат Цадаса — крупнейший дагестанский поэт, один из основоположников и зачинателей многоязычной советской литературы Дагестана.

Цадаса прожил долгую, сложную, богатую трудами жизнь.

В 90-х годах прошлого века он, безвестный певец из маленького горного аула, начал слагать свои песни-сатиры. Они долго бытовали лишь в устной передаче и оставались достоянием узкого круга слушателей. Аварцы не имели в прошлом ни своей доступной народу письменности, ни сформировавшейся литературы. Писателем, голос которого зазвучал далеко за пределами его родины, сделала Цадасу Октябрьская революция. Он овладел методом социалистического реализма и укрепил этот метод в родной литературе, он обогатил аварское поэтическое слово новым общественным содержанием, принес в аварскую литературу новые, общенародной значимости темы, новые жанры. Талант Цадасы рос, расцветал, мужал вместе с расцветом его родины. Это художник-боец. Роль его в строительстве новой, социалистической культуры Дагестана, в духовной жизни его народа была поистине огромна. Творчество Цадасы — явление неповторимо индивидуальное в своих, только ему присущих личных и национальных особенностях. Но путь поэта, характер его облика, направление его деятельности — типичны. Он, подобно Сулейману Стальскому у лезгин, Джамбулу у казахов, Бекмурзе Пачеву у кабардинцев, — один из тех передовых, народных певцов дореволюционного прошлого, которые в условиях советской действительности стали писателями нового склада, выдающимися деятелями возникших после революции молодых братских литератур. Они внесли в эти литературы свой бесценный вклад: талант, знание жизни, безраздельную преданность интересам народа.

Дагестан — республика многонациональная. В ней живут свыше тридцати народностей, говорящих на различных языках и наречиях. Наиболее крупные национальности: аварцы, даргинцы, кумыжи, лажи, лезгины. Аварские горы — самые высокие, трудно доступные и суровые в Дагестане. Перевалы Аварии ведут в Грузию. В Аварии, близ аула Хунзах, древней столицы одноименного ханства, в маленьком селении Цадá, в семье бедного узденя — вольного хлебопашца — Юсупа Магомы родился 21 августа 1877 года сын Гамзат. Детство Цадасы было горестным, полным обид. Восьми лет он остался круглым сиротой. Опеку над ним взял дядя по отцу. Вскоре, чтобы избавиться от лишнего рта в семье, опекун определил мальчика учеником в медресе, духовную школу.

Дагестан той поры поставлял мусульманское духовенство для всего Кавказа. Хунзах издавна слыл оплотом ислама в горах. Духовенство было грозной реакционной силой. В его руках сосредоточивались и суд, и воспитание детей. Грамотей-арабист всегда был обеспечен сытным столом, почетным местом. Цадаса хоть и не сразу, но прошел весь курс религиозной премудрости, какая требовалась, чтобы стать духовным лицом — муллой, кадием или дибиром. Он изучил арабскую грамматику и правила шариата, изречения пророков и толкования Корана. Бедность вынуждала делать перерывы в учении, уходить на заработки. Он сплавлял лес по горным рекам. Подобно многим его землякам, спускался к Каспию, был чернорабочим в Грозном. Жизнь горского крестьянства — суровый, скудный обиход, тяжкий труд, вечное недоедание. . . А в медресе — бурсацкий быт, грубость, попрошайничество муталимов-учеников, фанатизм, лицемерие, корыстолюбие наставников-мулл. Таков круг впечатлений детства и юности поэта.

Очень рано обнаружил Гамзат иронический склад ума, умение критически подмечать уродливые стороны действительности. Ни горести сиротства, ни полунищенское существование в медресе не убили в нем природной веселости, неистощимого жизнелюбия. Даже религиозная схоластика не иссушила мысль, не оказалась для него бесплодной. Медресе дало ему знание арабского языка, игравшего в горах примерно ту же роль, что некогда в Европе латынь. Здесь познакомился он с поэзией древних арабских классиков; ему стали доступны в подлинниках такие книги, как «Тысяча и одна ночь», «Калила и Димна». В арабских переводах открылись перед ним некоторые образцы европейской литературы (так он узнал Гюго). Годы, проведенные в медресе, оказались по-

лезными, вооружив его также знанием психологии и быта духовной среды, что впоследствии весьма пригодилось поэту.

Первые, еще полудетские стихи Цадасы — это шуточные «кечи», звукоподражания-пародии на тексты Корана. Он распевал их под шумок, когда ученики вслух зубрили заданное. С именем поэта постепенно оказался связанным у аварцев целый цикл озорных историй, рассказывающих о его проделках в мечети й медресе (однажды он направил в мечеть стадо дерущихся ослов, раз как-то заставил распростертых на полу прихожан битый час лежать ниц в ожидании начала молитвы и т. д.). Историй эти по духу чем-то родственны молла-насреддиновскому циклу, который у всех народов Дагестана бытует так же широко, как и у их соседей.

Вслед за шуточными «кечами» появились первые юношеские песни Гамзата. Самое раннее из того, что дошло до нашего времени, — «Песня о собаке Алибека», сложенная в 1891 году. Небольшой, пустяковый, казалось бы, случай послужил поводом для ее создания. Учитель поэта, богатый мулла Алибек, уморил своего пса. И вот появляются стихи, пока еще не о человеке, не о самом мулле, — сатирические стихи, прославляющие в торжественно-скорбных тонах народного плача высокие доблести и достоинства погибшей собаки. В этом, пожалуй, еще не было ничего необычного. Аварская устная поэзия всегда тяготела к юмору, к острому слову. Необычна была та смелость и резкость, с какой снижал и пародировал поэт религиозные обряды, неприкосновенные понятия. Цадаса в своих стихах предлагает читать над собакой Коран, поминать ее молитвами и совершить «хадж» — паломничество во спасение ее души. Это звучало кощунством. Уже в ту пору ревнителями веры было дано поэту прозвище «Плохой Гамзат».

Обращаясь к этой далекой поре, нельзя не удивляться тому, как рано сформировался и окреп поэтический дар Цадасы. «Стихи о харчевне», созданные два года спустя, еще отчетливее говорят о его критическом подходе к действительности, об особенностях его сатирической манеры. На этот раз стихотворение направлено против богатея, обирающего народ. Сам хозяин, его харчевня, все впечатления поэта изображены реалистически. В стихах — живо очерченный характер торгаша, будничные детали обстановки, обыденная разговорная речь. Это было ново для аварцев, реалистично, и это соответствовало новым, возникающим эстетическим потребностям времени. Стихи получили большую известность в горах.

Определяются общественные позиции поэта и отношение к нему среды: симпатии трудового крестьянства, мнения которого он вы-

ражает, опасливая ненависть со стороны духовенства и классовой верхушки аула, видящих в нем нарушителя спокойствия.

По окончании учения в медресе Цадаса получил место дибира, то есть квартального судьи и священнослужителя в родном ауле. Это давало право на клочок общественной земли; поэт обрабатывал его своим трудом. Песни он слагал редко, лишь от случая к случаю. Но каждая из них наполнена жгучим содержанием, свидетельствует о глубоком понимании народных забот и надежд. Среди таких стихов — «Выступление по тревоге» (1912). В нем Цадаса рассказывает о кровопролитных земельных распрях, которые то и дело вспыхивали между аулами. Стихи замечательны тем, что поэт иронизирует над наивной верой крестьянства в доброту и справедливость батюшки-царя. Ирония эта мягкая. Чувствуется, что поэт, обращаясь к беднякам-крестьянам, говорит с теми, кого любит всем сердцем, хотя и скорбит об их темноте и отсталости. За стихи «Выступление по тревоге» Цадаса был арестован и заключен в тюрьму. Удивительный это был дибир, непохожий на своих собратьев по ремеслу. Он не наживался поборами, а помогал чем мог своей пастве. Он рассеивал, а не поддерживал суеверие. Кончилось тем, что незадолго до Октябрьской революции Цадаса всенародно на сходе отказался от звания дибира, в обычном своем духе озорной шутки заявив, что предпочитает место аульного пастуха.

Примерно в те же годы или несколько ранее создана сатира Цадасы «Дибир и хомяк», в которой за веселой улыбкой таится «крамольная» мысль. Слуга аллаха дибир осыпает угрозами хомяка, ворующего зерно на его поле. Хомяк отвечает:

«Законы судьбы никогда не осилим», —
Зачем же насильем ты споришь с насильем?
«Веленьям творца покоряется мир», —
Зачем же на мир ты сердит, о дибир?

Пудами с людей собирая поборы,
Зачем же с судьбою желаешь ты ссоры?
Молитвы читаешь, Коран возлюбя,
Но злишься, едва лишь заденут тебя.

Народ, если станешь ты злиться, быть может,
Не только меня — и тебя уничтожит.
С тобою мы участь избрали одну, —
Зачем же свалил на меня ты вину?

(Перевод С. Липкина)

Оба тунеядцы — и дибир и хомяк. Только дибир, — говорит поэт, — тунеядец более жадный и опасный. Ответ хомяка облечен в остроумно спародированные формулы религиозных проповедей. Поэт высмеивал в этих стихах учение ислама о непротивлении злу, о покорности судьбе. Еще резче, прямой говорит Цадаса о паразитизме духовенства в сатире «Посевная милостыня» (1917). Обвиняя мулл в поборах, он предлагает собирать зерно не в их пользу, а на починку дорог и мостов. Сын трудового народа, с народом неразрывно связанный, Цадаса выступал как непримиримый враг всяческого мракобесия, лжи, насилия.

Медленно, но неуклонно крушил капитализм в отгородившейся от мира горными хребтами и бездорожьём Аварии старые феодальные устои, идейным оплотом которых являлся ислам. Рушился вековой патриархальный уклад. Все резче и непримиримей обозначалось классовое расслоение, обогащалась кулацкая верхушка, торгаши, подобные герою «Стихов о харчезне», нищало крестьянство.

И сюда, в горную глушь, доходили раскаты революционной грозы. В 1905 году Цадаса был очевидцем восстания, поднятого русским гарнизоном крепости Хунзах. В эту крепость была сослана часть экипажа с восставшего броненосца «Потемкин».

Все больше безземельных крестьян спускалось с гор на заработки в Россию. Рабочие нефтяных промыслов, рыбаки, чернорабочие, кустари, возвращаясь домой, несли в родные аулы новые, революционные идеи, веяния передовой русской мысли, русского просвещения. Аварский народ выдвинул и своих революционеров, свою передовую интеллигенцию.

Как поэт, Цадаса в это время весь еще во власти местной, «прикладной», если можно так сказать, темы. Но вся его творческая, поэтическая работа в русле передовых течений времени. Он певец и выразитель непосредственных интересов аварского трудового крестьянства. Это определяет содержание и поэтические особенности его раннего творчества.

2

Сулейман Стальский — «неграмотный, но мудрый» ашуг — слагал свои песни устно и хранил в памяти тысячи стихотворных строк. Гамзат Цадаса стихи свои писал, и этим он, даже в раннюю пору своей творческой жизни, ближе к нашему, современному пониманию слова «поэт».

Устная ашугская традиция вообще не была распространена

в горах Аварии. Здесь в прошлом многие певцы были грамотны. Стихи и песни их, бытуя устно в народе, в то же время самими авторами записывались на бумагу.

Несмотря на то, что аварцы, как уже говорилось, не имели доступной народу письменности (арабской грамотой владели немногие, русской — единицы), все же еще до Октября здесь стали складываться начатки литературы письменной и даже печатной. Вот что писал профессор Л. Жирков о «картине деятельной литературной жизни», увиденной им в Аварии в 1923 году. «Песни появляются, можно сказать, почти еженедельно. Песни не анонимные, относящиеся не к коллективному творчеству, но имеющие определенного автора, всем известного, откликающегося зачастую на злобу дня. Раз появившись, удачная песня передается не только устным путем. Она является обыкновенно довольно длинным произведением. Она в буквальном смысле пишется уже самим автором, переписывается его друзьями, в записанном виде идет в другие аулы, в соседние округа. Ее обыкновенно на какой-нибудь из известных мотивов поют, и, как есть известные поэты, так есть там и известные музыканты-композиторы. Но песню эту можно не только петь, можно ее и читать. Ее на самом деле читают, обсуждают, критикуют, а если признают за великое произведение искусства, то и комментируют. Словом, мы наблюдаем полную и развитую аналогию с тем, что мы видим в нашей европейской литературной жизни».¹ Это было написано всего три года спустя по окончании гражданской войны в Дагестане и свидетельствует, несомненно, о традиции, сложившейся задолго до описываемого времени.

Сильны и многочисленны были в Аварии издавна поэты-арабисты главным образом из среды духовенства. Некоторые из них, люди весьма талантливые, писали на темы не только религиозные. Можно назвать Али-Гаджи из Инхо. Известны его сатиры, знаменита его элегия «Появление седин», полная высокой поэзии, человеческой скорби об уходящей молодости. Но чаще поэзия церковников носила реакционный, религиозно-фанатический характер. Эти поэты слагали так называемые «турки» — славословия богу и святым или религиозно-философские стихотворные сочинения, проникнутые мистикой, духом пессимизма, мыслями о бренности и ничтожестве всего земного. Литература такого рода не только распространялась в списках, сделанных от руки, но и печаталась. Крупный аварский овцевод, предприниматель новой капиталистической складки, М. Мавраев в самом начале XX века открыл в го-

¹ «Старая и новая аварская песня». Махачкала, 1927, стр. 6.

роде Темир-Хан-Шуре свою типолитографию. Здесь на так называемом «аджаме» (приспособленном для дагестанских языков арабском шрифте) печатались на аварском, лакском, даргинском и кумыкском языках произведения поэтов-клерикалов XIX и XVIII века. Религиозные сочинения были чужды и враждебны народу, отражали идеи и настроения феодально-духовных кругов. Стилистически это направление было эпигонским, тяготело к древним книжным образцам с их витиеватостью, усложненной напыщенностью образов. Многие книги, выпускаемые М. Мавраевым, призваны были противостоять идеям русской культуры, властно вторгавшимся в жизнь гор, бороться со всем тем, что несло горцам революционное движение. Творения певцов из народа здесь не печатались. В поэзии, как и в жизни, шло резкое классовое размежевание.

Для горского крестьянства наиболее свободной, если не единственной, областью духовной жизни, где можно было гласно вынести свой суд над действительностью, выразить свои думы и чувства, продолжало вплоть до Октября оставаться устное творчество.

Фольклор аварских трудовых низов необычайно богат. Красоту, своеобразие, яркость образного мышления горских, в частности аварских, песен ценили А. Бестужев-Марлинский, Л. Толстой. Толстой писал Фету в 1875 году: «Предания и поэзия горцев... сокровища поэтические, необычайные».¹

Устное поэтическое творчество аварцев издавна было сильно своей острой социальной критической направленностью. Аварскую песню о героическом защитнике крестьянской бедноты Хочбаре, сожженном на костре по приказу хунзахского Нуцал-хана, пела не только вся Авария. Ее воспринимали и считают своей даргинцы, лски. В образе Хочбара воплотился вольнолюбивый протест народов. В аварском и во всем горском фольклоре множество сказок, песен, притч и пословиц, высмеивающих духовенство. Анекдот о мулле, который тонул, но не откликался на крики: «Дай руку!»; пословицы: «Мулла лук не ест, а найдет, так и шелухи не оставит» или «При виде халвы мулла забывает бога» — дают ясное понятие о сатирической окраске этой области устного творчества.

Хорошая песня чрезвычайно высоко ценилась в горах. Эту любовь, эту поэтическую струну в жизни народа неоднократно отмечали ученые-лингвисты, от первого исследователя дагестанских языков П. Услара и до автора «Старой и новой аварской песни» профессора Л. Жиркова. В стихах сочинялись письма, дружеские

¹ Л. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 62. М., 1953, стр. 209.

послания и обращения. Стихами оплакивали, стихами состязались в остроумии. Песня сопровождала человека в радостях и в беде. Песней утверждали свое человеческое достоинство. Замечательно рассказывает об этом сам Цадаса.

«Между батлаичскими муталимами и чабанами, — писал он, — практиковались состязания на восхваление каждой стороной своего ремесла и охаивание ремесла противника. Состязались стихами. В один из базарных дней муталимы выступили против чабанов публично, при всем народе. Они рассуждали в своих стихах о темноте чабанов, которые, мол, «с баранами пьют и с баранами едят», а чабаны в ответной песне принялись расхваливать прелести своей жизни — завели речь о цветущих горах, о резвых ягнятах, о жирном свежем мясе, которым они питаются, о студеной воде, которую они пьют. Муталимов чабаны высмеивали, корили скудной жизнью и нищенством. Народ, собравшийся на состязание, решил, что победили чабаны. Их песни оказались ярче, ядовитей и складней...»¹

Дни молодости Цадасы — время талантливых народных певцов-лириков, творчество которых отмечено печатью яркой индивидуальности. Это Нур-Магома Местерухский, Чанка и особенно Махмуд из Кахаб-Росо. Поэзия Махмуда вся посвящена единой теме. Он поет любовь. Стихи его романтичны, взволнованны, язык необычайно красочен, описания поражают богатством образов. Махмуд — первый у аварцев воспел женщину не как бесправную собственность мужчины, созданную для его утех, а как равного человека, свободного в области чувств, в выборе своей личной судьбы. Творчество Махмуда всем своим содержанием, приемами, образным строем противопоставлено поэзии церковников.

Райский сад не стану славить,
От него меня избавь,
Можешь рай себе оставить,
Мне любимую оставь², —

дерзко обращался поэт к богу. Махмуд использовал многое из цветистого, высокопарного образного обихода клерикальной поэзии. Но, насытив свой стих земным содержанием, с гениальной дерзостью обратил эти «высокие» образные средства для возвеличения любимой.

Поэзия Махмуда сыграла выдающуюся роль в жизни аварцев.

¹ Г. Цадаса. Махмуд из Кахаб-Росо. — Альм. «Дагестан», Махачкала, 1957, стр. 213.

² Махмуд. Песни любви. Махачкала, 1954, стр. 22 (Перевод С. Липкина).

Сна способствовала раскрепощению женщины гор, обогащала, облагораживала духовный облик народа. Цадаса, преклоняясь перед талантом Махмуда, своего старшего современника, не пошел его путем. Если Махмуд был глубоко равнодушен к будничной житейской теме, то Цадасу именно повседневная трудовая жизнь народа больше всего привлекала как поэта. «Не лежит моя душа к песнопениям любовным», — сказал он о себе в поэме «Моя жизнь». Позже Цадаса создавал и незаурядные по мастерству и новизне образцы лирической песни. Но в пору, когда определялось его место в жизни народа и в аварской литературе, он, как поэт, оказался близок не к романтической лирике Махмуда, а к фольклору трудового народа с его критицизмом, с его реалистической манерой изображать жизнь. Близки к лучшим образцам фольклора сюжеты стихов Цадасы, его обличения, направленные против мулл, против торгашей, богатеев. От фольклора реалистическая ясность, точность его письма. Аварская песня подсказывала ему диалогическую форму, давала (как, впрочем, и Махмуду) свои ритмы; чаще всего это или семи- или одиннадцатисложник традиционной аварской силлабики. Она же учила его искусству звуковой инструментовки, — в старой аварской поэзии рифмы не было, строку организовывал и вел звуковой повтор или анафора.

Выросшее из фольклора народных низов, раннее его творчество было само как бы частицей этого фольклора. Написанные Цадасой песни, идя в народ, бытовали там устно и, подобно тому как многие ранние произведения Стальского были собраны в наши дни, так и некоторые ранние сатиры Цадасы, утраченные автором («Песня о собаке Алибека», например), были записаны в Аварии впервые из уст неграмотных стариков в 1944—1945 годах.

Но поэзия Цадасы по сравнению даже с лучшими образцами фольклора имела существенные отличия. Острее, отточенней ее мысль, отчетливей ее близость к своему времени, злободневная окраска. Она критичней по содержанию, реалистичнее по изобразительным средствам. На ней глубокий личный отпечаток дарования поэта, выбравшего для себя самый передовой путь и самый трудный — путь сатирического обличения старого мира.

3

Содержание творчества Цадасы, поэтический метод, обогащение мастерства неразрывно связаны с жизнью дагестанских гор, ее развитием. Октябрьская революция вооружает поэта новым подхо-

дом к действительности, обогащает новыми темами, новыми жанрами, помогает выработать новые приемы, открывает новые грани его таланта. Революция впервые в истории снимает конфликт между поэтами — выразителями интересов народа — и между общественным строем, дает им право активно и открыто провозглашать свое слово.

Когда в октябре 1917 года «буря в царстве поднялась и снесла его оковы», поэт был вместе с восставшим народом, отдал свое перо на службу революции... Сложны были в Дагестане события гражданской войны. Война закончилась лишь в 1920 году. Уже после того, как горы были очищены от белогвардейцев и интервентов, поднял зеленое знамя контрреволюционного мятежа Н. Гоцинский, крупнейший аварский помещик, провозгласивший себя «имамом».

Имя Цадасы и его талант пытались использовать враги. Белый полковник князь Алиханов вызывал поэта к себе в Хунзах с требованием сочинить прокламацию в стихах, призывающую горскую бедноту не обращать оружия против «единоверцев». Цадаса ответил: «На такие поручения я неспособен!..»

Отказавшись писать под диктовку классового врага, Цадаса создает сатирическое воззвание, разоблачающее Гоцинского. Сатира эта пародировала по форме напыщенные речи «имамов» и сыграла значительную роль в борьбе против дагестанской контрреволюции. От иносказательного сатирического разоблачения старого мира Цадаса переходит к разоблачению прямому, от темы местной, аварской — к темам общедагестанским. С этого времени начинается его неустанная общественная деятельность.

В 1920 году Цадасу избирают членом аварского окружного совета и комиссаром народного хозяйства Хунзахского Аварского округа. Позже он председатель шариатского суда (суд этот, несмотря на свое религиозное название, действовал в горах, до создания советских органов юстиции, как суд новой народной власти). Он весь в кипении новой стремительной жизни, резко изменившей привычный уклад, привычные, медлительные формы древнего аульного бытия.

Кипучая общественная деятельность не только не мешает ему как поэту, она оказывается для него глубоко благотворной, духовно обогащая, раздвигая горизонты. Замечательным образцом первых пореволюционных произведений Цадасы являются стихи 1921 года: «К горской бедноте» и «Кого выбирать в Советы». Форма стихотворных посланий не нова была для аварцев. Ее знала и старая аварская поэзия. Но Цадаса обновляет эту форму, наполняет ее

новым политическим содержанием, превращает в воззвание. По сути, он создает первые образцы аварской политической лирики. Цель этих дидактических воззваний — пробудить общественное самосознание народа, научить разбираться, кто враг, кто друг. В простой, доступной неграмотному аварскому крестьянину форме, в образных стихах, насыщенных пословицами, оборотами народной речи, Цадаса рассказывал, для чего совершилась революция, за кем надо идти трудовому народу, кому может доверить он власть. В стихотворении «К горской бедноте» поэт обращается к своим землякам со словом «товарищ», впервые без перевода вводя этот знаменательный неологизм в аварскую поэзию.

Стихи «К горской бедноте» и «Кого выбирать в Советы» были первыми напечатанными произведениями Цадасы. Не случайна их политическая острота, поэтическая взволнованность. Они рождены близостью поэта к событиям революции, к видным ее деятелям в Дагестане: Махачу Дахадаеву, Магомеду Хизроеву. Дахадаев — выдающийся аварский революционер, именем которого названа столица республики. Хизроев, особенно близкий Цадасе, — личность незаурядная в дагестанском революционном движении. Он принадлежал к поколению большевиков, воспитанному на Белинском, Чернышевском, Добролюбове, любил и хорошо знал русскую литературу. Хизроев высоко ценил творчество Цадасы, его критическое направление. Поэт всегда с гордостью говорил о том, что Хизроев называл его «аварским Чеховым».

Хизроев в начале 20-х годов редактировал первую аварскую большевистскую газету «Красные горы». Он пригласил Цадасу в Темир-Хан-Шуру и сделал секретарем редакции. Здесь в 1921 году и были впервые напечатаны стихи поэта.

Из «Автобиографии» Цадасы можно узнать, что в первое пореволюционное десятилетие он депутат Хунзахского районного совета, делопроизводитель райисполкома, инспектор госстраха, сотрудник газеты «Маарулав» («Горец»). По роду работы ему постоянно приходилось разъезжать из аула в аул, встречаться с самыми различными людьми, видеть и слышать все: доброе и злое, новое, победно пробивающее себе дорогу, и старое, не отступающее без боя.

Характер литературной деятельности Цадасы в этот период, несмотря на все отличия — национальные, исторические и прочие, — весьма близок деятельности В. Маяковского в окнах сатиры РОСТА, о которой поэт говорил, что это «протокольная запись... революционной борьбы, переданная пятнами красок и звоном ло-

зунгов»,¹ или первым пореволюционным агиткам Демьяна Бедного. Это был одновременно и будничным и необыкновенно праздничным труд поэта, крайне необходимый стране и времени, и поэт делал его не как поденное задание, а с подлинным вдохновением, со всем поэтическим жаром. Ведь сама возможность говорить с народом во весь голос, откровенно и сердечно уже была празднично значительна.

Он говорит в своих стихах о горских юношах, добровольно вступающих в Красную Армию, и о сберегательных кассах, о подписке на государственный заем и о первой радиомачте на сакле соседа. Для него нет мелких фактов, непозитичных тем. Из прозы жизни он извлекает чистейшее золото поэзии и, агитируя, например, своих земляков хранить деньги в сберкассе, умеет прийти к обобщениям весьма высокого плана. «Государство — это мы, а мы — это государство», — пишет он в этих агитационных стихах.

Поэзия его — неотъемлемая часть народной жизни, и часто Цадаса пишет о том же, о чем слагают в аулах устные песни. На создание прелестных стихов «Аулы, жаждущие воды» Цадасу вдохновил водопровод, появившийся в ауле. А в параллель к этим стихам можно привести песню о воде, сложенную горянками. «О студеная вода, — пелось в этой песне, — казнé Николая сыскать тебя не удалось, но тебя привели теперь к нам в аул по жемчужным трубам молодые инженеры». Здесь единая мысль и единый пафос. Только в безымянной песне он выражен безыскусственней и наивней. Стихи же Цадасы глубже, сильнее, и народной мысли он придает точную, чеканную форму. Взор поэта теперь зорче, он видит далеко, и когда пишет, например, стихи, посвященные 10-летию Октября, то судит о жизни в горах, сопоставляя ее с жизнью всей необъятной советской родины.

Боевая окраска, стремление активно вмешиваться в жизнь, не только ее описывать, а и переделывать, характеризуют стихи Цадасы этой поры и остаются до конца дней поэта присущими его творчеству.

4

В 1934 году вышла из печати первая книга Цадасы «Метла адатов». Этот год сам поэт отмечает как время начала своей литературной профессионализации. («С 1934 года занимаюсь только

¹ В. Маяковский. Собрание сочинений в одном томе. М., 1940, стр. 69.

писательским трудом»¹.) Связь его с повседневной трудовой жизнью народа по-прежнему неразрывна, многообразна. По-прежнему обширна его общественная деятельность. Но отныне главное, основное для него то, что он поэт, советский литератор, что важнейшая обязанность его и долг — писание стихов. Такая профессионализация — явление принципиально новое в культурной жизни народа, впервые в истории творящего свою народную печатную литературу.

В «Метлу адатов» были включены пятьдесят произведений разных лет. Сюда вошли «Стихи о харчевне», «Дибир и хомяк», «Кого выбирать в Советы», «Сберкасса», «Аулы, жаждущие воды». Здесь были стихи о колхозах и стихи, посвященные пионерам, стихи о Москве и о Красной Армии. Известность, однако (причем известность небывалую: это была первая книга в Дагестане, тираж которой пришлось повторить вскоре после ее выхода в свет), принесли сборнику сатирические стихи 20—30-х годов, впервые собранные в нем воедино. По этим стихам дал Цадаса книге и название. Они были направлены против уродливых проявлений старины, всевозможных пережитков, заплесневевших адатов — неписанных древних обычаев и законов гор. Сатиры свои поэт уподобил метле, выметающей адаты и предрассудки из темных голов. Отсюда — «Метла адатов».

В изменившихся исторических условиях счастливое соответствие характера дарования поэта, его склонностей, его поэтического темперамента с требованиями времени снова приносит замечательные плоды. Но теперь, после революции, Цадаса-сатирик обретает открытое и обширное поле деятельности, ясность цели, определенность задач. «В годы советской власти я применил свой жанр сатиры к воспеванию новой, советской жизни и к борьбе против капиталистических остатков в быту и в сознании горцев»¹, — писал он.

Ясность позиций присуща Цадасе в его сатире. Он выступал как поэт-боец, революционный просветитель, моралист, защитник нового, советского мышления, новой культуры, новой этики, нового уклада жизни и человеческих взаимоотношений, нового советского быта. Он боролся против невежества и темноты, против националистических пережитков, против варварских остатков родового строя в сознании горцев, против унижения и бесправия женщины, против реакционеров всех мастей и особенно против духовенства, пытающегося сохранить свою ускользающую власть над человеческими душами.

¹ Автобиография (рукопись). Архив Цадасы.

Ненависть ко всему омертвевшему, косному, что, не сдаваясь без боя, тянуло страну и народ назад, к прошлому, и горячий советский патриотизм, желание помочь народу очиститься от грязи и предрассудков старины — вот чувства, руководившие Цадасой, вдохновлявшие его. Они и придавали огромную действенную силу его сатире.

Сатирические стихи Цадасы весьма разнообразны по приемам, оттенкам юмора и иронии, по интонациям.

Любовью к своему народу, патриотической гордостью дышит стихотворение «Радиомачта на сакле соседа». Поэт весело высмеивает аульных обывателей, впервые услышавших о такой новинке, как радио. Отсталый аульный житель сталкивается здесь с человеком нового мира. И не случайно именно в уста этого нового человека (быть может, рабочего) поэт вкладывает замечательные по силе обобщения слова, могущие служить эпиграфом ко всей его сатире:

Между отставшим и дальше идущим
Взглядом нельзя охватить расстояния.
Вся революция дышит грядущим,
И обнажается дно мироздания.

(Перевод С. Липкина)

В «Радиомачте на сакле соседа» Цадаса скорее утверждает новое, нежели разоблачает старое. Сатирическая оболочка стиха здесь для него лишь средство ярче осветить важную, значительную мысль о необходимости овладевать наукой, знаниями, о том, что понятия старины уходят все дальше и нет им возврата.

Та же мысль и те же, скорее иронические, нежели сатирические, краски в стихотворении «Чохто». Цадаса говорит в нем о горянке Патимат — простой, хорошей женщине, но еще находящейся во власти поработивших ее нелепых представлений. Убеждая свою героиню освободиться от старых адатов, обратить открытый взор «к нового мира сиянию», Цадаса не принижает ее, а лишь дружеской шуткой помогает понять, как уродливы, бессмысленны те предрассудки, которые сковывают, губят ее жизнь. Это сатира поучающая, воспитывающая.

По-иному звучит голос поэта, когда он обращает острие сатиры против открытого или тайного врага, против явлений, борьбу с которыми он считает необходимым вести резко, непримиримо. Тогда смех его беспощаден. Многие сатиры Цадасы написаны от первого лица и рисуют облик мракобеса, ненавистника всех и всяческих социалистических новшеств. Одно из лучших стихотворений

поэта, созданных в такой манере, — «Наставление». Это монолог реакционера, полный нелепых похвал по адресу старины и не менее нелепой критики современности.

Через многие сатиры Цадасы проходит мысль о необходимости отречься от старых привычек и представлений, о необходимости овладеть грамотой, знаниями, приучаться любить книгу, читать газету. Открыто, как басенная мораль, звучит она в концовках ряда стихов. Поэт не устает варьировать ее в различных сюжетных облициях и по разным поводам, будь это рассказ о двух драчунах или стихи, высмеивающие старый, «аджамский» алфавит. Цадаса выражал в своем творчестве огромную тягу освобожденного народа к современной культуре, к знанию. И одновременно творчество его было отражением той трудной борьбы, какую надо было вести за эту новую, советскую культуру. Старина не сдавала своих позиций без боя.

Вершин сатирического пафоса достигает Цадаса в стихах, направленных против обычая кровной мести. Поэт пишет об этом обычае как о тягчайшем общественном зле, и средствами ему служит здесь не юмор, разумеется, и даже не едкая ирония, а беспощадный сарказм, суровое политическое разоблачение. Эта сатира — разящая, уничтожающая. Свое «Слово о кровной мести» Цадаса начинает древней, восходящей еще к родовому строю пословицей: «Не забывается долг, не высыхает кровь», чтобы затем разоблачить враждебный смысл пословицы, изображая горькие картины народных бед, порожденных обычаем кровной мести: обезлюдившие аулы, заброшенные пашни, кладбища, где «убитых больше лежит, чем мирно умерших в дому». Он даже не облакает здесь мысль в убеждающий самой своей остротой или необычностью сюжет, не прикрывается мнением того или иного сатирического персонажа. Поэт ведет речь непосредственно от своего имени, и речь его пронизана высоким гражданским гневом.

К этому же циклу примыкают стихи Цадасы о кинжале. Сатира Цадасы, развенчивая и разоблачая обычай кровной мести, звала горца к мирному труду, возвеличивала и прославляла этот желанный для крестьянина, радостный, свободный труд. Факты свидетельствуют, как нужно было народу именно такое умное, гневное поэтическое слово Цадасы, как соответствовало оно требованиям времени. Стихами о кинжале Цадаса откликнулся на проводимую тогда кампанию против ношения оружия. В ответ аварская молодежь объявила борьбу кинжалу, создавала в аулах добровольные общества «Долой кинжал!» Цадаса получал от них донесения, письма... Его «Слово о кровной мести» читали всенародно

на аульных сходах, и случалось, выслушав стихи, целые общества выносили приговоры о прекращении старых кровавых распрей.

Так жизнь обогащала поэзию, а поэзия помогала переделывать жизнь.

То, что некоторые «поклонники старины», травившие Цадасу и клеветавшие на него, возводили в национальные традиции народа, выдавали за «особые качества» характера горца — родовую гордость, неуступчивость, непримиримость к обидам, — Цадаса разоблачал как ложно понимаемое чувство собственного достоинства, непомерно раздутое самомнение, отсутствие уважения к людям, к обществу, то есть как проявления все тех же вековых зол: темноты, бескультурья, ограниченности. «Ослиное геройство» — так метко окрестил он дутые претензии на героизм.

Цадаса во многих отношениях был прав, говоря, что своей сатирой он воспевал советскую новь. Ведь и те его сатирические стихи, что высмеивали и разоблачали старину, заставляли читателя судить о ней с позиций советского человека. Ведь сам автор этих стихов (или их лирический герой) был прежде всего новый советский человек, и его облик, его мнения, словно отсвет, лежат на всем, о чем бы он ни писал.

В сатире 30-х годов Цадаса оставил многоликую галерею типов, порожденных историческим прошлым гор и, в условиях советской действительности, сходящих со сцены. Но не менее зорко подметил он уродства и пережитки иного рода: рожденные уже в наши дни стремления чуждых, нечистоплотных, аморальных людшек подладиться к советской действительности, паразитировать в условиях нового общества. Так, в начале 30-х годов возникают сатиры на пьяницу, развратника («Яхья»), многоженца («Далоголав»), несколько позже — на двурушника, подхалима и многие другие. Широчайшую известность сразу же после написания получило в горах стихотворение «Яхья». С необычайной резкостью, остроумием (чего стоит один кружевной воротничок на рубаше Яхьи или портупея, в которой он красуется, словно конь в упряжи!), чертами смелого гротеска поэт создает выразительную фигуру сельского сердцееда, бездельника, мнящего себя интеллигентом.¹

¹ Насколько жизнен, живуч и распространен оказался этот тип аульного сердцееда «новой формации», прикрывающего свои грязные страстишки внешними атрибутами «культуры», можно судить по таким персонажам, как заведующий избой-читальней Аслан из романа адыгейского писателя Т. Керашева «Состязание с мечтой» (1955) или кооператор Хажрет — поклонник «чистой любви» из повести кабардинца А. Шогенцукова «Весна Сафьят» (1956).

Так же смело и непримиримо обличал он зазнавшихся сельских руководителей-самодуров («Протокол»), высмеивал бюрократов, туниц или прямых врагов, извращавших устав колхозной жизни («Нелегкие условия»).

В «Метлу адатов» из этих стихов вошло лишь несколько (в частности, «Протокол»). Многие из них созданы позже выхода книги. Некоторые неизменно от издания к изданию снимались робкими редакторами. Так случилось, что «Яхья», стихотворение, которое знала наизусть вся Авария, напечатано было впервые в 1953 году, 20 лет спустя после своего появления на свет. Нечего и говорить, насколько ошибочной была эта боязнь, эта мелкая опека над поэтом. В том-то и сила сатиры Цадасы, что о чем бы ни шла в ней речь, как бы резка она ни была, критичность ее всегда подчинена доброй цели, чужда какого бы то ни было злопыхательства или критиканства. Всегда в ней отчетливо видна передовая общественная позиция автора, ясно звучит его чистый, блажелательный голос.

Сатира Цадасы 20—30-х годов гораздо зрелее его дореволюционных сатирических произведений, реалистичней, глубже и значительнее по мысли; более сложны, разработаны сюжеты; точнее психологические характеристики. Все чаще появляется в его стихах рифма, которую он вводит в стих как организующий элемент и как средство, усиливающее благозвучность стиха. Гораздо свободней, живей звучит речь персонажей. Язык Цадасы достигает небывалой в аварской поэзии разговорной простоты и естественности. «В творчестве Гамзата живая речь обнаруживает всю широту и глубину стилистических и лексических возможностей. Он широко вводит в строй литературного повествования синтаксис устной речи с ее выразительным лаконизмом», — писал аварский лингвист М. С. Саидов в статье «Роль Гамзата в формировании аварского языка».¹ Поэт редко пользуется метафорой, избегает ярких, цветистых эпитетов, но зато широко прибегает к сравнениям, всегда удивительно неожиданным, метким. Очень любит он показывать новые, непривычные предметы или события через образы и понятия, близкие и привычные старому аульному быту. В сочетании с серьезностью интонации это и составляет неподражаемый юмор многих его стихов.

В тесной связи с богатством и живостью сатир Цадасы на-

¹ Рукопись. Фонды Дагестанского научно-исследовательского института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы.

ходится их драматичность. Монолог или диалог наиболее частая оболочка его сатир. Форма эта — от национальной аварской традиции. Драматизмом построения отличаются многие выдающиеся образцы народной героической и лирической песни. Многие сатиры Цадасы — маленькие интермедии, пьесы-миниатюры, в которых спорят, беседуют, подчас даже не два, а несколько героев. Работа Цадасы в области сатиры, несомненно, во многом облегчила для писателя в конце 30-х годов переход к большой драматургии. Она явилась как бы тем мостиком от национальной поэтической традиции, который вел к созданию новаторских произведений Цадасы — комедии «Сундук бедствий», драмы «Айдемир и Умайганат». Драматургия как жанр, театр как род искусства были до Октября аварцам незнакомы. Цадаса и З. Гаджиев одни из первых в аварской литературе написали ряд пьес для молодого аварского театра.

От устного творчества, от глубинных народных истоков шла сама интонация юмора Цадасы, крутого, порой тяжеловатого, но красочного и картинного. Следуя национальным фольклорным традициям, Цадаса охотно писал свои стихи в форме обращений, посланий, наставлений, споров-состязаний в острологии. Так же охотно пользовался он элементами басенных приемов. Часто в его сатирических и особенно юмористических стихах говорят человеческим языком не только звери, но и самые неожиданные предметы, даже явления. Трудовая книжка беседует с лодырем, газета «Маарулав» обращается с наставлением к подписчикам и т. д. Это было в духе образного мышления народа, делало мысль поэта более яркой, доходчивой. Прием этот Цадаса так любил, что пользовался им всегда, и не только в сатире. Можно сослаться, например, на его дидактические агитационные стихи «Письмо колхоза «Сталин-аул» единоличнику Али» (1933) или на изящную шутку «Очки» (1944).

Народность содержания и народность выражения способствовали тому, что такие персонажи сатир Цадасы, как Мустафа и Курбан, Яхья, стали в народе именами нарицательными, а десятки строк его стихов вошли в быт как пословица: «Зверя от человека не по хвосту отличают» («Слово о кровной мести»), «Эй, товарищ, можно маленький вопрос?» («Протокол») и многое, многое другое.

Сборник «Метла адатов» был высоко оценен дагестанской критикой. Отмечалось, что он является «огромным шагом вперед как в творчестве самого автора, так и в современной аварской

поэзии». ¹ Из этого сборника были выбраны первые стихи Цадасы, с которыми ознакомился и всесоюзный читатель. В 1934 году в переводах на русский язык в нескольких сборниках и антологиях были напечатаны «Наставление», «Кинжал», «Радиомачта на сакле соседа».

1934 год вообще следует отметить в биографии Цадасы как год многих важных событий в его писательской жизни. Впервые он выезжал в Москву для участия в работах I Всесоюзного съезда советских писателей, делегатом которого являлся. Здесь, на съезде, завязались новые его знакомства — и окрепли более ранние — с русскими писателями и писателями братских республик (П. Павленко, Н. Тихоновым, С. Айни, П. Тычиной). В этом же году Цадаса был принят в члены Союза писателей. Ему как «писателю, активно помогающему своим творчеством социалистическому строительству», указом Президиума ДагЦИК было присвоено, одновременно с Сулейманом Стальским и кумыкским певцом Абдуллой Магомедовым, звание народного поэта Дагестана.

Белинский говорил: «Если есть идеи времени, то есть и формы времени». ² К сатире Цадасы обращался постоянно и во все последующие периоды своей творческой жизни, — она неотъемлемая черта его писательского облика. Но в 20-е и 30-е годы влияние сатирических стихов Цадасы на жизнь народа в силу особенностей исторической обстановки было наиболее значительным. И именно в эти годы сложился облик его как советского сатирика-реалиста, с полной свободой владеющего трудными особенностями жанра, создавшего образцы сатирических произведений, для дагестанской литературы — классические.

5

В период 30-х годов все возрастающее значение начинает приобретать в жизни Цадасы русская литература. Обогащаются его литературные познания, интересы, связи. Чтение уже не огра-

¹ Х. С а л и м о в. Рецензия на сборник стихотворений Цадасы «Гадатазул жул» — газ. «За ленинские национальные кадры» (Махачкала), 1934, № 23, 4 июля.

² В. Г. Б е л и н с к и й. Полное собрание сочинений, т. 1. М., 1953, стр. 276.

ничивается родным аварским наследием или знакомой с юности поэзией арабов. На дагестанских языках появляется все больше книг русских классиков. Над переводами их трудились лучшие писатели и лингвисты Дагестана. Классическая литература России шла теперь в горы многими путями. Ее преподавали в школе, лучшие образцы ее входили в хрестоматийный дагестанский обиход. С ней знакомило радио. Одна из первых русских книг, переведенных на аварский язык, — любимая книга Цадасы, — «Хаджи-Мурат» Л. Толстого. В числе первых были переведены ранние романтические произведения М. Горького, стихи Лермонтова, повести Пушкина «Дубровский», «Капитанская дочка». Опыт русской классической литературы теперь в значительной степени становится доступен и для писателей, не владеющих русским языком или владеющих им не в совершенстве (Цадаса на нем лишь объяснялся, но читать свободно не мог). В переводах же, письменных и устных, которые постоянно делали ему друзья и близкие, Цадаса узнает и рассказы Чехова, и стихи Маяковского, и песни Лебедева-Кумача.

Дагестанская литература обогатилась переводами на родные языки не только русской классики, но и стихов К. Хетагурова, Джамбула и других писателей братских народов. Появляются и взаимные переводы с одного дагестанского языка на другой. Так, в частности, Цадаса переводил стихи С. Стальского.

Выходят в свет первые переводы произведений дагестанских писателей на русский язык. Несвободные от многих ошибок, во многом несовершенные, эти первые издания тем не менее знаменуют собою новые важные свойства литературного движения.

Русские писатели: В. Ставский, П. Павленко, В. Луговской, Л. Пасынков, Н. Тихонов много делают для подъема и популяризации дагестанских литератур. Павленко, который впервые побывал в Дагестане весной 1933 года, летом снова вернулся сюда вместе с Луговским и Тихоновым. Это была первая русская писательская бригада в горах. Поездка оказалась весьма плодотворной. Летом 1933 года, во время поездок Павленко, Луговского и Тихонова по Аварии, познакомился с ними и Цадаса.

За ростом дагестанской литературы следит М. Горький. На первом съезде писателей устанавливается личная связь Сулеймана Стальского с Горьким. Стальский обратился в 1935 году к великому русскому другу с просьбой прислать «хороших, способных, умеющих писателей. Пусть они напишут книгу о стране гор, которая становится страной веселых садов, жизнерадостных колхо-

зов и умных, здоровых юношей...»¹ Просьба Стальского была выполнена.

Литература Дагестана в 30-е годы, вскоре после постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций», являет картину оживленной, деятельной творческой жизни. Начинает формироваться дагестанская проза. Литературная молодежь, свободно владеющая русским языком, богатствами русской культуры, несет в родную литературу новые образы и характеры, свежие темы, новые жанры: повесть, рассказ, сюжетную поэму, стихи, раскрывающие сложный духовный мир человека, пейзажную лирику.

Быть может, сильнее всего сказалось воздействие классической русской, и особенно советской, литературы в утверждающих, славящих жизнь произведениях Цадасы. Точный глаз, способность художника уловить на самой стремнине быстрого, бурлящего потока жизни молодое, новое — свидетельствует о том, что он все увереннее овладевает одним из важнейших требований социалистического реализма — умением изображать жизнь в ее непрерывном изменении, совершенствовании, обогащении, умением в сегодняшних сюжетах раскрывать завтрашний день. Много удивительных новшеств принесла революция: широкая дорога в горы и автомобиль на ней; трактор и радио; врач в ауле и возможность для простого крестьянина получить путевку на курорт; кино и газета — обо всем этом есть стихи у Цадасы, веселые, звонкие, сильные острой свежестью, яркостью восприятия. Но, как художник, он улавливает гораздо больше, нежели только эти, немаловажные, но все же внешние приметы времени. Его привлекает и волнует рождение новых человеческих характеров, обновление человеческой души в условиях советского общества. Уже стихи конца 20-х годов содержат первые убедительные и сильные наброски таких характеров. Совершенно оригинален, нов для аварской поэзии образ девушки из стихотворения «Мать, дочь и барышник». В дагестанской критике указывалось на преемственность в связь этого образа с диалогом Махмуда «Мать и дочь». Преемственность, если она и есть, то больше в поэтическом приеме, а не в характерах, не в идее. Никто до Цадасы не запечатлел с такой убедительностью и силой духовное раскрепощение женщины гор. Героиня его протестует против продажи ее в жены торговцу-богатею. Она рвется к знаниям. Она полная противополож-

¹ «Сулейман Стальский. Сборник материалов и документов». Махачкала, 1939, стр. 58.

ность робкой, забытой Патимат из стихотворения «Чохто». Силой, уверенностью в своей правоте дышат ее слова:

Мать, имущество и деньги истребит пожар огнем.
Знаю я одно богатство — знаньем мы его зовем.
Для него не страшны вору, наводнение, дикий зверь;
Только знанье — наша сила и сокровище, поверь.

(Перевод Т. Стрешневой)

С середины 30-х годов советский человек, человек-труженик занимает все большее место в творчестве Цадасы. Новые, не виданные в аварской поэзии герои, поднятые и возвеличенные самой жизнью, входят в его чуткий, деятельный стих. Он воспевает доблесть юношей и девушек альпинистов («На стойбище горных духов») и суровые будни строителей горных дорог («Отец и сын о строительстве дорог»). Он пишет стихи, прославляющие садовника и пахаря («Садовод и полевод»). Он слагает подлинные оды о чабанах, причем оды, несмотря на их высокий лад, не пафосно-отвлеченные, а полные неподражаемого юмора, веселья, богатые деталями пастушьего быта («Мококил Магома на съезде чабанов»).

Со свойственной ему силой обобщения, так ярко сказавшейся в сатире, Цадаса и здесь, в этих стихах, утверждающих красоту и полноту жизни, умеет извлечь из отдельного факта его глубокий смысл. Он пишет о делах и людях, о которых мог бы рассказать любой его земляк. Почти всегда в основе его стихов — подлинный случай, событие, живой человек. Таково свойство его работы, такова его манера брать у жизни материал. Но, когда он ведет речь о молодежи, поднявшейся, сломав страх перед запретом и суевериями, на вершину Седло-горы («На стойбище горных духов»), — за этим рассказом ощущение неизмеримо большего: огромный перелом в сознании народа, прозревшего, стряхнувшего с себя груз рабских предрассудков. Когда он говорит о расцвете родного колхоза («Колхоз имени Сталина в селении Хунзах»), — за очень простыми, повседневными приметами зажиточной колхозной жизни видна общая картина неузнаваемо изменившихся, обновленных дагестанских гор.

Нет никакой нужды, да и неправильно было бы всегда искать прямых непосредственных влияний или отражений творчества того или иного русского классика, того или иного произведения русской литературы в творчестве Цадасы. Речь идет о процессах гораздо более глубоких и значительных: о том общем, плодотворном, могучем идейном влиянии, о том обогащающем культурном воздей-

ствии, какое оказывала передовая русская литература на писателей Дагестана, в том числе и на Цадасу. Влияние это и воздействие было во всем: в чтении, в поездках в Москву, в личных встречах, беседах, письмах, во всей атмосфере внимания, поддержки, творческой взаимозаинтересованности. Это окрыляло, насыщало дагестанскую поэзию новыми идеями, помогало ей увереннее вступать на путь социалистического реализма.

Цадаса работал теперь в переключке с русскими писателями, с передовыми писателями братских народов нашей родины, ибо общая тема социалистической перестройки жизни, переделки человека, самая важная для всей советской литературы, — была и для него насущнейшей, кровно близкой. Он воплощал ее на родном национальном материале и рассказывал о своеобразной жизни своей горской родины всем людям Союза социалистических республик. К концу 30-х годов поэзия Цадасы находит высокую оценку не только в родных горах, но и далеко за их пределами. Н. Тихонов ставит имя Цадасы в один ряд с именами таких выдающихся дагестанских поэтов, как Махмуд из Кахаб-Росо или классик даргинской литературы Батырай. Предлагая издать стихи Махмуда и Батырая в серии «Библиотеки поэта», Тихонов в 1939 году писал Э. Капиеву и автору этих строк: «Есть еще и третье имя — это Гамзат Цадаса... Эти имена стоит представить читателю в форме, для них достойной... Давайте воскресим этих стариков по-русски».¹

О том, что творчество Цадасы приобрело значение, выходящее за пределы Дагестана, свидетельствует награждение его в январе 1939 года в числе 102 советских писателей. Поэт был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

6

Творческий облик Цадасы поражает многогранностью... Сатирик с прочно установившейся известностью, автор публицистических стихов, драматург, он в годы Великой Отечественной войны выказывает себя в новом, неожиданном качестве — как проникновенный лирик, певец задушевных и сложных человеческих чувств.

Лирика и война?.. Да! Но не только лирика, разумеется, ибо именно в годы войны Цадаса, как никогда, деятельно откликнулся своим поэтическим словом на все события и потребности

¹ Архив Э. Капиева.

общественно-политической жизни родины. Его стихи 1941—1945 годов — живая, непрерывная, многоголосая беседа с народом. Он начал ее вечером в трудный день 22 июня выступлением по радио, в котором предрекал неизбежное падение гитлеризма.

Чтобы быть в гуще событий, работать оперативнее, поэт из аула Цада, где он жил до сих пор, переезжает в столицу республики Махачкалу. Но и в горах он бывает постоянно. Выезжает он также в Грузию, в Кабарду. Его голос звучит со страниц газет, на антифашистских митингах. «В самую трудную для страны годину я приветствовал народ с победой, что завтра будет. Каждой строкой я убеждал людей, что подлость и счастье несовместимы... С самого начала этих великих битв я по-новому начал слагать стихи»¹, — писал Цадаса о своей работе.

Все его творчество подчинено единой цели: поэт-трибун, поэт-агитатор, он помогает борьбе народа за свободу и независимость.

Новую окраску и новое остро-политическое звучание приобретает сатира Цадасы. Это испытанное, грозное оружие он направляет против фашистских захватчиков. В дагестанской литературе нет аналогий обширному сатирическому памфлетному циклу стихов Цадасы, бичующему гитлеризм, разоблачающему его античеловечность. «Весенние сказки Гитлера» и «Летние сказки Гитлера», «О том, как Гитлер погнался за двумя зайцами», «Беседа Гитлера с зимой», «Слово обманутого немецкого солдата к фюреру после двух лет войны», — десятки произведений, одно за другим! В годы войны Цадаса писал много. Переведена лишь малая часть. Не переведены пока и сатиры, о которых идет речь. Если искать родственные им по манере и по силе сатирического заряда произведения в русской литературе, то ближе всего этот цикл Цадасы к Д. Бедному, к таким его стихам, как: «Геббельсовские изречения, «рождественские» до умопомрачения», «Расплата», «Фашистский вой», — да и ко всей деятельности Демьяна Бедного-сатирика в данный период. Эта поэтическая близость, рожденная некоторым сходством обликов, единством жанра и общностью задач, позволила Д. Бедному, переводившему басни Цадасы, сюжет одной из них — «Кто слушается брюха, тот голову теряет» — творчески использовать и переработать в своем сатирическом антифашистском стихотворении «Жила-была собака...»

Сарказм, гипербола, жестокая ирония, едкий, карикатурный штрих — все наиболее острые, разящие приемы сатиры (причем в сочетании с полной народностью языка, сюжетов, образного вопло-

¹ Г. Цадаса. Моя жизнь (из непереуведенной главы поэмы).

щения) применяет Цадаса для того, чтобы беспощаднее разоблачить звериную суть фашизма.

Но наибольшую любовь народа, наибольшую популярность получила в годы войны все-таки лирика Цадасы. Входят в быт, поются его лирические стихи, созданные незадолго перед войной: «Песня уходящих в армию», «Песня жены фронтовика», «Жизнь и родина». События военного времени дают им второе рождение.

Возникает множество новых лирических стихов Цадасы: песен, писем-посланий, плачей, прославлений.

В лирике военных лет Цадаса запечатлел образ горца-воина, «орла Кавказских гор». Поэт с удивительной естественностью сочетает в этом образе традиционные национальные черты джигита, «наследника легендарного Хочбара, испепеленного на костре», и новые черты национального характера советского человека, современного бойца, который «ради товарищей ложится под танк своим телом, с петлей на шее плюет в лицо врагу» («Спасибо, спасибо, железная армия!», «Призыв к горцам Кавказа», «Герои Дагестана»).

Позитивны женские лирические образы, созданные Цадасой: любящая и требовательная мать героя, терпеливая, преданная жена, нежная сестра, верная невеста, сраженная горем вдова. Нет, кажется, такой области чувств и переживаний, личных, сердечных, семейных отношений, какой не коснулся бы поэт в своих песнях. Любовь и горе, тревога и уверенность, ненависть к врагу и жажда победы — множество эмоций в различнейших оттенках перекликаются в них, придают им глубину и задушевность.

Цадаса пишет песню-послание сестер к братьям-воинам («Песня сестер») и такую же «Песню невест», «Письмо с фронта любимой» и «Письмо бойцов из Германии». От воинов он получает в ответ на стихи много писем, просьбы, прямые заказы. «У меня счастье, — пишет ему аварец танкист. — Товарищи поздравляли меня с рождением сына, а я плясал от восторга. Зурны, правда, не было, но друзья хлопали в ладоши. Это было нашим праздником. Мечтаю об одном: поскорее победить фашистов и увидеть своего сына, любимую жену. Прошу мои мысли и желания изложить в стихах...»¹ Подобные письма и требования были так многочисленны, и так глубоко ощущал поэт их законность, что придумывает совершенно новую форму общения со своими земляками-воинами, получившую всенародное значение в Дагестане. По его

¹ Архив Цадасы.

предложению на семи языках выходили с 1943 года в Махачкале открытые письма «Дагестан своим фронтовикам».

«Дорогие друзья! — писал поэт в первом номере такого письма. — У меня, старика, в армии два сына, много на фронте моих земляков и знакомых. Со многими я переписываюсь, многим заменяю отца, а иным и газету: сообщаю о всех наших дагестанских новостях... Чтобы расширить нашу общую переписку с фронтом, я внес предложение: ежемесячно посылать нашим землякам-фронтовикам открытое письмо-газету». ¹ В самих этих жизненных фактах много поэзии, все здесь внятно говорит о развитой поэтической традиции народа: стихи Цадасы, отклики на них, то, наконец, что лирический жанр послания в наши дни вдруг вполне современно оборачивается иллюстрированной газетой-листовкой (в которой, кстати, печатались песни, стихи, военные афоризмы народа).

Многое в лирике Цадасы военных лет родственно аварскому фольклору. Традиционная символика устной песни — эпоса и лирики — оживает в его песнях как элемент характеристики образов (герой — «лев», «сокол»; враг — «ворон» или «шакал»). Фольклорны поэтические приемы, лексика. Стихотворение «Плач Зайбат при вести о смерти мужа, павшего в бою» Цадаса написал в классической форме горского оплакивания и построил на психологическом параллелизме («раны соколу нанесли вороны», «льва растерзали шакалы»). В этой же манере написано «Обращение подруги к Зайбат». Утешая Зайбат, подруга называет ее «златокрылой голубкой», — любимая метафора горской лирики. Целиком в тональности народной песни зачин стихотворения: «Не обильные дожди льют с неба, а ливни бомб падают, не цветы на земле алеют, а ручьи крови пенятся...»

Песенная лирика Цадасы при всей фольклорности ее образов и поэтических средств вовсе не архаична. Напротив, она насыщена большим современным содержанием, отличается новизной характеров, свежестью мысли. Никто до него с такой страстью и убедительностью не говорил у аварцев в лирических стихах о патриотизме, долге перед родиной, необходимости личное подчинить общественному... По-новому пишет он о любви. В старой лирике аварцев, у певцов прошлого, у Махмуда — любовь лишь самозабвенная, всепоглощающая страсть. В знаменитом послании Махмуда возлюбленной с фронта первой империалистической войны, поэме «Мариам», поэт, тоскуя по любимой, остается глубоко равнодушным к событиям, потрясающим народы, меняющим судьбы

¹ «Дагестан своим фронтовикам». Листовка № 1.

целых стран. Он ушел на фронт добровольцем, но цели войны ему непонятны и он не стремится в них разобраться. Он говорит возлюбленной:

Замышляют войну цари, короли,
И народы земли сзывают на бой.
Ну а я? Лишь тобой я занят всегда.
Лишь тебе посвятил я думы свои...¹

(Перевод С. Липкина)

Цадаса воспевает любовь как чувство, столь же могучее, непреодолимое, но плодотворное, зовущее на подвиг, укрепляющее верность родине. В его «Письме с фронта любимой» юноша говорит: «Теперь, дорогая, не дни Лейлы и Меджнуна! Мы не развяжем пояса, пока не достигнем победы...» В уста подруги Зайбат, утешающей молодую вдову, поэт вкладывает такие слова: «Твое горе общее для нас всех! Раненое сердце, опаленную душу твою исцелит радость народная, радость победы!»

Много и хорошо пишет Цадаса в эти годы о дружбе советских народов. Он был певцом этой дружбы и раньше. Но теперь для него, как и для всей советской поэзии, тема эта приобретает особое значение. Вдохновенно воспевает он величавый размах освободительной народной войны:

Шли, как поток могучий, как потоп, —
Всех ветер гнева на дорогу вынес:
Киргиз, казах, таджик, туркмен, узбек
Шли, боевым оружием оцетинясь.
Кавказ всю силу выставил свою:
Искусный в сече шел азербайджанец,
Грузин и армянин в атаку шли,
И ты, железный конник-дагестанец...

(Перевод Л. Пеньковского)

Годы войны — время неустанной работы Цадасы. Война не обошла горем и его дом. Один из его сыновей пал смертью храбрых под Сталинградом, другой — под Севастополем. Поэт не омрачил своей песни личной скорбью. Лишь в стихотворении «Маленькой внучке Пати» он открыто, хотя и очень скупно, сдержанно рассказал о своей утрате. Всю силу сердца, жар души он отдает на службу общему делу. П. Павленко вспоминает, как рассказывал

¹ Махмуд. Песни любви. Махачкала, 1954, стр. 6.

ему и Н. Тихонову Цадаса об этой поре. «Работаю много, — сказал он, — иной раз по неделям с коня не слезаю. Тут нужна песня о смельчаках — детях аула, там — приветствие молодым, уходящим на фронт, или стихи о женщинах-труженицах, — и все зовут, все торопят, и нельзя отказать, и надо ездить, и читать, и слушать, и видеть...»¹

Стихи Цадасы, написанные в годы Отечественной войны, составили книги «За Родину!» (1942) и «К мести!» (1944). В 1944 году вышла также первая его книга сказок и басен для детей «Голубка с лазоревой шейкой».

Цадаса был первым в Аварии баснописцем, первым детским писателем. В сборник «Голубка с лазоревой шейкой» Цадаса включил сказки, басни, притчи: «Сон», «Лев и заяц», «О лисице-плутке и волке-глупце», «Кто слушается брюха, тот голову теряет» и другие.

Стихи Цадасы, написанные для детей, отличаются разнообразием поэтических приемов и интонаций. Писатель охотно брал для этих стихов мотивы и темы устного народного творчества. Интересный пример сложного преломления мотивов горского сказочного эпоса представляет лирическая сказка Цадасы «Сон». Переплетая серьезное с шуткой, поучительное с забавным, поэт начинал сказку с весьма характерного для горской народной песни размышления или наставления на тему: «Что к чему подходит?» Прелесть стихов в простодушно-наивной манере повествования, в любви автора к мотивам сказок, знакомых с детства, и в то же время в тонкой иронии над их наивными чудесами. Вся система мышления, подбор образов выдержаны в духе устной сказочной поэзии, но вместе с тем стихи вполне современные: это веселая, умная шутка по адресу «преданий старины глубокой», доступная пониманию ребенка, но очаровывающая и взрослого читателя.

В ином плане, в духе торжественного дидактического сказа выдержана история о голубке, давшая название сборнику. Она откровенно нравоучительна. Аллегория сказки естественно приводит ребенка к выводу о великой силе дружбы и взаимопомощи, к мысли о том, что дружить должны и могут порой совсем разные люди, если только они обоюдно хранят честность и верность:

¹ П. Павленко. Дружба. — «Литературная газета», 1947, № 31.

† Так может возникнуть нежданная дружба,
Так могут сродниться огонь и вода —
Лишь было бы сердце для друга открыто
И не изменяло ему никогда.

(Перевод В. Потаповой)

В сборник вошла и одна из самых любимых детьми басен Цадасы «Слон и муравей». Юмор ее в том, что привычные герои животного эпоса у Цадасы выступают в неожиданных ролях и наделены необычными чертами. Слон — насильник, крошка-муравей — герой, олицетворение находчивости и мужества. Муравей побеждает слона, наказывает его за чванство.

Детские стихи Цадасы картинны, полны красочных деталей, комических положений. Мыши у него «с отвагой героической» ведут за собой тигра, лягушки ходят в замшевых туфлях, пауки — акробаты, осы играют на флейтах... Не случайно басня «Слон и муравей» и сказка «Лев и заяц» были экранизированы, послужили сюжетами для цветных мультипликационных фильмов.

Как детский писатель Цадаса не замыкался в кругу сказочно-фантастических тем. Он писал о школе, о жизни пионеров, о счастливом детстве горских ребят («Подарок пионерам», «Начало учебного года», «Закаляйся, пионер», «Каникулы»). Однако наиболее оригинальными и яркими в творчестве для детей оказались сказки и басни. Их юмор и дидактика хорошо соответствовали характеру дарования Цадасы.

Большое значение имела для аварской литературы деятельность Цадасы-баснописца. Басня как жанр устной поэзии была издавна известна горцам и любима ими. П. Услар писал около ста лет назад, сообщая свои наблюдения над дагестанским фольклором: «Горских басен мог бы я привести несколько десятков». Но он же отмечал и известную примитивность этих басен, говорил о том, что зачастую они «представляют лишь сухие нравоучения, облеченные в весьма незамысловатые формы...»¹

Элементы басни свойственны уже раннему творчеству Цадасы. Они весьма отчетливы в таких стихах, как «Песня о собаке Алибека», «Дибир и хомяк». Здесь есть и прием олицетворения, очеловечивания животных, и драматизированное построение, и непринужденная басенная речь. Однако в «Дибире» и «хомяке» мало действия. Основное — рассуждения. Басенные черты легко найти во многих

¹ Кое-что о словесных произведениях горцев. — Сборник сведений о кавказских горцах, вып. 1. Тифлис, 1868, стр. 21.

произведениях Цадасы, в частности в его стихах, написанных во все последующие годы. Об этом уже говорилось. Весьма многочисленны стихи поэта, в которых чрезвычайно ярко выражены отдельные приемы басни, но которые все же баснями назвать нельзя: «Жалоба коров на пастуха Исмаила», «Письмо автомобиля», «Говорит нефть». С басней роднит эти стихи перенесение в мир неодушевленных предметов или животных тех отношений и обстоятельств, какие свойственны жизни человека. Но в отличие от басни нет в них важнейшего басенного признака: аллегоричности, возможности иносказательного толкования. Автомобиль есть автомобиль, нефть — нефть и ничего более, хоть и говорят и мыслят они у поэта по-человечески. К басне как к жанру со всеми его крупными устоявшимися отличительными особенностями, Цадаса пришел лишь в конце своего творческого пути, в 1945—1949 годах.

Среди первых его опытов 1939—1940 года — басни, написанные на темы классических восточных сюжетов, почерпнутых из книги «Калила и Димна» («Плотник и обезьяна», «Слон и пигалица», «Мечтатель-пастух»). Переведенная еще в XVIII веке на аварский язык ученым Дибирсм-Қади из Хунзаха, «Калила и Димна» — книга, известная на родине Цадасы. Сам он очень ее любил, охотно читал ее в подлиннике и переводил устно детям, старикам соседям. Но ни в одном из почерпнутых в ней сюжетов поэт не следовал слепо за подлинником, уже во многом чуждым, с отжившей моралью. Он поступал с подлинником так же, как некогда Крылов с баснями Лафонтена. Он не просто переводил с арабского, а придавал стихам характер, облик, юмор — чисто аварский. Его «Мечтатель-пастух» — это не безликий «благочестивец» «Калилы и Димны». Он живет в Хунзахе, он беден как мышь и пасет чужих овец. Сюжетные и нравоучительные положения древних притч Цадаса обогащал реальными чертами, взятыми из жизни и быта народов гор. Басни эти написаны живым, народным языком, описания их реалистичны, точны. Но мораль их отвлеченна, «всеобща».

Некоторые из первых басен Цадасы — тот же «Мечтатель-пастух», «Ослица и вол Магомы» — близки скорее к остроумной, меткой притче, поучительной сказке, нежели к басне.

Другие, написанные несколько позже — «Кто слушается брюха, тот голову теряет», «Мулла и обманщики», — как бы драматизированные сценки на сюжеты горских народных пословиц и анекдотов. Смысл басни «Мулла и обманщики» в ее эпиграфе: «Хитрый не богатеет, если нет дураков». В стихотворении есть нравоучение, звучит насмешка трудового человека над дармоедами,

есть житейская, практическая мудрость, лукавая, ироническая усмешка, но нет того, что придает басне разящую силу и возвышает ее как жанр: нет сатиры, острого обличения, образной морали, вытекающей из самого рассказа.

Басня Цадасы приобрела такое звучание — действенное, острое, современное, когда поэт бичевал явления, враждебные советскому строю, советской этике, боролся за новую, коммунистическую мораль. Такова прекрасная басня, написанная в 1939 году, о легкомысленном воробье, порхающем от одной воробьишки к другой. Читатель сразу же и по достоинству оценил эту басню, введя ее строки в круг аварских пословиц.

Большое значение в работе Цадасы-баснописца имело его близкое знакомство с баснями Крылова. В 1944 году поэт перевел несколько крыловских басен: «Волк и пастух», «Две бочки», «Мышь и крыса», «Петух и жемчужное зерно». Они вошли в хрестоматию, печатались наряду с оригинальными баснями Цадасы в его втором сборнике для детей «Трудовая птичка» (1948). С миром крыловских басенных образов Цадаса настолько сжился, что, как рассказывают близкие поэта, строки многих басен Крылова («Кот и повар», «Мартышка и очки», «Волк и ягненок») нередко звучали в его беседе наряду с пословицами родного народа. Богатство художественных средств Крылова, разящую меткость его сатиры, народность образов Цадаса воспринял и впитал глубоко и естественно. Они были родственны ему как художнику.

Творческое усвоение идейных и художественных богатств русской басни во многом способствовало тому, что в области басенного жанра Цадаса добился больших успехов. Более отточенными, законченными, близкими к современности становятся сюжеты его басен, тоньше юмор, заостреннее сатирические выводы. Басни его уже не только дидактичны, но и публицистичны в самом лучшем смысле слова. Цадаса достигает незаурядного мастерства в обрисовке басенных персонажей, добивается полного соответствия басенной маски с чертами того человеческого типа, какой она таит за собой. В аллегорических образах суслика Пайруза или хомяка из басен «Нет дыма без огня» и «Ревизия хомяка» (1946) с большой точностью деталей и сюжетной достоверностью воплощены человеческие характеры. Цадаса бичует в этих баснях дармоедов, расхитителей общественной собственности и их защитников-покровителей.

В 1947—1949 годах Цадаса написал несколько басен, направленных против низкопоклонства перед границей: «Осел о заграничном седле», «Разговор двух лисиц», «Ссора петухов». По злобо-

дневности и остроте сатирического звучания басни эти, как и «Нет дыма без огня», «Ревизия хомяка», стоят на уровне лучших образцов, созданных в басенном жанре советскими поэтами.

Белинский говорил, разбирая басни Крылова: «Басня, как сатира, есть истинный род поэзии». ¹ И он же требовал, чтобы басня была не холодной, риторической аллегорией, а повестью в миниатюре, маленькой драмой с поэтически очерченными характеристиками, чтобы олицетворения в басне были живыми, поэтическими образами. Именно в этом видел Белинский общественную ценность и художественную завершенность басни.

Лучшие басни Цадасы отвечают этим высоким требованиям. Они сильны своей общественно значимой мыслью, сатирической направленностью, живым поэтическим изображением жизни, художественной органичностью возникающей из них морали.

Работа Цадасы в области басни была новаторской не только для аварской поэзии. Басня, как род политически острого оружия, им первым была введена в многоязычную поэзию всех дагестанских народов. Тем ценнее басенное наследство Цадасы, его роль в становлении и развитии басенного жанра в Дагестане.

7

В последние годы жизни Цадасы творчество его достигает своих вершин. Прекрасна старость поэта, полная деятельной мысли, неугасимого творческого горения, жажды жить, работать, радоваться всеми радостями земли. За пять последних лет (с 1946 по 1951) им написано около ста стихотворений, три совершенно различные по своему звучанию поэмы, три комедии для аварского театра, статья-исследование о поэзии Махмуда. Он переводит «Руслана и Людмилу» Пушкина, пушкинскую лирику.

Как и прежде, он не успокаивается на достигнутом, ищет новых тем, новых форм, новых жанров, ставит своей целью как можно полнее, ярче запечатлеть непрерывное, стремительное движение жизни.

В течение долгих лет волновала и привлекала Цадасу тема крестьянской судьбы в социалистическом обществе. Два года работает он над сюжетной эпической поэмой «Сказание о чабане», вложив в это произведение свой богатейший жизненный и творче-

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 8. М., 1955, стр. 575.

ский опыт. Жанр сюжетной поэмы был тогда новым для аварской поэзии. Но поэт не побоялся трудностей. Большие идеи и образы, выношенные им, требовали монументального воплощения.

В «Сказании о чабане» он рисует судьбы аварского крестьянства на протяжении тридцати с лишним лет после Октябрьской революции. Это произведение было для Цадасы итоговым. Он воплотил в нем судьбу не только аварского, но и всех дагестанских народов, выведенных Коммунистической партией из нищеты и бесправия в прошлом на широкий путь социалистического процветания. Переведенное на все дагестанские языки, «Сказание о чабане» сразу же стало любимой книгой во всех дагестанских аулах: кумыкских, лакских, даргинских.

Сюжетное зерно поэмы, историю ее героев, двух братьев, Али и Омара Хирачевых, можно обнаружить в его пьесе 30-х годов «Дети Хирача». В пьесе Цадаса показывал, что нет иного пути для горского крестьянства, нежели путь строительства колхозов, что крестьянина, уклонившегося от жизни в артели, ждет жалкое прозябание.

Сходные сюжетные мотивы лежат в основе стихов Цадасы (также написанных в 30-е годы) «О кулацкой агитации». Полностью включил Цадаса в поэму стихотворение этой же поры «Мокоил Магома на съезде чабанов»; оно составило третью главу. И пьеса, и стихи — все это были лишь эскизы, наброски в сравнении с большим полотном поэмы. В годы, когда они создавались, поэт, естественно, еще не мог ясно представить себе тех форм и тех масштабов перестройки жизни, какие нес в горы колхозный строй. Не владел он тогда в полной мере и мастерством многопланового, реалистического изображения действительности. В «Сказании о чабане» идейное, сюжетное и композиционное завершение большой темы.

Цадаса рассказывает о юности своих героев Али и Омара, о том, какими разными путями пришли они в колхоз. Правдивы, близки к жизни образы этих людей. Поэт проводит их через горнило войны, рисует их личные судьбы: большую, сложную любовь Али и Айны. Али — новый человек, советский крестьянин, для которого работа не тяжелая борьба за кусок хлеба, не бремя, а осмысленный, горячо любимый творческий труд. Он хозяин жизни и ее строитель. Он властвует над природой и подчиняет себе ее законы. Черты своего героя Цадаса наблюдал в действительности. Эти черты в каких-то отдельных своих качествах и проявлениях были и прежде запечатлены во многих стихах поэта. По мере того как выкристаллизовывался тип новатора в самой жизни, поэт сведе

их воедино, дал в своем произведении углубленную психологическую характеристику героя. Али найден поэтом в результате настойчивых поисков. Это национальный характер советского горца в его изменениях и совершенствовании. То же можно сказать и об Айне — женщине нового склада, самостоятельность, смелость, прямота которой являются как бы высшим психологическим завершением многих женских образов, выведенных Цадасой ранее в его поэзии.

В стихах 30-х годов, посвященных людям колхозного аула, характеры людей Цадаса не всегда показывал ярко и выпукло. Картины живой жизни, движущейся и развивающейся, он подменял порой декларативным утверждением или простой констатацией фактов. Теперь он овладел искусством глубокого, исторически конкретного изображения жизни в ее развитии и движении. Реально, жизненно содержание его «Сказания», живописно-ярки описания событий. Психологически углубленно мотивированы поступки и действия героев.

Большим идеям своего произведения Цадаса нашел соответствующую художественную форму. Сюжетная композиция поэмы отличается цельностью, ясностью, стройностью. Поэма написана одним стремительным, кратким семисложным размером с разнообразной рифмой. Размер этот легок, динамичен; несмотря на единообразие ритма, стих не звучит монотонно, его интонации богаты, певучи, многозвучны.

По свидетельству друзей и близких поэта, труднее всего оказалась для Цадасы работа над композиционным построением поэмы, над развитием сложного многопланового сюжета со многими героями, с параллельным развитием ряда человеческих судеб и характеров.

Цадаса создавал свое «Сказание», опираясь на опыт передовой русской классической литературы, на достижения советской литературы.

Глубоким своеобразием отличается поэма Цадасы «Уроки жизни». Поэт считал ее своим любимым детищем и говорил о ней: «Мои завещания». Это — как бы обращение поэта к народу, раздумья о целях жизни, о долге человека перед родиной и народом, о стремлении к добру, о нравственных свойствах и качествах человеческой натуры. В «Уроках жизни» есть что-то от издревле любимого на Востоке жанра поучительного изречения, жанра, кстати сказать, не омертвевшего, а и поныне живого, любимого в горах.

Забота о моральном здоровье народа некогда подсказывала Цадасе темы его сатир. Ею насыщены лучшие его басни. Она же

вдохновила поэта на склоне лет на создание этих поучительных поэтических четверостиший. В «Уроках жизни» удивительно оригинальный сплав вековой народной национальной мудрости (выраженной в пословицах, в метких наблюдениях, обычаях, суждениях трудового горца) с передовыми, гуманистическими воззрениями и мыслями нашего современника, советского поэта. Принимая все лучшее, здоровое, ценное, что создал в прошлом его народ в области этики — «адаба»,¹ Цадаса утверждал новую, обогащенную высокими идеями социализма мораль, ратовал за чистоту, красоту, силу духовного облика советского человека. Множество афоризмов из «Уроков жизни» стало устным достоянием аварского народа.

Углубленной мыслью, напряженной эмоциональностью отличается лирика Цадасы последних лет.

Прекрасна публицистическая его лирика, посвященная борьбе за мир. По-прежнему поэтической речи Цадасы чужды внешняя яркость, поражающая воображение метафоричность. Цикл стихов о мире отличается ясностью, простотой, народностью языка, манерой строить политический вывод на материале народного изречения, народной пословицы, насыщенной новым значительным смыслом.

Цадаса добивался в этих стихах большого разнообразия, глубины поэтического выражения. То в форме призыва, то в лирическом обращении, то в форме поучения, наставления он делился со своими читателями думами о мире, о долге каждого советского человека бороться за мир.

Зрелая, ясная мысль, простота, уверенное мастерство в лирических стихах Цадасы, посвященных поэзии, — «Пушкину», «Поэту Махмуду», славящих расцвет родной земли — «Говорят нефть», «Электростанция в Хунзахе».

С ним и на склоне лет, как всегда, озорная шутка, веселый смех. Такие стихи, как «Разговор между колхозником Хочбаром и председателем Али», «Моей бедной пьесе», свидетельствуют, что в эти годы юмор Цадасы приобретает новые качества: изящество, тонкость. (Хотя при случае поэт по-прежнему бывает жестко, беспощадно сатирически резок. Достаточно упомянуть сатиру «Соп американского миллиардера».)

Но он, этот жизнерадостный, цельный, неутомимый человек, узнал теперь и минуты душевной скорби, тягостных разду-

¹ Добродетель (аварск.).

мий: Ум ясен, мысль кипит, а тело слабеет, уходят силы... Надвигается грозная болезнь, с которой всё труднее бороться.

Я старости не покорюсь
И не склонюсь пред нею.
И чем я старше становлюсь,
Тем жить хочу сильнее.

(Перевод Н. Гребнева)

Страстное желание жить, непоправимый разлад между угасанием сил и неугасимой молодостью души, думы о жизни и смерти становятся темой многих стихов Цадасы («Октябрь», «Старость — молодость», «Старость и болезнь», «Разговор со старостью», «Старость»)...

Некогда аварский поэт Али Гаджи из Инхо в своей элегии «Появление седины» скорбел о том же: о безвозвратной молодости, о неотвратимости смерти. Смелые, могучие образы в его стихах потрясают трагизмом. В них одна мысль, одна боль. Мысль о бесплодности кружения времени, о бренности земного бытия... Стихи Цадасы скромнее, строже по краскам, но неизмеримо человечнее, богаче мыслью. В самой печали его иные мотивы. В самих думах о смерти — вера в жизнь. Множество разных чувств сменяется и переплетается в них. Скорбная, траурная нота, гнев против неизбежного конца, благородная, полная сдержанности, сердечная печаль... И над всем — грустная, все понимающая улыбка мудреца, сильного духом человека. Она — в шутке над собственной слабостью, в иронических похвалах старости и болезни, в насмешливом споре со старостью и с самой смертью, которая отнимает жизнь, но не в силах уничтожить дела, творения человека.

Поэзия Цадасы последних лет — по-прежнему насквозь земная, со здоровыми, сильными страстями и чувствами, чуждая всякого пурризма, всякой позы — становится одухотвореннее, тоньше, богаче множеством сложных переживаний.

В ней по-прежнему ароматы и краски родных гор. Но она отличается принципиально новыми качествами психологической углубленности. В передаче душевных движений, сердечных переживаний Цадаса тяготеет теперь к пушкинской манере предельной открытости, простоты, ясности.

Он обращается к новому, духовно выросшему культурному читателю, с которым поэт может делиться самыми тонкими и сложными оттенками чувств, не опасаясь остаться непонятым. И читатель понимал его, верил ему. «Поэт дагестанских гор и отец»,

«поэт и воспитатель народов Дагестана», «отец Гамзат», — так обращаются к нему в письмах многочисленные корреспонденты.

Послевоенные годы — время наибольшей заслуженной известности Цадасы, все возрастающего уважения и любви к нему в Дагестане. Он подлинно народный поэт по всему своему облику, образу жизни, неразрывности своих связей с народом.

Чудесные, верные слова сказал о Цадасе его сын, поэт Расул Гамзатов:

В каждом горце, я знаю, есть нечто такое,
Что всегда мне напомнит отца моего.
Ты, отец, был народом, и он был тобою,
Ты причастен к бессмертью его.¹

(Перевод Н. Гребнева)

Послевоенные годы — это также время, когда все шире распространяются произведения Цадасы. В 1947—1948 годах вышел двухтомник его сочинений на аварском языке. Книги его избранных стихов выпущены Даггосиздатом на даргинском, кумыкском, лакском, лезгинском и табасаранском языках.

В Москве в 1947 году напечатан первый сборник стихов Цадасы в переводах на русский язык «Горные вершины». Тогда же в Дагестане, также на русском языке, появилась книга «Избранное», подготовленная дагестанской базой Академии наук. Три года спустя «Избранное» Цадасы было напечатано в Москве. За эту книгу Цадаса получил Сталинскую премию.

Болезнь застала писателя в раздумьях над новым большим замыслом. Он приступал к автобиографической повести «Две жизни». Уже накоплены были черновые наброски, заметки, планы... Смерть, последовавшая 11 июня 1951 года, прервала эту работу.

«Я воин, и я борюсь, держа в руках саблю, закаленную и отточенную народом»², — говорил Цадаса в одном из выступлений за несколько месяцев до своей кончины.

Как воин, он и умер, не выпуская оружия из рук до последнего вздоха.

8

Национальная форма — понятие живое, меняющееся. Она изменяется вместе с переменами в социальных судьбах народов, с

¹ Расул Гамзатов. Лирика. М., 1954, стр. 155.

² Выступление перед избирателями. 1950 (рукопись). Архив Цадасы.

изменением национального характера народа. Поэзия Цадасы всегда впитывала в себя нравы, обычаи аварского народа, его восприятие природы, его песню, поэтическое мышление его классики. Но творчество поэта никогда не было чем-то неподвижным, застывшим в своих национальных особенностях. И содержание, и форма его поэзии на каждом новом историческом этапе нечто отвергают, чем-то дополнены и обогащены.

Впитывая в себя, кроме родного национального опыта, также опыт русской классики и советской литературы, вырастая как художник социалистического реализма, Цадаса с годами все ярче рисовал действительность, лепил всё более сложные человеческие характеры, запечатлевал изменяющееся своеобразие их национальных особенностей. Новое содержание влекло за собой новые формы. Новизна эта не стирала национальной оригинальности творчества Цадасы. Она только придавала ей иное выражение.

Корни поэзии Цадасы уходят в глубокую толщу народной почвы — богатейшего устного творчества аварского трудового крестьянства. Горьковские слова: «Начало искусства слова в фольклоре», сказанные им в связи с известной его оценкой народности творчества Сулеймана Стальского (в заключительном слове на Первом Всесоюзном съезде писателей), вполне применимы к Цадасе. Из устной поэзии он брал, поддерживал и развивал ее лучшие, передовые тенденции, развивал и обогащал ее форму в неразрывной связи с тем новым, советским, коммунистическим содержанием, которое вносил в свое творчество.

Будучи в молодости некоторое время связанным с духовной средой, Цадаса ни в чем не сближался с поэзией церковников-феодалов. Всем своим творчеством он противоборствовал ей. Но зато он был многим обязан аварским певцам из народа — поэтам Чанке, Махмуду. Отметая ошибки, узость мировоззрения, однообразие любовной тематики, свойственные этим лирикам, Цадаса воспринимал у них мотивы, близкие интересам народных низов, выражающие чувства и переживания простых людей, протест, пусть порой еще не осознанный, исторически ограниченный, против такого социального строя, при котором нет для человека чистого, неомраченного чувства любви, нет полного счастья. И, будучи уже зрелым поэтом, Цадаса продолжал ценить у своих предшественников те реалистические приемы работы над родным словом, какие в дни его юности начала вырабатывать эта, выросшая из народной поэзии, школа стихотворцев, вступившая в конфликт с реакционной, мистической поэзией клерикалов, далекой от живого человека с его земными интересами.

По поводу четверостишия Махмуда:

На высокой вершине два влюбленных цветка
Наклонились друг к другу, но вовек не сплетутся,
А в глубокой теснине лютя два родника,
Устремились друг к другу, но вовек не сольются.¹

Цадаса писал: «В этих стихах Махмуд прибегает к подлинно народным поэтическим приемам. Это не от искусственной, изошренной поэзии старых поэтов, а от чистого, народного родника красоты... От этой картины Махмуд ведет нас к пониманию своей страсти, к величайшей любви между ним и возлюбленной, которая так и остается неслиянной».² В приподнято-романтической лирике Махмуда Цадаса ценил богатство языка, смелую искренность, умение найти зримый, реальный образ, взятый из окружающей действительности, из родной природы.

Органически чужда была Цадасе традиционная выпренность, цветистость, которую восприняла и впитала из религиозных источников поэзия старого Дагестана. Вычурные, надуманные образы такого рода, как «капитаны литературных морей», «зубы в пасти моего пера», строй которых близок к восточной поэтической манере, в стихах поэта редки, а в творчестве последних лет их уж совсем трудно встретить.

Сравнивая язык и систему образов у Махмуда и Цадасы, можно заметить, что Махмуд, порвавший с тематикой, с идеями духовной, мистической поэзии, тем не менее еще отдавал дань приемам и образам этой поэзии, пользовался ее словарем, хотя и подчинял все это новой задаче: воспеть, возвысить образ земной женщины, своей возлюбленной. Махмуд сравнивал ее с «турецким шатром из амбры», ее светлый лоб — с «радугой, сияющей над сводами Каабы». У Цадасы не встретить подобных образов даже в ранних стихах. Позже он резко осуждал такие уподобления, критикуя их за надуманность. Осуждал он также манеру Махмуда вводить в песни непонятные слова. Комментируя махмудовские выражения «птичка самаа», «туча самаа», «солнце самаа», Цадаса замечал: «Вместо арабского «самаа» без малейшего ущерба

¹ Махмуд. Песни любви. Махачкала, 1954, стр. 22 (Перевод С. Липкина).

² Г. Цадаса. Махмуд из Кахаб-Росо. — Альм. «Дагестан», Махачкала, 1957, стр. 210.

для духа и буквы Махмуда можно поставить аварское «небо». К чему употреблять непонятное слово, когда есть понятное, родное?»¹

Аварский ученый М. С. Саидов, говоря о борьбе Цадасы против лексики «пышного» языка, восходящего к духовной схоластике, замечает: «Он часто с восхищением вспоминал высказывание А. М. Горького в статье «О социалистическом реализме», которую однажды я ему читал. А. М. Горький говорит: «Подлинная красота языка, действующая, как сила, создается точностью, ясностью, звучностью слов, которые оформляют картины, характеры, идеи книг. Для писателя-художника необходимо широкое знакомство со всем запасом слов богатейшего нашего словаря и необходимо умение выбирать из него наиболее точные, ясные, сильные слова. Только сочетание таких слов и правильная — по смыслу их — расстановка этих слов между точками может образцово оформить мысли автора, создать яркие картины, вылепить живые фигуры людей настолько убедительно, что читатель увидит изображенное автором». Гамзат обогатил наш литературный язык, обогатил лексику, словарный состав, ввел много удачных оборотов и метких выражений. Если сравнить словарный запас произведений Гамзата с таковым в творчестве Махмуда, то разница в пользу словарного богатства в творчестве Гамзата будет колоссальной».²

Воспитанный в арабской школе, Цадаса знал литературу арабского Востока. В медресе, наряду с мусульманским богословием, законодательством и т. д., изучалась риторика, в которую в качестве примеров включались литературные произведения арабских классиков. Как особый предмет проходились правила арабского стихосложения. Цадаса ценил лучшие образцы реалистической восточной древней литературы и мотивы ее вносил в свое творчество. Так привлекла его, как уже говорилось, известная на Востоке книга притч и поучений «Калила и Димна».

Но Цадаса — поэт самобытный в своем творчестве — отстаивал в критических высказываниях и в стихах самобытное историческое значение и богатство родной поэзии, гордился ею и оберегал ее. Когда в 30-х годах, обуреваемые приступами левацкого нигилизма, дагестанские рапповцы объявили национального героя горского эпоса Хочбара «разбойником», исключили песню о нем из школь-

¹ Г. Цадаса. Махмуд из Кахаб-Росо. — Альм. «Дагестан». Махачкала, 1957, стр. 210.

² Рукопись. Фонды Дагестанского научно-исследовательского института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы,

ных хрестоматий, Цадаса выступил с гневными, страстными стихами, написанными от имени Хочбара в защиту этой песни.

Разбирая творчество Махмуда и его предшественников — народных певцов, Цадаса с гордостью говорит о национальной самостоятельности аварской поэзии. В цитированной выше лекции о Махмуде, являющейся как бы сводом воззрений поэта на родную литературу и кодексом его литературных принципов, Цадаса писал: «Некоторые авторы стараются подчеркнуть зависимость творчества Махмуда от арабской литературы... Я должен сказать, что это — пустое занятие».¹

Будучи убежденным реалистом, искателем правды в искусстве, прекрасное поэт видел в живой действительности и в ней призывал прекрасное находить. «Разве найдется кто-нибудь, за исключением человека, умышленно ищущего искусственных сравнений, кто бы решился уподобить стан живой девушки искусственному, бездушному изделию, хотя бы и из золота?»² — спрашивал он.

Народность, простота, верность действительности, которые Цадаса находил в лучших образцах устного родного творчества, в русской классической литературе, — вот в чем видел поэт высшие достоинства художественного произведения, вот к чему стремился и чего добивался.

Есть два имени, к которым обращается он в своем труде, в своей поэзии, — Махмуд и Пушкин.

В течение десятков лет в самых различных формах шло знакомство Цадасы с русской культурой, с русской классической и советской литературой, с литературой братских республик. Национальная аварская печать — переведенные с русского и с братских языков книги; газета, радио (его Цадаса постоянно слушал на родном и на русском языках); доклады и лекции; общение со средой новой аварской интеллигенции — все способствовало этому знакомству.

Широк был круг чтения Цадасы: Крылов, Пушкин, Лермонтов, Л. Толстой, Чехов, Горький, Маяковский, Коста Хетагуров, Джамбул, Айни, Стальский... Знакомство с многонациональной советской литературой, дружеские связи со многими писателями братских народов укреплялись во время поездок Цадасы в Москву, в братские республики. В Москве Цадаса не однажды встречался с А. Фадеевым, П. Павленко, Н. Тихоновым; в Грузии познакомился с Георгием Леонидзе, в Азербайджане — с Самедом Вургу-

¹ Г. Цадаса. Махмуд из Кахаб-Росо. — Альм. «Дагестан», Махачкала, 1957, стр. 210.

² Там же.

ном, в Туркмении — с народным поэтом Ата-Салихом. Он знал Айни и дружески беседовал с ним. «Я в Осетии свой», — писал он, побывав на родине Коста Хетагурова... Друзья дарили Цадасе свои книги, делились с ним творческими планами. Он с интересом следил за появлением их новых произведений.

В стихотворении «Лермонтов» Цадаса говорит о могучем благотворном воздействии идей русской литературы на молодые литературы братских народов. В этом же стихотворении с большой силой звучит мотив братской дружбы, взаимного межнационального обогащения, единства советской литературы. «Я пел песни Лебедева-Кумача, талантливого поэта Москвы, — писал Цадаса. — Я читал стихи Тихонова, сына славного Ленинграда. Я наслаждался душевной беседой грузина Табидзе. Я слышал звонкие слова азербайджанца Вургуна. В моем сердце эхом разносятся напевы старика Джамбула, во мне играют и торжествуют произведения Павла Тычины. Белоруссию, которая прежде не снилась мне, поставил со мною рядом Янка Купала...»

«Песню о родине» Лебедева-Кумача, песню Джамбула о Ленине, стихи Сулеймана Стальского аварский народ знает по переводам Цадасы. Русские читатели знают «Застольную песню» Цадасы по превосходному переводу Н. Тихонова. К Джамбулу и к Стальскому Цадаса обращался в своих стихах. Слова приветствия слышал он от Тычины, встречаясь с ним в Москве.

Новое, рожденное в нашей действительности чувство кровного родства, духовной близости всех советских народов, которое Павло Тычина так чудесно назвал «чувством семьи единой», стало остро присущим Цадасе, как присуще всему нашему народу, всем представителям нашей многонациональной литературы.

Привлекающие его примеры идейности и высокого художественного мастерства находил Цадаса в русской литературе. Задумав написать автобиографическую повесть «Две жизни», он стремится вникнуть в опыт русской прозы, просит читать ему «Мои университеты» Горького... Полюбившиеся ему произведения русских классиков поэт переводил на аварский язык.

«Работая над переводами Пушкина, я испытываю огромное удовольствие, — рассказывал Цадаса. — Я счастлив, что мне так хорошо удалось познать, понять и полюбить этого великого человека. «Учиться никогда не поздно», — говорят в народе, и я на старости лет (мне 72 года) многому учусь у Александра Сергеевича. Самое замечательное и ценное в Пушкине, на мой взгляд, — это глубокое знание и понимание простого народа, его жизни и дум. Каждая пушкинская строка дышит народностью, и от нее

вѣет грядущим, новым. Вряд ли есть другой поэт, который был бы так близок народу, как Пушкин». ¹

Поэзию Пушкина Цадаса чувствовал проникновенно:

Читаю я твои творенья
И перечитываю их,
И с новой силой звонкий стих
Дарует радость вдохновенья...

(Перевод С. Липкина)

Работе над переводом пушкинских стихов он отдал много времени и сил в последние годы жизни. Могут спросить: как, не владея в совершенстве русским языком, взялся Цадаса за такой ответственный поэтический труд?.. Строку за строкой поэту дословно переводили его близкие — чаще всего младший сын. И слово за словом, с большой точностью, с художественной силой воссоздавал Цадаса мысли и образы Пушкина на аварском языке. ²

Так перевел он «Руслана и Людмилу», шедевры пушкинской поэтической лирики — «Деревню», «Послание в Сибирь», «Чаадаеву», «Памятник», перевел «Зимнюю дорогу», «Узник» и другие стихи. (Они были изданы в 1950 году отдельным сборником.) Эта работа помогла Цадасе особенно глубоко проникнуть в художественные особенности пушкинского стиха, почувствовать революционность творчества Пушкина, его народность.

Пушкинский гуманизм, его жизнелюбие, вера в человека были идейно близки Цадасе, сродни всему направлению его поэзии.

Под несомненным влиянием Пушкина выработались совершенно новые качества лирики Цадасы в последний период его творчества: особая прозрачность и глубина мысли, реалистическая чистота красок и образов, сочетание лирической настроенности с философским раздумьем. Яркий образец такой лирики — стихотворение Цадасы «Сегодня в Москве дождь идет», относящееся к 1949 году. Такой простоты выражения, такого гармонического слияния глубоко личного чувства с мотивами гражданскими, публицистическими не знала старая лирика аварцев.

Когда Цадаса обращался в своих стихах к Пушкину с благодарностью за то, что «свет его горит и для крестьян высокогор-

¹ Архив Цадасы.

² В истории русской литературы широко известен как пример такого метода работы труд В. Жуковского над переводом «Илиады» по дословному переводу, сделанному для Жуковского эллинистом Грасгофом.

ного Гунба», когда называл Горького «главою кузнéцов, кующих людские души», или писал о Лермонтове, что «на его оселках оттачивают советские писатели свои сабли», — это не просто поэтические метафоры. У русских классиков, у передовых советских писателей Цадасы наблюдал мастерство углубленного показа человеческих мыслей и поступков, раскрытия духовных качеств героев. Их опыт облегчал ему труды над обогащением ритмов своей поэзии, совершенствованием рифмы, работу над новыми жанрами, которые пришли к аварцам от русского народа, — в создании пьесы, политической сатиры, публицистической лирики и лирики личных дум и чувств, насыщенной большим общественным содержанием. Опыт классики помогал ему и в создании стихотворной повести со многими действующими лицами, сложным сюжетом, широким общественно-историческим фоном.

Цадасы описал в своем творчестве национально-историческое бытие народа более чем за полвека. Он показал стремительный бег времени, гигантскую ломку старых устоев, расцвет родной земли. В его произведениях запечатлелся национальный характер аварцев (даже шире — дагестанских горцев), характер постепенно изменяющийся, переплавляющийся в горниле социалистической перестройки, приобретающий новые качества.

Творчество Цадасы изменялось и совершенствовалось в тесной связи с конкретной дагестанской исторической действительностью. Вместе с историческим ростом и подъемом аварского народа, с вовлечением его в руло высшей культуры после Октября, вместе с расцветом всей советской литературы складывалась, совершенствовалась социалистическая по содержанию, национальная по форме поэзия Цадасы.

9

Значение творчества Цадасы для Дагестана исключительно велико. Все в поэте крупно: его незаурядная личность, талант, размах его деятельности, богатство творческого наследия, составляющего более тридцати тысяч строк. Он много сделал для становления культуры и литературы родной республики. Его по праву называют создателем аварского литературного языка. Он был зачинателем аварской советской литературы и, вместе с Сулейманом Стальским, является одним из основоположников советской литературы Дагестана. В начале 20-х годов он один из недр своего народа вышел на путь писательского труда. В 1951 году, уходя

из жизни, он видел вокруг себя сильную, молодую писательскую смену.

Цадаса первый в аварской литературе показал следующему за ним поколению писателей, как на материале социалистической действительности средствами родного языка реалистически правдиво отображать жизнь. Он учил молодых писателей смело брать и разрабатывать общественно значимую, острую, трудную тему, учил отличать недостатки, бичевать пережитки, не бояться трудностей... С большой силой, с глубоким волнением говорит от имени Цадасы об этой преемственности, о продолжении лучших его поэтических, гражданственных традиций в родной поэзии Расул Гамзатов в своем «Разговоре с отцом»:

Вовек не мирись с благодушьем и ленью.
И знай, ты на службу бессрочную призван.
Борение мыслей и чувств столкновение
Останутся даже в года коммунизма.
Прислушайся к гулу стремительных речек,
И к шуму деревьев, и к посвистам птичьим,
Но прежде всего к голосам человеческим:
В познании народа — поэта величие.
Всегда выбирай потруднее дороги.
Твой разум — в народе, богатство — в народе.
Не бойся в пути запылить свои ноги,
Как тот чистоплюй, что на цыпочках ходит.¹

(Перевод Я. Хелемского)

Велико воздействие Цадасы и на всю дагестанскую литературу. Его стихи и поэмы, переведенные на языки Дагестана, вся его писательская деятельность являются для литераторов даргинцев, кумыков, лаков, лезгин живым и близким примером талантливого и честного писательского служения народу. О поэзии Цадасы старейший лакский писатель, народный поэт Абуталиб Гафуров писал, что она «сестрой желанной» живет в его сердце...

Творчество Цадасы развивалось по восходящей линии — от стихов ранних лет, отмеченных известной ограниченностью мысли, посвященных явлениям узко местным, до произведений последнего периода жизни, зрелых по мастерству, насыщенных большими идеями, отражающими судьбы народов Дагестана во взаимосвязи с судьбами всех народов Страны Советов, исполненных сознания ответственности советского человека за судьбы трудящихся всего мира.

¹ Расул Гамзатов. Лирика. М., 1954, стр. 175.

Поэзия Цадасы народна, потому что она вобрала в себя лучшее из векового опыта народа и питалась достижениями советской действительности. Она народна потому, что связана с жизнью народа, проникнута народными радостями и печалью, служит интересам народа.

«Способность творчества есть талант, а способность быть народным в творчестве — другой талант, не всегда, а, напротив, очень редко являющийся вместе с первым»¹, — говорил Белинский. Этим редким «талантом народности» в высокой степени обладал Цадаса, поэзия которого вошла в жизнь, в историю, в быт его родины — песней, пословицей, шуткой, поучением, — живет в речи народа, в литературе народа.

Яркое, самобытное творчество Цадасы — тот вклад, который аварская литература сделала в общее многонациональное богатство социалистической культуры всей страны.

Н. Капицева

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 8. М., 1955, стр. 565.

СТИХОТВОРЕНИЯ

СТИХИ О ХАРЧЕВНЕ

Что правда, то правда: любую затею
Исполнит богач, ибо деньги в чести.
Пословицу знаем: легко богатею
Заставить цветы и на скалах цвести.

Взгляните-ка: те, кто набили карманы,
Внушив обездоленным зависть и страх,
Открыли гостиницы и рестораны,
Желая прославиться в наших горах.

Продать бы участок и домик мой древний,
Открыть бы лавчонку и бедность убить!
О, если б, назло богачам, для харчевни
Я мог бы немного грошей раздобыть!

Завистником стал я, признаюсь вам, братья,
С тех пор, как харчевню завел Хаджияв.
Упорно богатством хочу обладать я,
На кухне его наслажденье познав.

С чего началось? На воротах лачуги
Увидел фанеру и надпись на ней:
«Есть деньги, приятель? Зайди на досуге, —
Большой интерес ожидает гостей».

«Ну, — думаю, — лес надо сплавить весной!»
Душа загорелась, как надпись прочел.

«Я чрево побалую пищей мясною!»
С папашой под мышкой в харчевню вошел.

Ко мне подскочили слуга с кашеваром,
На камне щербатом велели мне сесть.
«Немного терпенья, — воскликнули с жаром, —
У нас хорошо ты сумеешь поесть!»

Приносят мне суп — вы послушайте, люди! —
Соленый, как море, холодный, как лед.
Без сахара чай в деревянной посуде
С поломанной ложкой слуга подает.

Покрытое пылью и плесенью тесто
Подкинули мне вместо хлеба на стол.
Отличная пища! Прекрасное место!
Не надо жалеть, что сюда я зашел!

Хозяин харчевни, да будь ты неладен,
Твой чай — это солью посыпанный мед!
А суп? До чего же твой суп непригляден,
Болотной водой от него отдает!

Навис потолок, словно своды пещеры.
Трепещешь: а вдруг на тебя упадут!
А стены из глины убоги и серы. . .
И это — порядок? И это — уют?

Откажется лошадь, сгорая от жажды,
От этого супа: в нем столько червей!
Прокишего хлеба отведав однажды,
Заплачет осел о судьбине своей.

Пусть лучше в тюрьму меня бросит чиновник,
Чем в этом хлеву мне пиры пировать,
Пусть лучше в меня злобный выстрелит кровник,
Чем в этом хлеву мне чаи распивать!

Как только я встал, подбежал ко мне сразу
Хозяин: «Скажи мне, хорош ли прием?»
— «В глаза не хвалю, чтобы не было сглазу,
Но соли — обилие в супе твоём.

Я жил в городах, посещал я деревни,
Меня и на празднества звали не раз, —
Нигде я не видел подобной харчевни,
Нигде так живот не набил, как сейчас.

Мне чай подавали в стаканах стеклянных,
А ты, молодец, подаешь в деревянных,
В тарелке друзья подавали мне суп,
Ты — в глиняной кружке: не так ты уж глуп!

Бывает и мясо в тарелке, я знаю, —
Увы, позвонками твой суп знаменит!
Везде предлагали мне сахару к чаю, —
Ты думаешь: сладость мне вред причинит.

И правильно: разве на праздник пришли мы?
Не любо — не ешь, возвращайся назад!
Не свадьбу же сын твой справляет любимый, —
Кому не по нраву, пусть дома едят!»

Я выйти решил, но хозяин и слуги
Вскричали: «Плати нам за суп и за чай!»
Едва только двери открыл я в испуге —
Схватили за шиворот: «Деньги давай!»

Затылок тогда почесал я, признаться,
Хотя не чесалось в затылке ничуть.
С последней копейкой пришлось мне расстаться...
Эх, брюхо вспороть бы и пищу вернуть!

Не денег мне жаль, — мне обидно и горько,
Что в горле застряла хозяйская корка;
Не злюсь я на бедность — давно к ней привык, —
Мне жаль, что от супа — в ожогах язык!

К чему мне богатство, добытое всюду,
Где подлость царит, где неволя тяжка?
Завидовать мелкой душонке не буду,
Что нагло жиреет за счет бедняка.

ДИБИР И ХОМЯК

Жена говорит: «Мне обидно до боли, —
Хомяк обглодал наше скудное поле.
Как стал ты дибиром, прошел целый год,
А что ты имеешь? . . Погиб твой доход!»

Мои волосы поднялись под папахой,
Но выйти на поле решил я без страха.
Схватился за палку, достал я кинжал,
На случай — хозяйство семье завещал.

Сказал я жене: «Жди большого события.
Хочу с хомяком в поединок вступить я.
Он мне надоел. Отплачу я с лихвой.
«Иль смерть, иль победа!» — мой клич боевой».

Пришел на участок — и стало мне больно.
Едва я взглянул, засвистел я невольно:
Ни зернышка не было, ни колоска —
Всё стало добычей врага-хомяка.

Д и б и р

Меня аульчане избрали дибиром,
Меня почитать поклялись целым миром,
Тебя ли кормить обязался народ, —
Зачем же себе ты присвоил доход?

Не ты мусульман просвещаешь молитвой,
Зачем же ты срезал колосья, как бритвой?
Не ты с минарета вопил и орал, —
Зачем же посевы мои ты пожрал?

Меня обобрал ты и справа и слева,
Как будто трудился во время посева.
Меня не жалея, урон мне нанес,
Как будто на поле таскал ты навоз.

Найдется управа на всякого вора.
Отныне с меня не возьмешь ты побора.

Ослу надоест непосильная кладь, —
Терпел я, но должен тебя наказать.

К тебе не однажды взывал я с тревогой:
«Я бедный аварец, меня ты не трогай!»
Но знают кругом: не сношу я обид,
Я в гневе ужасен, я зол и сердит.

Грешить не хочу я, но, страшен злодею,
Поставлю капкан перед норкой твоею;
Чтоб знал ты, какой пред тобой человек,
Свяжу я твой рот, — не разинешь вовек.

Для слабых — булыжник, для сильных ты —
ватя

Но будет суровой с тобою расплата.
Для нищих — репье, для богатых ты — мед,
Но мести моей наступает черед.

Со мной повстречавшись, глядишь забиякой,
А сам ты дрожишь перед каждой собакой.
Тебя не пугает моя нищета,
Но разум теряешь, завидев кота.

Х о м я к

«Законы судьбы никогда не осилим», —
Зачем же насильем ты споришь с насильем?
«Велениям творца покоряется мир», —
Зачем же на мир ты сердит, о дибир?

Пудами с людей собирая поборы,
Зачем же с судьбою желаешь ты ссоры?
Молитвы читаешь, Коран возлюбя,
Но злишься, едва лишь заденут тебя.

Народ, если станешь ты злиться, быть может,
Не только меня — и тебя уничтожит.
С тобою мы участь избрали одну, —
Зачем же свалил на меня ты вину?

Супруга твоя, рассердившись напрасно,
Серпом обожгла мою спину ужасно.

И ты перед норкой сидишь у межи,
Грозишь мне... но где твоя совесть, скажи?

Таким же, как ты, я родился животным,
Жующим и пьющим, совсем не бесплотным, —
Иль должен я с палкой, как нищий, ходить,
С младенцами в поисках пищи бродить?

Едва просыпаюсь в рассветной прохладе,
Кота нахожу перед норкой в засаде;
Когда же заката горит полоса,
Вокруг меня жадная ходит лиса.

Иной человек, как и ты, бессердечный,
Ловушку поставит, — я гибну, беспечный,
Иные с лопатой придут поутру,
Разграбят запасы, разрушат нору.

Иные нору заливают водою,
И тонут детишки, — знаком я с бедою!
Порою со всех закрывают сторон, —
Без выхода я голодать обречен.

О люди, как тяжело мне жить с вами рядом!
Даете мне ватные шарики с ядом,
Камнями и палками бьете меня, —
Ни разу не знал я спокойного дня.

Ты сам посуди: если б не был я нищим,
Избрал бы я эту землянку жилищем?
Я сплю на колючках, мне жить невтерпеж...
Дибир, ты мучений моих не поймешь!

На поле твоём я кормился пшеницей, —
Людей обобрав, ты получишь сторицей;
Не то я погибну в норе через год,
И новый дибир будет грабить народ.

ГОРСКОЙ БЕДНОТЕ

Эй, труженик, товарищ наш бедняк,
Зачем ты отвернулся от свободы?
Не для тебя ль бойцы, в огне атак,
Ее завоевали в эти годы?!

Чтоб не был ты судьбою обойден,
Чтобы в меджлисе подавал свой голос,
Большевики творили свой закон,
За это революция боролась.

Пускай тебе сегодня тяжело,
Свобода разве этому виною?
И разве беды черные и зло
Не рождены несчастною войною?

Тебя уже случалось обмануть:
Кричали белые: «Идет подмога!
Точи клинок, защитой нашей будь» —
Мол, жить большевикам совсем немного!..

Тебе шептали в уши всякий вздор:
Что большевик, мол, — осквернитель веры.
«Он обесчестит ваших жен, сестер», —
Тебе шипели, клеветца без меры.

Так будь же осмотрительней теперь,
Узнал ты цену клевете их черной.
Нелепым, злобным рассказням не верь,
Свое хозяйство поднимай упорно.

Не допускай до сердца гнусных врак, —
Таится в них смертельная зараза.
Тебя смущает низкий, подлый враг,
Случись беда — тебя предаст он сразу.

Когда недобрые приходят дни,
Обдумать надо — кто тебе поможет.
А если помощь посулят — взгляни,
Кто твой радетель — друг или враг, быть
может? ..

На дудочке дудят в краю чужом.
Пристойно ли плясать чужим в угоду? . .
Гляди, игра не кончится добром!
«Не суйся в воду, не спросивши броду!»

Тебе, товарищ, нужен большевик!
Нет, не тебе мы не даем покоя,
А богачу, кто кровь сосать привык,
Кто золото копил твоей рукою;

Правителю, что на тебе верхом
Сидит и хвалится: «Осёл — на славу!»
Чиновнику — тому, кто кулаком
Готов немедля учинить расправу;

Уряднику, который, в свой черед,
Коль не успеешь тотчас поклониться,
Тебя, как пса презренного, толкнет
И ни за что швырнет тебя в темницу!

Товарищ, мы не разрешим жиреть
Бездельникам на пуховой постели.
Не будут над тобой глумиться впредь
Те, что поля прибрать к рукам сумели.

Никто теперь тебя не попрекнет
Твоим укладом, верою, законом. . .
На поле бедное не посягнет, —
Ты потом оросил его соленым.

Что дали белые тебе, скажи? . .
В крови твоей повинны банды эти!
Не верь, товарищ, испугленной лжи, —
Не тронем мы Корана и мечети.

Тебе не помешаем, беднота,
Молиться, — хоть набей на лбу мозоли!
Не запретим священного поста, —
Не хочешь есть? твоя на это воля!

Но пусть не ждет от нас пощады знать,
Правители, кем строй держался старый. . .

А кто дерзнул свободу предавать —
Суровой тот заслуживает кары!

«Коль груза нет, так несподручно мне», —
Твердил Хасай; погиб упрямства ради:
Тяжелый тюк тащил он на спине,
А рядом шел осел без всякой клади.

Шептались встречные при виде их:
Мол, голова у парня не в порядке.
А нынче, как посмотришь на иных, —
Хасаевы припомнишь ты повадки!

Кричат: «Мы жить не можем без ярма»,
Хватаются за палки и дреколье.
И ну грозить — совсем сошли с ума! —
Тем, кто из тьмы их вывел на приволье.

Развесив уши, слушают врага.
Друзей бранят... Ну что тут делать надо?
Ко лбам упрямым прикрутить рога,
Да и погнать с быками вместе в стадо?..

Всему-то достоянью — грош цена!..
От дури злой какое дать лекарство?
С овчинной сумкой, с горсткой толочна
И впрямь вы пошатнете государство!

Патронов пять на каждого даны,
Так сколько ж продержаться вы согласны?
С такой подачкой со стороны —
Уж так-то вы страшны нам, так опасны!..

Эй, труженик, товарищ наш бедняк,
Зачем ты отвернулся от свободы?
Не для тебя ль бойцы, в огне атак,
Ее завоевали в эти годы!

КОГО ВЫБИРАТЬ В СОВЕТЫ

Тень от палки кривой
Не будет прямою, нет!
Лучших из лучших людей
Надо избрать в Совет!

Несправедлив старшина, —
Станут ли слушать его?
Самых достойных, друзья,
Ставьте главою всего!

Если беспечен чабан,
Волки овец украдут, —
Бдительным должен быть
Тот, кто хранит наш труд.

Стадо доверить стеречь
Хищнику-зверю нельзя, —
Расхитителю жизнь людей
Также вверить нельзя.

Коль властолюбец главою —
Он у всех не в чести, —
Верный народу слуга
Должен в Совет войти.

Вреден у власти глупец:
Добрый и к этим, и к тем.
Вреден тихоня-мудрец:
Он глуховат и нем.

Чревоугодника прочь,
Горцы, гоните с глаз!
Занят он только собой.
Что ему, люди, до вас?

Взяточника в Совет
Выбрать — на горе себе:
Он — толстосуму дружок,
Опора его в борьбе.

Не избирайте того,
Кто сердцем черств и жесток:

Он — масло для богачей,
Для бедных — чертополох.

Кто для народа труд
Личной обидой сочтет, —
Разве он друг нам? Тому —
От наших ворот поворот.

Не избирайте за то,
Что лишь богатством велик, —
Дурней немало я знал
Средь богатеев таких.

Скажут: избрать Магому, —
Конь у него хорош.
Разве среди пеших, друзья,
Дельных людей не найдешь?

Избранные в Совет
Работать должны головой, —
Иначе, как говорят,
Ноги забудут покой.

За дверь двуличных пройдох! —
Их дела не к добру.
Не доверяйте тому,
Кто как лоза на ветру.

Взор обратите к тем,
Кто беден, в ком совесть есть.
В нашем народе родном
Доблесть найдете и честь!

Горцы, друзья мои!
Лучших из лучших людей,
Преданных нам изберем,
Верных земле своей!

Я же дал клятву: стихом
Разоблачая мразь,
Строить новую жизнь,
Крепить советскую власть!

НАСТАВЛЕНИЕ

Бросай науку, горец, поскорей!
Не ровен час, вдруг прояснится разум.
О школе ты и помышлять не смей:
Еще очнешься и прозреешь разом!

Сумеешь имя написать свое —
Прости-прощай старинные привычки!
У грамотеев трудное житье,
Даются им — слышал? — иные клички.

А что письма простого не прочтешь, —
Есть Короглы у нас на этот случай.
Писать ответ? .. Кадил-Али на что ж?
Красиво пишет он. Куда уж лучше!

А если счет приходится вести, —
Зачем же четки?! . Щелкай до десятка.
А коли счет побольше десяти,
Ты пальцы пустишь в ход, и — всё в порядке.

Нам о науке новой говорят.
Подите разберитесь — что за штука.
Видали мы обученных ребят.
Что доброго она дает, наука?

Арба не скрипнет, не проскачет конь...
Вон, погляди, автомобиль пронесся.
А что ведет его? .. Тягач? Огонь?
Не нравятся мне чертовы колеса!

На что, скажите, нам аэроплан?
Лишь беспокойство от него народу.
А лодка, что, спустившись в океан,
Грозит и кораблю и пароходу?!

Наука, говорят, изобрела
Дым смертоносный... Но того ей мало,
Почище напридуманы дела:
Пальнут — и вмиг полков как не бывало!

На что мне лампа — молнии под стать?
С коптилкой проще. Я доволен ею.
Чем телеграммы эти посылать,
Дойду пешком... оно куда вернее!

На что, скажите, годен пулемет?
Строчит себе размеренно и четко,
И сыплет пули, что козел — помет...
Подумаешь, великая находка!

Как побеждали прадеды в бою —
О том предания слышали все мы.
Неужто современному ружью
Уступят звонкие щиты и шлемы?

Ты разве с древней шашкой незнаком?
Из ножен взял — порезался до крови.
Держал ружьишко старое с кремнем?
Стрельнешь — и начисто сжигаешь брови.

Видал, как строили в былые дни?
От ветра стенам здорово досталось,
А всё же не разрушились они,
Хотя, конечно, обветшали малость.

Кремневка — что ж? — оружие хоть куда!
Засыплешь порох, так стреляет даже.
А позабыл прочистить — ну, беда!..
Полным-полно твое оружие сажи.

И я когда-то — сознаюсь, друзья, —
Мечтал, всей мудрой правды не изведав,
О меткой силе русского ружья
И был готов продать оружие дедов.

Но, не продав, благодарю судьбу,
Когда кузнец приходит к нам дляковки:
Пришлось бы покупать к мехам трубу,
Не будь ствола прадедовской кремневки!

АУЛЫ, ЖАЖДУЩИЕ ВОДЫ

Гиничутль, и Батлаич,
И Цада — не из счастливых.
Нам воды напиться всласть
Не случилось никогда.

От аула до ключа —
Две версты, а то и боле.
Сами можете судить,
Какова у нас беда!

И хотя б струя текла
Щедро и без перебоев! . .
Да гляди — иссякнет вдруг, —
Вовсе мы без родника.

Наших жен во цвете лет
Убивают злые хвори.
Редко встретите у нас
Женщин старше сорока.

Жены, матери зимой
По воду бредут без жалоб.
Простужаются в горах.
Частый гость у них — плеврит.

Летом, как пойдут дожди, —
Бочки ставим мы под жёлоб,
Каждой каплей дорожа,
Той, что с крыши набежит.

Снег, валящийся с небес,
Собираем неустанно.
Снег, и тот у нас в цене.
Разве это не смешно?!

Труд нелегкий в Тляроте
Стал для нас мечтой желанной:
По реке сплавляют лес,
Там воды — полным-полно! . .

Мы завидуем подчас
Морякам: и днем, и ночью
Едут люди по воде,
Есть воды у них запас.

Мы же сказки создаем
О воде студеной, горной...
Но какая польза в том,
Если жажда мучит нас?!

Мы напиться не вольны,
Хоть живем в горах привольных...
С детства нам не повезло,
Горький жребий нам сужден.

Кто спасет нас от беды?!
Мы кричим: «Воды! Воды!»
Не тревожит никого
Жаждающей овечки стон...

К губернаторам с мольбой
Мы ходили не однажды.
Лишь одни большевики
Нашей тронулись нуждой.

Столько жалобных бумаг
Слали мы, томясь от жажды!
Революция одна
Напоила нас водой.

По ущельям, по горам
Воду к нам пригнать в аулы
Ныне было решено,
И подписан план такой.

Навсегда ушли напасти.
С помощью народной власти,
Сокрушая скал твердыни,
Мы по камням бьем жиркой.

РАДИОМАЧТА НА САКЛЕ СОСЕДА

Что за шесты у соседа Хочбара?
Разве он шейх? Или все мы обмануты?
Нет у Гамбата к циркачеству дара,
Так почему же канаты натянуты?

Прямо направлены к небу, не так ли?
С кем же сосед мой решил разговаривать?
Иль на канате, висящем над саклей,
Славу танцора он хочет оспаривать?

Может быть, он телефон себе ставит?
Что же его мы не спросим, хозяева?
Может быть, он телеграф себе ставит?
Нет, в небеса вознеслись провода его.

Может, полна голова его вздору?
Может быть, думая: это — безделица,
Новую хочет он строить контору?
Впрочем, быть может, нужна ему мельница?

Или пред нами — невиданный провод,
Лампа берет от него электричество?
Или — найдется для этого повод —
Звезд пожелал он измерить количество?

Трудно Гамбата невеждой представить:
Там, на заводах, увидел он многое.
Техник его навестил неспроста ведь...
Лучше отбросим суждение строгое.

Вот и Гамбат появился с друзьями.
«Доброе утро! Быть может, откроешь ты —
Мы разобраться не в силах тут сами, —
Экое чудо над саклею строишь ты?»

— «Э, кунаки, не мое это чудо,
Выдумка техники необычайная, —
Чтобы стекались в Хунзах отовсюду
Новости непознаваемо-тайные».

— «Шест да канат. . . Это даже обидно.
Не понимаем такого мы довода.
Что ты? Столбов на дороге не видно,
Как же придет телеграмма без провода?»

— «Слушайте: музыкой слух оживится.
В дальней Москве заиграет гармоника
Или споет в Ленинграде певица, —
Голос дойдет до любого поклонника.

Тот, кто остался глупцом и невеждой,
Плунет, назвав эту выдумку сказкою.
Тот, кто не смотрит на школы с надеждой,
Плунет и прочь отойдет да с опаскою.

Между отставшим и дальше идущим
Взглядом нельзя охватить расстояния.
Вся революция дышит грядущим,
И обнажается дно мироздания.

Вы позабыли, как встарь отправлялись
Наши отцы в путешествие дальнее:
Долго по каменным тропкам скитались, —
Нет, не видал я картины печальнее.

Ныне в ауле, когда-то забытом,
Ставят над саклею звонкое радио.
Летчик вздымается к звездным орбитам,
Разум свой связью с вселенною радую».

1927

ЧОХТО

Гостья приехала, — в дом не влезает.
Дети в испуге бегут врассыпную.
Конь удирает, узду разрывает,
Женщину эту завидев чудную.

Дети мои, вы гостям были рады,
Что ж вы в испуге бежите от гостьи?

Верный мой конь, отдохнуть тебе надо,
Что ж ты трясешь свои старые кости?

Гостья-красотка застыла в смущенье
В черном чохто — словно ящик почтовый.
Длинный платок — таково мое мненье —
Придал ей сходство с палаткой торговой.

Только когда проживет трое суток,
Гостя мы просим назвать свое имя.
Славный обычай, но мне не до шуток:
«Кто ты? Обрадуй словами своими!»

— «Я Патимат из Анди, и дорога
Выпала мне до Хунзаха прямая.
Имя твое мне известно немного,
Вот почему в твою саклю пришла я».

— «Кто, как не ты, мне ответит на это:
Шея твоя почему искривилась?
И почему ты, — прошу я ответа, —
Бледной, измученной к нам заявилась?»

— «Шея согнулась? Как тяжело ей, бедной!
Груз ее давит, — ужасное дело!
Как не казаться измученной, бледной:
Видишь, какое чохто я надела».

— «Как же ты по мосту шла без опаски?
Рухнуть он мог!.. Ты скажи мне на милость:
Если ты к нам прикатила в коляске,
Как же в коляску чохто уместилось?»

Ты не замерзла, равниной шатая?
Вместе с чохто не свалилась ты в речку?
Знаю, за мостом жарница такая,
Будто попала в горячую печку.

Вряд ли сама ты чохто надеваешь, —
Люди на помощь тебе прибегают.

Вряд ли и на ночь сама ты снимаешь:
Родичи, сорок числом, помогают.

В этом мешке тебе долго ль томиться?
Мы превратим его в парус для лодки.
Сшей себе лучше платочек из ситца,
Тонкая шаль — украшеньё молодки».

— «Против адата пойти не могу я,
Не опозорю аул я андийский.
Если надену одежду другую,
Будут терзать меня дальний и близкий».

— «Есть у нас в каждом ауле адаты,
Все они дики и все они плохи.
Вот, например, есть обычай проклятый:
Саблями люди сражаются в Чохе.

Водят иные вокруг поля барана
Или быка запрягут перед вспашкой,
Ранней зимой. Это глупо и странно.
Ну-ка, сама поразмысли, бедняжка!»

— «Нет, никогда я адат не нарушу,
Это чохто никогда я не сброшу,
Я не хочу осквернять свою душу,
Буду таскать я привычную ношу.

Кто моему посочувствует горю?
Видно, в адате — огромная сила.
Как же аул я родной опозорю?
Буду носить я чохто, как носила!»

— «Слушай, Пати: нет к былому возврата.
Видишь ты нового мира сиянье?
Освободи же себя от адата:
Наши законы — свобода и знанье».

МАТЬ, ДОЧЬ И БАРЫШНИК

«Мать, ответь, кто гость тот важный, что приехал
к нам вчера?
Я видала, что с собою много он привез добра.
Что за тайную беседу ты вела всю ночь вдвоем,
Почему ты с ним шепталась пред горящим очагом?»

— «Дочь моя, — иль ты не знаешь? — это знатный
Магома,
Он — барышник из Хунзаха, всех невест он свел с ума.
На подарки эти, светик, полюбуйся, погляди,
Башмачки и шерсть на платье, то ли будет впереди!»

— «Мать, барышников я знаю, презирает их народ, —
Твой барышник в грязных сделках кровь народную
сосет.
Башмаки и шерсть на платье неспроста он нам привез,
Для чего он это сделал? — отвечай на мой вопрос».

— «От безделья ошалела! Говорит с тобою мать,
Как же ты, свинья, посмела в мелочь каждую влезать!
Ты ишак, что ненароком изловил хвостом сороку,
Если счастье привалило, то изволь не выпускать».

— «Мать, он другом мне не будет. Слушай,
я тебе не лгу:
С этим неучем спесивым говорить я не смогу.
Не прельстят меня ни деньги, ни подарок дорогой,
Не гонюсь я за богатством — выбор мой совсем другой».

— «Вай! Как смело рассуждает, — вольных мыслей
набралась!
Будто замужем была ты, с первым мужем развелась.
Твой отец — скажи спасибо — жениха нашел
с трудом, —
Привередничать посмела, ходишь с поднятым хвостом».

— «Хоть убейте, несогласна! Заявляю прямо вам:
Не отдам себя я в руки, не державшие калам.
Лучше я сойду в могилу, в смертный холод ледяной,
Но богатому невежде не желаю быть женой».

Уноси отсюда ноги, —
Ждут тебя и смех, и гнев.

Если, кем-нибудь обижен,
Ты смолчать решил на грех,
Презираем и унижен
Станешь ты потом для всех».

Дикий, зверский тот обычай
Глупо доблестью зовут.
С удальством, с упрямством бычьим
Над людьми свершают суд.

В Харачи я был, мой милый,
На кладбище бросил взгляд.
Там, в безвременных могилах,
Всё убитые лежат.

Тех, что умерли в постели,
Нет почти совсем среди них,
Семьи все осиротели
От кинжалов родовых.

Двое спорят, по досаде
Слово за слово зайдет.
И один уже в засаде,
За кинжал схватившись, ждет.

Упадет седло с балкона,
Друг прошел, — не обессудь!
И кинжалом обнаженным
Оскорбленный тычет в грудь.

..Харачи высокогорный,
Хорошо здесь, лучше — нет.
Воздух чист, ручьи проворны
И целебен солнца свет.

Здесь, на спинах Арак-Тау,
Пуповина Койсубу.
Там речушка протоптала
Средь камней свою тропу.

Там Хиндатель зеленый рядом,
Шелестят весной сады.
Всё там есть, что людям надо:
Сыр, и масло, и плоды.

Пашни там — вблизи аула,
И, лаская взор людской,
Там сосна к скале прильнула,
Там — берез шатер сквозной.

Там бы радоваться впору,
Но, на горе и позор,
Не пшеницу, а раздоры
Люди сеют с давних пор.

Страшный, темный дьявол мести
Под людской забрался кров.
И во имя ложной чести
Друга друг убить готов.

Разорились, дом в забросе
И семья не дорога.
А чего он хочет, спросишь:
«Смерти кровного врага!»

Все глаза пылают злобой.
Не к добру аул притих,
Редкий год проходит, чтобы
Не убили пятерых.

Сын еще лежит в утробе,
А отец уже убит.
Он растет в тоске и злобе,
«Кровь за кровь!» — он отомстит.

Им мириться дико, странно,
Разве слыхано о том?
Как сочащаяся рана,
Месть сжигает их огнем.

Замурованы проходы,
Двери заперты в домах.

Что спросить мне у народа?
Для чего вам жить впотьмах?

Даже ссор не мог терпеть я,
Тех, которым грош цена.
Длятся целые столетья
Эти распри, как война.

Я советовал Халиду
Пожалеть своих детей
И, врагу простив обиду,
В мире жить на склоне дней.

Поглядите на убийцу, —
Где-то прячется Гулдач?
Стал людей он сторониться.
Оттого что был горяч.

Распри дедов похороним,
Дорогие земляки.
Злую память рвите с корнем,
Уничтожьте сорняки.

Мы ведь люди новой складки, —
Что нам распри раздувать?
Людям нечего повадки
У зверей перенимать.

Звери дикие хвостаты,
И слова мои просты:
Наших прадедов адаты —
Это прошлого хвосты.

Если каждую обиду
Раздувать опять начнем,
К новой жизни мы не выйдем,
А назад мы повернем.

Свету солнца не затмиться,
Нас, друзья, культура ждет.
Распрей дикие страницы
Ты развеешь, мой народ!

РЕЧЬ СТАРУХИ В ДЕНЬ 8 МАРТА

Милые дочери! Слово я взять хочу.
Славить сегодняшней добрый день хочу.
Ненарушимые — вольных людей права
Радостным женщинам нашей страны даны.

Юные и свободные внучки мои!
Что это значит — можете ли понять?
Новое по достоинству оценить?
Прошрое и теперешнее оглядеть?

Встретил меня Магома давным-давно —
Три десятилетия с лишним прошли...
Белое и черное узнать довелось...
Что осталось неведомым? — Смерть одна.

Мне в ту пору исполнилось десять лет...
Выдали за хозяина баранты.
Ясно помнится — мой отец говорит:
«Он из рода хорошего, он богат».

Разве юношей мало у нас в роду?
Часто взглядами провожали меня.
Разве не было сверстников молодых?
Разве друга сердца не выбрать из них?

Был уже стар супруг нареченный мой,
Не подружилась его судьба с моей.
Всюду богатому привет и почет, —
Неимущая — разве пара ему?

Если где-нибудь встречному улыбнусь —
Будь он родственник, — улыбаться нельзя!
Если по воду шла, он и то следил,
Всех и каждого заподозрить готов.

Если вышла я воздухом подышать,
Он терзал меня по ночам в тишине,
Он словами позорящими хлестал.
Люди добрые крепко спали кругом...

Если жаловаться бежала к отцу,
Тот кричал: «Ты — замужняя! Хоть умри».

Соберешься ли с жалобами в Хунзах —
Прав останется, кто имеет стада.

Надрываясь, работала я, как мул, —
Не похвалит, не пожалеет старик.
Были тяжести не под силу ослу,
Что таскала я, только брань заслужив.

Оборвашкою он меня обзывал...
Разве бросишь приданое? Убежишь?..
Взял со временем он вторую жену, —
Вдвое стало мне тяжелее тогда.

В теплой комнате зимовали они —
Ветер хозяйничал в сарае моем;
Выше кровли у них поленница дров —
Мне и детям моим — саманный огонь.

Туши вяленые баранов у них —
Хоть бы косточку мне и детям моим!
Поедали чуреки мешками они —
Хоть лепешечку мне и детям моим!

Чаю с сахаром сколько хочешь у них —
Слезы горькие с горьким хлебом у нас...
Как забиты и тощи дети мои, —
Он смеялся язвительно с той женой...

Сколько так провела я зимних ночей
С плачущими на соломе детьми!
Сколько так провела я долгих ночей,
К люльке сонную голову приклонив!

Он кунацких ко мне посылал коней —
Чистить, выходить их приказывал мне...
Он захожих ко мне отсылал бродяг,
В саклю чистую не пускал меня.

Привезут ли друзья корзины плодов, —
Шли корзины к нему, а ослы — ко мне.
Со свежинкой придут ли с гор пастухи, —
Значит, мясо — к нему, пастухи — ко мне.

Если сам приезжал откуда-нибудь, —
Поглядели бы, как подарки делил!
Поснимает хурджины с коня: «Бери!»
Но хурджины-то ей, а седло-то мне.

Что́, не нравится мне расседлать коня?
Добавлял охотно удар камчой.
Всякий раз привозил башмаки жене, —
Как была, босиком осталась я.

Сколько шелковых подарил ей платков!
Шею не во что мне закутать зимой. . .
Я служанкой бесплатной ему была,
Как служанку, выгнал меня наконец.

Он развода страшное слово сказал, —
Невозвратное при мулле произнес.
Я невестой приданое ему принесла, —
Мне он к старости ничего не вернул.

Понапрасну я жаловалась мулле.
Топорище, шутит, испачкал бычок.
Всё я думала, как покончить с собой,
Смертью дикой, безумною умереть?

Вниз бы ринуться головой со скалы,
Да расколется ли еще голова?
Не железная ли она, говорю,
Сколько палок он об нее изломал!

Сколько палок он об меня обломал,
О согбенную спину мою, — спроси.
Не под бременем ноши согнулась я, —
Это сторбило бремя горя меня.

Рано волосы побелели мои, —
Думы тяжкие пали снегом на них. . .
Так прославим же тех, кто сбросил ярмо, —
Славен класс пролетариев — наш класс!

И да здравствует наш весенний день,
Женщины свободной страны!

РАЗГОВОР С КИНЖАЛОМ

Обращение к кинжалу

Прошли времена, когда бремя
Душило грудь бедняка,
Но всё ещё мутны истоки
Жизненного родника.

И хоть озарила свобода
Долины родной страны,
Но корни адата у горцев
Ещё глубоки и сильны.

Кинжал на боку человека
Висит, как жало, остер.
Мы знаем, кому ты служишь
В разгаре бешеных ссор.

Немало джигитов прекрасных
В могилу ты уложил,
Отцов, матерей несчастных
Отчаянием сокрушил.

Ты сколько сирот оставил,
Свершив безрассудную месть!
Кинжал, ведь ты же из стали,
А стали присуща честь.

Оброк получали ханы
За раны, что ты наносил.
Порядок старый уходит,
И ты бы с ним уходил.

Тебе здесь нечего делать:
Теперь не жало клинка,
А жатвенный серп и молот —
Народа мощь и рука.

Ответ кинжала

Нашел себе поваляться
Пыльное место осел, —
Вот так же и ты со мною
Пустой разговор завел.

В потемках, вижу, ты бродишь,
Чужими глазами глядишь,
Оправдываешь виноватых,
А неповинных винишь. . .

Я крови людей не жаждал,
Но вырваться я не мог
Из рук, что меня держали,
Мой направляя клинок.

Хозяин мой кровной мезтью
И хмелем охвачен был, —
Но чист я останусь, хоть, злобный,
Он кровью меня обагрил.

О, если б быть первородным
Грубым железа куском!
В огне меня раскалили,
Мучили долго потом;

Как звезды, брызгали искры,
Молоты били, звеня;
В воде меня закалили,
Сдирали шкуру с меня;

На камне сталь отточили,
Оправили в рукоять, —
Назвали меня кинжалом
И вынесли продавать.

А я бы хотел быть плугом,
И молотом, и серпом,
Помощником вашим, другом,
А не убийцы рабом.

Несчастен я, обездолен.
Куда от беды уйду?
Врагом меня сам считает
Бегущий за мной в Куяду.

1930

ЖАЛОБА КОРОВ НА ПАСТУХА ИСМАИЛА

О прискорбном этом деле рассказать давно пора:
Пас чабан коровье стадо здесь, в селении Буцра.
Говорят, что он и прежде не один чабанил год,
О его повадках странных с давних пор молва идет.

На лужайку для беседы он пригнал нас всех подряд,
Поглядев недобрый взглядом, важно начал свой доклад.
«Лучше прежде подеремся, чем сутяжничать потом», —
Начал речь чабан. Жевали жвачку молча мы крутом.

«Исмаил я по прозванию, Магомеда сын, муллы,
И во сне меня увидеть опасаются воны.
За пастьбу муки полпуда каждый житель мне дает,
И считайте, что задаром я пасу дурацкий скот!

Палку я припас на славу, вот она, глядите, тут.
Над ослушницей рогатой совершу свой правый суд.
Если ты не оглянулась, поглядела свысока,
Так тебя огрею камнем, чтоб запомнили бока.

Если есть среди вас корова, что по дурости шальной
Отлучается из стада в неурочный час домой,
То расправлюсь я с зазнайкой, по делам я ей воздам —
Пусть березовая палка шлет ей пламенный салам.

Горе той, что потихоньку на чужой глядит посев.
Не прощу греха такого! Не вводи меня во гнев!
Овод жжет — держись степенно. А помчишься, хвост
задрав.

На себя пеняй, голубка: отхлещу, и буду прав.

Обещаю вам, коровы: дружно с вами заживем.
Хлопать можете в копыта. Я кончаю речь на том.
Всё, я думаю, понятно. Закрываю наш меджлис
И под чутким руководством разрешаю вам пасться».

С той поры коров немало в нашем стаде полегло:
Видно, это наставленье им ничуть не помогло.

Вот корова Гитинава, — пала замертво она,
Не усвоила, бедняга, поученья чабана.

Как-то в полдень захотелось навестить ей дом родной,
И ослушница из стада так и ринулась домой.
Погоди! Не тут-то было! Бешеного пса лютей,
Наш чабан, в поту и мыле, две версты бежал за ней.

Долго мчались без дороги. Но у речки, там, где мост,
Исмаил вдруг изловчился: ухватил коровий хвост,
И в одно мгновенье ока (задрожали все вокруг)
Он корове дал подножку, повалил ее на луг.

На нее он лихо прыгнул, бил ногами без конца,
И корова трепыхалась, как несчастная овца.
И плясал он увлеченно час и несколько минут:
Так умелые андийцы на продажу войлок мнут.

«Эй, рогатое создание, жизнь тебе не дорога!
Разве ты меня не знаешь?» И ломал ее рога,
И бранил ее свирепо: «Ты безмозглей всех коров!
Иль мою ты позабыла речь у Девяти Холмов?!»

Вы теперь на нас взгляните: нету большей срамоты,
Чем безрогие коровы, чем их куцые хвосты.
Искалеченное стадо умоляет вас, мыча:
«Ради бога, поскорее уберите палача!»

Если робко аульчанин спросит вдруг у чабана:
«Не пришла домой корова, — ты не знаешь, где она?»
Исмаил, не растерявшись, хитровато подмигнет:
«Пред своим хвостом пасется — безмятежно травку
жрет».

Если есть у вас сомненья: дескать, мы безбожно врем,
У Темировой коровы расспросите-ка о нем.
А Саидовой коровы не видать с недавних пор:
Пала бедная от крика. Всё, окончен разговор.

**О КИНЖАЛЕ.
ОБРАЩЕНИЕ К ГАЗЕТЕ „ГОРЕЦ“**

Я спрошу газету: что же
Ты вопрос не заостряла?
Почему у молодежи
До сих пор в ходу кинжалы?

Можешь быть ты смелой, дерзкой,
Ты повсюду успеваешь,
А отточенной железки
У парней не замечаешь.

То ударит по коленам,
То в живот упрется больно.
Суший дьявол тяжеленный,—
Пусть ржавеет он. Довольно!

Горец, кинь его на свалку,
Он совсем тебе не нужен.
Брось его, совсем не жалко
Это грязное оружие.

Лес рубить им несподручно.
Чем ходить с ненужной ношей,
Ты за эти деньги лучше
Подбери топор хороший.

Если резать им барана
Ты задумал для хинкала,
Нож достанешь из кармана —
Он удобнее кинжала.

Что кинжал таскать с собою?
Чтоб, как витязь, быть одетым?
Если парень с головою,
Для него не довод это.

Или прадеды обычай
Сохранять нам завещали,
Чтоб вражда была привычной,
Чтобы распри не стихали?

В час грозы шумят деревья,
Люди с ними в чем-то схожи, —
Расшумятся в буйном гневe,
И стихают быстро тоже.

В гневe разум ходит кругом,
Ничего не знаю хуже —
Обнажать кинжал на друга...
Бросьте грязное оружие!

Он для нас холеры пуще.
Проклял я его недаром.
Сколько юношей цветущих
Сражены его ударом.

В злую выдуман годину
Он, оружие насилья,
Теми, кто стравлял невинных,
Чтоб самим остаться в силе.

Магома, послушай друга:
Сталь нужна не для кинжала.
Лемех выковать для плуга
Нам бы лучше надлежало.

Долото, топор железный,
Серп для зреющей пшеницы —
То, что нужно, что полезно,
Что в хозяйстве пригодится.

Что за «польза» от кинжала?
Ссора, взмах руки короткий,
И сидит злосчастный малый
За тюремную решеткой.

Или сам, облитый кровью,
Наземь рухнет от кинжала.
Пожалей жену, ей вдовья
Участь горькая досталась.

По «ошибке», из-за вздора
Был убит тобой товарищ.

Сожалей, казнь укором —
Жизнь ему ты не подаришь.

«Создает кинжал героя» —
Это глупости и бредни.
Если так себя настроишь,
Будешь неучем последним.

Воспитай в себе культуру
И характер благородный,
А кинжал, что носишь сдуру,
Брось скорей, как хлам негодный!

Если злобы в сердце нету,
Будешь жить с народом дружно,
А кинжал — поверь совету —
Нам таскать совсем не нужно.

1930

СТАРАЯ СВАДЬБА

Забываем мы адаты, предрассудки прошлых лет;
Расскажу о прежних свадьбах, про обряды старины.
Мне минувшего не жалко, нам назад дороги нет,
Мы обычаи былые навсегда забыть должны.

*

У родителей в ауле подрастает сын-жених,
И богатая невеста на примете есть у них;
Говорят, что у соседа, словно роза, дочь цветет, —
И расчетливый родитель в дом девицы свата шлет.
Но отец и мать невесты не спешат давать ответ:
«Род наш знатен, и старейших нужен нам сперва

совет».

Говорит одна примета, что поездка удалась:
Видел сват, как незаметно за кастрюлю мать взялась.
Сват уехал, а родные в тот же вечер собрались:
Обсуждает предложение тайный родственник меджлис.
Женихов у дочки много, кто же будет предпочтен:
Парень глупый, но богатый, или бедный, что умен?

Наконец решили хором: «Нам не нужен бедный зять,
И богатому, без спора, в жены надо дочь отдать».
Жениху отец невесты объявляет приговор
И радушно приглашает в гости всех его сестер.
Те обновки нацепили и, едва заря зажглась,
Едут в гости вдоль аула, взяв в подарок медный таз.
Любопытствуя, на крыши забирается народ,
А невестины родные скопом стали у ворот.
«Заходите, дорогие, — им елейно говорят, —
Ешьте, пейте до отвала: соблюдаем мы адат».
Все невестины подруги собираются потом,
Оробелую невесту в незнакомый вводят дом.
Два посланца к ней приходят из бесчисленной родни,
И согласия у невесты добиваются они.
Как же тут не согласиться! Отказаться страшно ей, —
Испугал ее до смерти стук встревоженных костей
(Прежде сваты пришивали к шубам кости и тряпье);
Если девушка согласна — осуждают все ее:
«Видно, замуж ей хотелось, — говорит родня тогда, —
Согласилась слишком скоро — у девицы нет стыда!»
В третий раз, потрянув мощною, жениха зовут домой
И опять вздымают чаши, снова пир идет горой.
Весь аул приходит в гости, быстро всё опустошат.
Уничтожены запасы, — соблюден зато адат.

*

А когда расцвел весною сад под небом голубым,
То в аул отцу невесты прислан был с гонцом калым:
Пестрый шелк на платье сестрам, шаль с узорною
каймай,
Гребешок, чулки, подвязки и одеколон тройной,
Чтоб невестины родные источали аромат,
Чтобы люди говорили: соблюден во всем адат.

В старину зазорным было даже вспомнить про
любовь...

Собирай, отец, невесту, ей приданое готовь
Попышней да побогаче, так велось во все века...
Эта сложная задача тяжела для бедняка.
Что продать, и сам не знает, ходит, крутит головой,
Свадьба в доме подметает всё железною метлой:
И кормилицу корову на базар продать сведешь,

И жеребчика гнедого отдаешь за медный грош.
Но зато, купив кувшины, их на полки ставят в ряд,
Никому в них нужды нету — соблюден во всем адат.
Много раз родитель едет тратить деньги на базар,
Продавцы ему сбывают залежавшийся товар.
На матрацы закупили полосатый красный тик,
На тазах, на блюдах медных жарко блещет солнца лик.
Помнится, в Голотль, на свадьбу, как-то прибыл
я на зов, —

На стенах увидел тридцать одинаковых тазов;
С удивленьем пригляделся, — все они с пробитым дном,
Но родители довольны: свято мы адат блюдем.
Много было трат ненужных, ими славился Хунзах.
Справив свадьбу по старинке, разорались люди в прах.
Семьи эти перечислю, дай-ка счета мне, сынок.
Выдал дочку, горемыка, а теперь — проси кусок!

В старину седую память протянула снова нить,
Наши древние обряды помогла мне оживить:
В фаэтон невеста села, кони быстро понесли,
Молодежь в нее кидает горсти снега и земли.
Ребятишки окружили жениха густой толпой,
Просят выкуп за невесту — кубки с пьяною бузой.
Входит в новый дом девица, ярко вспыхнули огни,
Сам жених спешит навстречу, здесь знакомятся они.
Светлый мед несут в сосуде, рот помажут ей слегка,
Чтобы жизнь с постылым мужем показалась ей сладка.

Пир на славу... За столами собирается аул.
По горам разносит эхо пенье, крики, пьяный гул;
Пьяным море по колено, льется брага по усам,
Поднял тост за новобрачных, захмелев, Абдусалам.
Состязаться в острословьи стал с ним Курбанил Али,
Оба что-то говорили, — мы понять их не могли.
От еды осоловевши, гости спят в чаду, устав,
Но недаром тамадою возглашен был Каралав:
Наполняет чаши снова, поднимает грозно рог;
Снова пьешь и снова пляшешь, хоть от буйства
изнемог.

А потом неделю болен, в голове туман сплошной...

Чтоб поведать вам о прошлом, нужен летний день
большой,
Да и то не уложиться. Но скажу я об одном:
Мы обычаи былые выжигать должны огнем.
Над горами солнце встало, молодая жизнь идет,
И старинные адаты забывает мой народ.

1931

ОБЫЧАИ ГИДАТЛИНЦЕВ

Я бичевал обычаи дурные,
И в ссоре я ружья не заряжал,
Я с дикостью боролся, но впервые
Для этого хватаюсь за кинжал.

В Кахибе и Хунзахе, мне известно,
У девушек не спрашивал никто
О их желаньях. Замуж шла невеста
Без всякого согласия на то.

Но я не вспомню, память будоража,
Чтобы в кругу моей большой родни
У сыновей не спрашивали даже,
Кого мечтают в жены взять они.

А вот в Гидатле молодых заочно
Сосватают за выпивкой, потом
В условный срок, за час до тьмы полночной,
Пошлют невесту в незнакомый дом.

Она идет, она еще не знает,
Что ждет ее и что судил ей рок.
Стучится тихо и переступает
Впервые темный, чуждый ей порог.

И здесь ей слышен жирной пищи запах,
Той, что готовят для духовных лиц...
И вот уже она у мужа в лапах, —
Мне жаль ее, как жаль в неволе птиц.

Она в слезах, но разве виноват он?
Нет, в этом виноваты старики:
Он был по их обычаю сосватан,
Любви своей, быть может, вопреки.

Порой, адату темному внимая,
Живут супруги долгие года,
Друг друга никогда не понимая,
В раздоре, словно пламя и вода.

1931

КАК БУЮТСЯ ЛЮДИ

Есть слово Сталина. С него
И начинаю свой напев я:
Людей выращивать должны
Мы, как садовники — деревья.

И мысль другая нам дана,
Ее величье так же просто:
Без преданных труду людей
И технике не будет роста.

Организуют люди труд,
А труд людей — на благо людям.
Вот наших дней святой закон,
Ему навеки верны будем.

Не птица ль нам дает яйцо?
Но из яйца выходит птица!
(Пример — чем проще, тем верней
Для мудрой истины годится.)

Рукою создан молоток,
Но служит молоток рукою.
От века человек и труд
Живут взаимностью такою.

Нас учит школа, а завод
Закалку даст, на путь направит.
Но жалок труд бездушный, — он
Ни благ, ни славы не доставит.

Лишь засучивши рукава,
Умелый трудолюбец-мастер
Всё одолеет, всё создаст —
И в жизни будет горд и счастлив.

А если будет весь народ
Трудиться вдохновенно, споро, —
Он сможет горы сокрушать
И воздвигать, где надо, горы.

1931

ПРИЗЫВ КУЛЬТАРМЕЙЦЕВ

Мы — воины культурного похода,
Бойцы, привычные к борьбе суровой.
Оружие особенного рода,
Свинец и порох наш — перо и слово.

Бросая бомбы, мы домов не рушим.
Вонзим штыки — не хлынет кровь рекою...
Мы не людей разим своим оружием,
А темноту, невежество людское.

Клинки у нас даруют слабым силу,
Недужных исцеляют наши стрелы.
На крыльях знания к разуму-светилу
Поднять всех пеших мы взялись умело.

Наш враг заклятый — тьма, как ночь глухая.
Большое зло она приносит людям.
Пока она царит в родимом крае,
Друзья, оружия складывать не будем!

Всеобщее ведет нас обученье
В социализм дорогою прямою.
Да здравствует отважных назначение —
Бескровный бой с невежеством и тьмою!

1932

ИЗАХАТ И ЕЕ КОРОВА

Я случай смешной,
Происшедший в Целмесе,
Берусь осветить,
Как положено, в прессе.

Пусть «Маарулав»
Даст ныне мне снова
В своем «Уголке
Удивительном» слово...

Глядит Изахат:
Бык — не свой, а колхозный —
С коровой ее
Занят делом серьезным.

Крича, Изахат
На бычка налетела
И вмиг пресекла
Безобразное дело.

«С коровой моей
Свел, негодный, знакомство!
От уличных мне
Не хватает потомства!

Проваливай, дрянь,
Подобру-поздорову!»
Воды принесла
И помыла корову.

1932

ПРОТОКОЛ

«Ну-ка разрешите мне
Слово взять в порядке справки:
Груз мы тащим на спине,
А ослы лежат на травке.

Как ослы, мы в гору кладь
Тащим, согнуты, горбаты,
И боимся поломать
Стародавние адаты.

Оттого, что гнуть должны
Спину на ненужном деле,
Не дожив до седины,
Многие уж облысели.

Попусту не тратя слов,
Нынче постановим строго:
Не жалеть своих ослов,
А себя жалеть немного!»

Голосует весь народ.
Все за предложенье это.
Но поспешно вдруг встает
Председатель сельсовета.

Говорит он: «Люди гор,
Не к лицу мне спорить с вами,
Мы должны, как до сих пор,
Жить и дорожить ослами.

Старики в былые дни
Нас не здоровее были,
А не на ослах они
Сено из долин возили.

Дай-ка мне, Гасан, ответ,
Почему ты не намерен
Делать то, чему твой дед
Был до самой смерти верен?

Не мешало б и тебе
Знать, Таиб, что вверх с делянки
На горбе, не на арбе
Твой отец таскал вязанки.

Да и твой отец, Шамхал,
Был ничем тебя не хуже,

А поклажу сам таскал,
Не боясь дождя и стужи!

Недостойно похвалы
Поруганье дел старинных, —
Пусть спокойно спят ослы...
Будем кладь таскать на спинах.

С непослушных будем штраф
Брать в порядке наказания...
В силу данных вами прав
Закрываю я собрание».

— «Председатель, не спеши,
Рано закрывать собрание,
Ты мне сделать разреши
Маленькое замечанье:

Я хочу тебе сказать,
Что добились мы победы
Не за тем, чтобы опять
Жить, как жили наши деды.

Славословишь путь отцов,
Но подумай, верно ль это?
Не был же в конце концов
Твой отец предсельсовета.

Дай ты, председатель, нам
Поскорее объясненье:
Почему ты лишь к ослам
Проявляешь уваженье?

В смысл твоих вникая слов,
Крикнуть хочется: «Приятель,
По вине каких ослов
Ты над нами председатель?»

ГАЗЕТА „ГОРЕЦ“ К ЧИТАТЕЛЮ

Я — «Горец».

Так меня назвали.
Казалось бы, вопрос решен.
Но это правильно едва ли:
Я больше заслужил имен.

Фонарщиком меня зовите:
Иду я к людям с фонарём.
Я освещаю суть событий,
Несу я свет науки в дом.

Вы лекарем меня сочтете,
Я уподобился врачу:
У горцев я всегда в почете —
Я от невежества лечу.

Я страж законов,
Я глашатай
Коммунистических идей,
Учитель, не берущий платы,
Надежный друг простых людей.

Я сеятель. Я сею всюду
Добра и правды семена.
Известен бедному я люду,
И речь моя везде слышна.

Бедняк точить не любит ляды,
Меня по делу он зовет.
Не надо мне муки иль мяса,
Не нужен за конем уход:

Что говорить, удобный гость я!
Я рад хозяевам помочь...
Но вот кулацкое охвостье
Меня угробить бы не прочь.

Те, кто не любят правды слова,
Кому противен честный труд,

Мной накрывают сор столовый,
Меня на самокрутки рвут.

Но тот, кто ненавидит сплетни,
Тот, для кого безделье — стыд,
Тот любит свет всё беззаветней,
Меня читает он и чтит.

1933

* * *

Убита куропатка белоснежная,
Могильным саваном укрыта пава.
Распустятся ль в садах бутоны нежные?
Зазеленеют ли на склонах травы?

Не тосковал я раньше над легендою,
Где ищет Гагу верная Мадина.
Теперь в беде зову подругу бедную,
Я понял скорьбы легенды той старинной.

Ты дразнишь вновь мое воображение...
Ты на земле следов не оставляла.
Твой голос птицы славили весенние.
Жаль — на земле ты пела слишком мало...

И, брови сдвинув, спрашиваю снова я:
Как, грудь жемчужную пробить осмелясь,
Сгубила пуля подлая, свинцовая
Певучий смех, весны цветущей прелесть?

Кто станет подражать неподражаемой?
Кому теперь достанется походка
Быстрее тени, ею же бросаемой?
Где стан благоуханный, голос кроткий?

Кладу на гроб я плиты изумрудные.
И над могилою стою в ознобе.
Засыпаны землею очи чудные.
Они — двух солнечных зеркал подобье...

Համշատ
Գրական

ՀԱԴԱԿԱԶԱԼ ԶԱԼ

19

ԴԱՅՈՒՆ

34

Коль мать обидела тебя нечаянно —
Зачем со мною ты не поделилась?
Коль сплетнями соседок ты измаяна —
Зачем ты предо мною не открылась?

На солнце ясное гляжу угрюмо я:
Украдо солнце яркий свет у милой!
Взойдет луна — и я, вздыхая, думаю:
Своей красой луну ты одарила!

Навеки ты похищена могилою.
Ты крепко спишь — а я не сплю, тоскуя.
Спокойна ты — а я страдаю, милая.
Ты не скорбишь — а я скорблю, тоскуя. . .

Глядела ты из-под платка приветливо,
И на тебя заглядывались люди;
Ты прядь со лба зачесывала светлого.
Кто эту прядь когда-нибудь забудет?

Теперь душа идет одной дорогою —
К надгробью, под которым ты уснула.
Я знаю: камня плачем не растрогаю,
Не буду ныть на улице аула.

Но знай, Зайнаб: всех благ мне драгоценнее
Твой взгляд, что навсегда запал мне в душу.
Он дó смерти мне дан как утешение.
Тебе я клялся, — клятвы не нарушу.

Ты с утренней звездой меня покинула.
В окне лучи рассветные блестели. . .
Когда на щеки краска смерти хлынула,
Сжав зубы, ты привстала на постели.

Взглянув в глаза, коснулась ты руки моей,
Душа томилась, вырваться готовясь.
Два слова прошептала мне любимая, —
Они — во мне, как сердце и как совесть.

ПЕСНЯ О ГИБЕЛИ МОЕГО КОНЯ

Я пою печали песни. Горе у меня.
Потонула моя лодка, только вышла в путь:
Потерял в Манас-ауле верного коня,
И ташу седло, и песней облегчаю грудь.

Говорят, людей ни разу дом не обманул.
А меня-то кто заставил ковылять пешком!
«Коль хорош кунак в ауле, так хорош аул».
Врет пословица! Ну есть ли капля правды в том?

Был готов навес прогнивший рухнуть каждый час,
Так еще повременил бы хоть один денек!
Все подпоры продержались, видно ждали нас, —
Что за вежливая кровля, кто бы думать мог!

Не кручинились гнилые балки да столбы,
Что они придавят душу тела моего.
Не расплакалась и кровля от чужой беды,
Конь мой был семьи кормильцем, — отняла его.

Ты, как серый волк, неволи, конь мой, не терпел, —
Как же враг тебя, лихого, в свой капкан завлек?
Разгрызал ты сталь зубами, был могуч и смел, —
Неужели от обвала ты спастись не мог?

Ты скакать умел на кручах неприступных скал,
Точно серна молодая прыгал с высоты,
Неподкованным копытом искры вышибал, —
Что ж, иль выхода из хлева не заметил ты?

Люди плачут, если градом покосило рожь,
Но мое добро живое не побил бы град!
Будут звать тебя лужайки, — только не придешь,
И, с тобой в разлуке, травы горько закрусят.

Чтобы плакать без помехи о коне лихом,
Брошу в угол хлыст и торбу, — не нужны вы мне!
Чтобы в горле не стояло горе, точно ком,
Буду петь седлу да сбруе песню о коне.

Седоки, которых часто скидывал он в грязь,
То-то радоваться будут гибели коня!
Тех, кто сыпал мало корму, бил он, осердясь, —
Эти тоже посмеются, увидав меня.

Если б день его кончины вычислять пришлось,
Множь на двадцать и четыре восемьдесят лет,
А потом прибавь тринадцать, три недели сбрось,
Вычти трижды три недели — и найдешь ответ.

1933

ИСА И СУРХАЙ

(О ТОМ, КАК СТАРИКИ СМЕЯЛИСЬ НАД ДЕТЬМИ,
ИДУЩИМИ В ШКОЛУ)

Сур х а й

(толкая Ису в бок)

Ну и дела, не жизнь, а чудеса.
Бегут детишки в школу, глянь, Иса, —
Иль, правда, им учиться невтерпеж.
Ха-ха, ей-богу, со смеху помрешь!

И с а

И я похвастать знаниями могу:
Учился с детских лет играть в каргу.
Теперь каргой детишек не проймешь.
Ты прав, посмотришь — со смеху помрешь!

Сур х а й

Они умны, на всё готов ответ,
Как будто сами видели весь свет.
Всё знают: то, мол, правда, это — ложь.
Умнее старых... Со смеху помрешь!

И с а

И нам случалось иногда спешить.
Не в школу, нет, — волчок на льду крутить.
А нынче и волчков-то не найдешь.
Тетрадки, книжки... Со смеху помрешь!

Сурхай

Не книжки, брат, таскали мы с тобой,
Картишки тасовали мы с тобой,
Игра, как говорится, не грабеж.
А нынче дети... Со смеху помрешь!

Иса

Детьми, бывало, мы дрались не раз.
Получишь в ухо, дашь кому-то в глаз.
А ныне драки всех приводят в дрожь,
Ты прав: посмотришь — со смеху помрешь!

Сурхай

Ты как-то, помню, вздул Хусандалу,
Ему свернул и ухо и скулу.
А нынче развлечений ни на грош.
Читают книжки... Со смеху помрешь.

Иса

А помнишь: пощипав коням хвосты,
С силками в лес ходили я и ты.
А нынче знают: «Вычти да помножь!»
Ты прав: посмотришь — со смеху помрешь!

Сурхай

Бывало, острой палкой не один
Удил я груши из чужих корзин.
А нынче ребяташки — трусы сплошь,
Зато учены... Со смеху помрешь!

Иса

Играл однажды в бабки я с дружкой.
Продул, и он набил мне рот песком,
Вот так... А нынче что за молодежь!
Ты прав: посмотришь — со смеху помрешь!

Сурхай

Да, брат, теперь не дети — мелкота.
И внешность их, и жизнь совсем не та.
Читать-писать умеют, ну и что ж!
Ха-ха, ей-богу, со смеху помрешь!

ЯХЬЯ

Есть ли люди между небом и землей
С невезучестью, во всем подобной нашей?
Мы не первому учителю золой
Вслед бросаем, провожая его взáшей.

К нам хороший просвещенец — ни ногой,
Хоть у нас в почете грамота и книга.
Одного прогоним, глядь, в аул другой
Появляется с портфелем забулдыга.

Всем аулом мы ходили в районо
И просили, как о милости, с поклоном,
Чтоб прислало к нам учителя оно
С добрым нравом, а не просто пустозвона.

Их, хороших, есть немало у страны...
И начальник начертал: «Пошлем такого,
Чтоб, помимо имени своей жены,
Не любил прозванья женского другого».

И в один, как говорят, прекрасный день
Появляется Яхья, лихой детина.
У него чонгури, шапка набекрень...
Как увидели мы — дрожь прошла по спинам!

Поздороваться учитель не успел,
Как о девушках посыпались вопросы.
О любви, пьянящей разум, он запел,
Поправляя пряди, длинные, как косы.

А потом, ремнями новыми скрипя,
Будто сытый конь, фургон тянущий бодро,
Стал, бахвалясь, говорить он про себя,
Ногу выставив и руки — в бедра:

«Осчастливлен ваш аул, как никогда!
Раз вам лучшего из лучших обещали,
Против воли я был послан к вам сюда,
Даже не дали собраться мне с вещами.

Дом давайте для жилья и дров сухих.
А потом пускай приходят все девицы.

Разглядеть сперва я должен толком их,
Прежде чем они придут ко мне учиться».

И пока он нагло с нами говорил
По насущному, казалось бы, вопросу,
Сальных глаз своих он с женщин не сводил
И для важности жевал он папиросу.

Весь пропах одеколоном, сукин сын!
Знает — девушкам от этого не спится.
Он в рубахе с кружевами, как павлин, —
Пусть швея за это рук своих лишится!

Из вельвета галифе, и тешит глаз,
Обольщая неразумных наших дочек,
Шириной в ладонь серебряный лампас.
От усов же на губе — один плевочек.

Не везет нам! Вновь учитель — пустозвон.
От него детишкам лучше сторониться.
И чему научит женщин наших он,
На ликпункт пришедших грамоте учиться?!

Говорят, под стать медведю, он силен
И драчун к тому ж. Кому охота драться!
Говорят, что на зурне играет он, —
Значит, к женщинам сумеет подобраться.

Счастье наше — шла горячая пора,
Поголовно весь аул был на работе.
И Яхья слонялся с самого утра
Вплоть до вечера, ленив и беззаботен.

И в ауле никого не сбив с пути —
Хоть в соблазне женщин был он парень
прыткий, —

Он махнул рукой, решил от нас уйти
И собрал свои немудрые пожитки.

Население аула следом шло,
И золой была посыпана дорога.
Что ж! Кувшин разбит и сломано седло.
А бездельник удалился от порога.

ССОРА

Эй, гляди-ка, Мустафа.
Взял ружье твой друг Курбан.
Не фазан ли ты, не гусь?
Не джейран ли, не кабан?

Почему же медлишь ты?
Где чеканный твой кинжал?
Шашка? Старое ружье?
Пистолет куда девал?

Говорит Курбан, что ты
Дважды был им побежден, —
Разве можешь ты стерпеть
Чтоб кичился этим он?!

Допусти на пятку вошь —
Доползет до головы;
Растопчи ее скорей,
Не плоды худой молвы!

Чондотлинцы в сборе все,
Словно куры на току.
В брюхо, в брюхо бей, Курбан!
Целься, Мустафа, в башку!

Брюхо ль треснет иль башка?
Первой чья заплачет мать?
Ну-ка, снова, Мустафа!
Ну-ка, бей, Курбан, опять!

Дня не хватит — будет ночь,
Тьма и пенье петуха.
Дом врага сожжет Курбан,
Дом Курбана — Мустафа.

Брюхо стянуто ремнем.
Перевязана башка.
Побредут теперь куда
Два бездомных ишака?

1933

**ПИСЬМО КОЛХОЗА „СТАЛИН-АУЛ“
ЕДИНОЛИЧНИКУ АЛИ**

Чуть зайдет обо мне, о колхозе, речь,
Почему ты усы топорщишь, Али?
Чуть услышишь ты слово «социализм»,
Что ты морщишься, будто тебя обожгли?

Почему моя жизнь ненавистна тебе?
Я — опора твоя; за твою судьбу
Я булат, истребляющий кулаков
И всех тех, кто сидел на твоём горбу.

Невозможен без плана хозяйства рост,
А какой без колхоза возможен план?
Ты слышал: за границей беда за бедой —
Безработица, разоренье крестьян.

Я тебя со свободой поздравить хотел,
Думал — сам человек свою пользу поймет.
Почему же отвергнул ты мой простор,
Отказался отведать мой сладкий мед?

Эту древнюю доску для молотьбы
С молотилкой сравни, если ты не слеп:
Свой аул со «Сталин-аулом» сравни:
Кто богаче живет, кто больше окреп?

Почему же, Али, ты не в дружбе со мной,
Разве не о твоих тревожусь делах?
Я поставил машину на службу тебе,
Для тебя уничтожил межи в полях.

Вспомни, как попадали люди под суд
Из-за этих меж, из-за спорных земель...
Ты у лестницы счастья стоишь, — всходи!
Там твоя вековая заветная цель.

1933

ПИСЬМО АВТОМОБИЛЯ¹

Пути-дороги для меня
В горах провел Хунзах,
Чтоб я с откосов, жизнь кляня,
Не полз на тормозах.

Того, кто ест да спит полдня,
Бездельником зовут,
Хунзаху выдали меня
Как премию за труд!

Хунзахцев дружная семья
Дробила толщу глыб,
Вот почему в Хунзахе я,
А не пошел в Гуниб!

Гунибцы, вы клялись не раз
Построить путь в горах,
Но не тверды слова у вас,
Они легки, как прах.

Я к вам добрался без пути,
Но отдохнуть не смог,
Вы опасались: приюти —
Сжует он сена стог. . .

Дорогой трудной утомлен,
Во всем Гунибе я
Бензином не был напоен. . .
Ну что ж. . . Привет, друзья!

1934

¹ Хунзахский район получил в премию за строительство дорог автомашину. В Гунибском районе автомобиль встретили недружелюбно, и автомобиль написал гунибцам письмо.

ОТЕЦ И СЫН О СТРОИТЕЛЬСТВЕ ДОРОГ

Отец

Полжизни, сынок мой, у гор на груди
Дороги я строил. Ты сам посуды:
Когда бы не рушил могущества скал я,
Ужели таким бы морщинистым стал я?

Юнцом еще начал я гнуть свою спину:
Дорогу мы строили царскому сыну.
Нет больше царей у нас даже в помине,
Но служит дорога та людям поныне.

Я сажены в горы таскал на плечах,
Чтоб зной не тревожил сардара в горах.
Давно позабыт он, правитель жестокий,
А листья деревьев шумят вдоль дороги.

Когда из Хунзаха, богатств не тая,
Невесту в Гоцоб отправляли князя,
Шоссе проложили мы под небосводом —
С приданым в Гоцоб заскрипели подводы.

Любила когда-то аульская знать
Богатых соседей к себе приглашать.
Чтоб было им ближе скакать на пиры,
Сносили порою мы четверть горы.

Князей имена навсегда позабыты,
А наши дороги в горах — знамениты.
Проносится время, как горные реки,
Но труд человека бессмертен навеки.

Сын

За наши дороги в районе Гуниба
Тебе, мой отец, говорю я спасибо!

Но вспомни, отец, сомневался не ты ли,
Что смогут подняться к нам автомобили?

Смотри, как сегодня на наши вершины
Упрямо взбираются автомашины.

Где солнце терялось в скалистых отрогах,
Колонки с бензином стоят на дорогах;
Почти у орлиных заоблачных гнезд
Легли автострады на тысячу верст.

Мы рек поседелых смирили стремнины,
И трудятся реки, вращая турбины.
Мы, большевики, — вдохновенные люди,
Еще и не то нами сделано будет!

1934

НОВЫЕ ЗУБЫ

Хвост пришить бесхвостый вол
Вздумал в давние года,
Без рогов назад пришел:
Вот беда так уж беда!

Зубы вставить я решил
В поликлинике зубной.
Зубы вырвали врачи
И отправили домой.

«Без зубов домой ступай!»
Поглядите, земляки!
Рот — пустой, как тот сарай,
Где гуляют сквозняки.

Зубы были как стена,
Что поддерживает свод.
Сразу рухнула она,
Опустел мой бедный рот.

Столько трудных длинных слов
Я с зубами говорил.
Трудно, трудно без зубов, —
Знал бы — больше их ценил.

С чем сравню я речь мою,
Что невнятна стала так?
Будто я в ладоши бью, —
Не понять меня никак.

Что-то шамкаю едва.
Где речей моих раскат?
Словно бусины, слова
С нитки порванной летят.

Не звучат стихи мои,
И десятки нудных фраз
Мельтешат, как воробьи,
Залетевшие в лабаз.

Я настойчиво прошу —
Поскорей займитесь мной,
А не то я напишу
В самый главный центр зубной.

Шкуры, содранной с вола,
Будет жалоба длинней:
Нехорошие дела
Просто мучают людей.

Хоть шумел я не всерьез,
Но услышали о том,
И на третий день пришлось
Мне явиться на прием.

Был мой рот — точь-в-точь лабаз
Для просушки кураги,
Зубы новые сейчас —
Жемчуга и огоньки.

Я все горести забыл,
Даже щелкал языком,
Зубы новые хвалил
Всем и каждому кругом,

Позавидовал я сам
Тем, кто знания достиг,

Благодарен докторам
До скончанья дней моих.

Руки ваши, словно пух,
Невесомы и нежны.
Вас хвалю от сердца, вслух, —
Пусть хвалы вам не нужны.

Чуток каждый жест, не груб,
Но уверен между тем.
И когда мне рвали зуб,
Больно не было совсем.

И жужжавшее сверло,
Залетевшее в мой рот,
Боли мне не принесло,
А скорей наоборот.

Наша власть пускай живет,
Пусть владычествует труд.
Обучается народ,
Мастера его растут.

Долгой жизни докторам,
Благодарность и хвала!
Посвящаю песню вам,
Иванова и Хала.

1934

В МОСКВУ, ТОВАРИЩУ

С тобой мы распрощались не без боли,
Пожали руки крепко, а потом
Я сердце по рассеянности, что ли,
Оставил в шумном городе твоём.

Как будто годы, тянутся недели.
Звенят ручьи в ущельях на бегу.
Живу в Хунзахе. Думаю о деле,
Но, веришь ли, работать не могу.

Сажусь писать — напрасное занятие,
Стих холоден, как звезды в синеве.
Как буду в исполкоме заседать я,
Когда оставил сердце я в Москве?

Я занят, друг. Не смог бы мне помочь ты:
В посылке сердце переслать сюда?
Дня через три его с ближайшей почты
Мне почтальон доставит без труда.

1934

О РАБОЧЕМ КЛАССЕ

(ПОВЫВ В МОСКВЕ
НА АВТОМОБИЛЬНОМ ЗАВОДЕ)

До того как на завод
Я спустился с горных пашен,
Знать не знал я, кто кует
Нашу мощь, богатство наше.

Зная лишь свои края,
Где земля людей кормила,
Хлебопашцы, думал я,
Основная наша сила.

Ну, а тут я ковачей
Повстречал в суровой силе.
В блеске огненных печей
С громом их кувалды били.

Довелось увидеть мне
В угле скулы, в саже губы.
Труд людской кипел на дне,
В небо дым клубили трубы.

Вот они, труда сыны, —
Подказало сердце скоро, —
Сердце и лицо страны
И крестьянина опора.

Вот один из тех людей
Через цех на эстакаду

Тащит, словно муравей,
С жидким сплавом ковш-громаду.

Вон другой пустил мотор,
Третий режет сталь со рвением,
А четвертый — весел, скор —
Сборкой занят. Всё в движеньи!

А из заводских ворот,
Чтобы люди лучше жили,
Ежесуточно завод
Гонит сто автомобилей.

Все машины на ходу.
Граждане! Учтите это.
Есть шофер? Забыв нужду,
Мчитесь по земле Советов!

1935

ПИСЬМО ЛОШАДИ ХУНЗАХСКОГО РАЙСОБЕСА ГАМЗАТУ ЦАДАСЕ

Да здравствует, конечно, наш райсобес!
Но горем моим горьким с кем поделиться?
Тебя я призывала, — ты куда-то исчез...
Лучше б не рожала меня мать-кобылица!

Все лошади давно резвятся на лугах,
Я — вечно у пустой кормушки на чембуре.
Те — с каждым днем бодрее, круглее в боках,
А мне — всё просторнее в собственной шкуре.

Прошла уже зима — теперь весна у нас,
А я щипка еще не съела свежей травки.
Зато Кураев в щель заглянет иной раз —
И тычет мне газету: читай, мол, для поправки!

Бывало, вспорхнуть не успеет воробей,
Тронь меня — взвьюсь на дыбы, забрыкаюсь.
Теперь и не вздрогну я, хоть дубиной бей:
Каждый меня лупит, и под каждым спотыкаюсь.

Но незачем, пожалуй, мечтать о фуражке —
О зеленой травке, о пахучем сене,
Когда всё это в желудке не варится уже:
Старость не проходит от зелени весенней!

Глаза мои горели ярче фонарей,
Теперь они от слез, от гноя мутно-грязны;
Стояли мои уши торчком, как у зверей,
А теперь, как тряпки, обвисли безобразно.

Клади под седло мое в былые времена
Мягкий войлок или коврик бумазейный;
Но мода эта вывелась: теперь моя спина
Как будто вся пробита дробью ружейной.

Хороший был когда-то обычай у людей —
Устраивать бега, скачки, джигитовку, —
При этом дважды в сутки кормить лошадей,
Делать им массаж, водить на тренировку.

В долгие зимние ночи, когда
От шороха сена дрожат мои губы,
Я с грустью вспоминаю молодые года,
Ту стать, ту резвость, те крепкие зубы.

Но где красота моя, где здоровье тех лет?
Мне трудно уже переступить через палку.
Пора на тот свет выправлять мне билет:
Я — старая кляча, — кому меня жалко?!

Да, слышала я — Дибирчов, прокурор,
Откупить меня хочет у райсобеса.
Не встречалась я с напастью такой до сих пор.
Я — лошадь, а в нем вдвое больше веса!

Неужели на хребте моем, остром, как пила,
Намерен он ездить, надеясь на плетку?
Или хочет, чтобы я под грузы пошла
С ребрами, похожими на гнутую решетку?

Хоть верится с трудом, но среди людей
Встречаются, я слышала, нередко конюеды:

Но если и зарежет меня злодей, —
Из жил и костей не наварит обеда.

А впрочем, себе на уме прокурор, —
Он в сущности сделает хорошее дельце:
На меня не польстятся ни волк и ни вор,
И никто меня просить не станет у владельца.

Соседи будут рады помочь ему
Как-нибудь на ноги меня поставить.
И семье развлеченье... Умирать потому
Будет мне совестно: как же их оставить?!

Так пусть прокурор не жалеет затрат,
Пусть, не торгуясь, берет меня смело:
Я для него — находка, клад!
Но пусть он не медлит, чтоб я не околела.

1935

НА СТОЙБИЩЕ ГОРНЫХ ДУХОВ

Нас было двадцать восемь человек;
Мы — комсомольцы, родом из Хунзаха.
В краю высоких гор и быстрых рек
Мы выросли, не зная чувства страха.

Мы дружно шли на штурм Седло-горы,
Чтоб водрузить свой флаг и с той поры
Развеять навсегда пустые слухи
О том, что здесь гнездятся злые духи.

Нас не тревожил суеверный гул.
Мы вышли в путь, глупцам противореча.
В Гоготле и в Голотле весь аул
Устроил нам торжественную встречу.

Нас не пугали сказки для ребят:
— Седло-гору оброняют духи...
— Всех смельчаков там духи истребят, —
Твердил мулла, и вторили старухи.

— Вернитесь! Не сносить вам головы! —
Звучал вдогонку шепот суеверный, —
На всех аварцев навлечете вы
Лихую кару дерзостью безмерной...

На штурм горы отправившись с утра,
Отряд вплотную подошел к подножью.
Оделась в облака Седло-гора,
От сырости прохватывало дрожью.

Шел снег, как будто с белого орла
Несчетные ошипывали перья,
И высилась в тумане Сталь-скала
Старинною твердыней суеверьа.

Сказавши слово, ступить нельзя...
Чарыки сняв, мы ринулись на приступ.
Нередко оступаясь и скользя,
Нога с трудом нашупывала выступ.

Не описать наш нерушимый строй,
Вгрызавшийся в скалу, как цепь стальная...
Споткнись ведущий — тотчас под горой
Вся братия легла бы остальная.

Дыханьем облаков насытив грудь,
Дойдя до круч, где птицы не гостили,
Мы завершили свой опасный путь,
И сказочной вершины мы достигли.

И, облучая снежную парчу,
Взошло светило. Было тихо, глухо...
И не обрушились на Дибирчу
Ни град камней, ни сонмы гневных духов.

Стояли там сугробы, как стога,
Как будто им вовек не снилось лето,
И, Ноевых времен топча снега,
Дивился путник собственному следу.

Мы вторглись во владения зимы,
Суровой и неумолимой ханши.

Ее столицу покорили мы,
Считавшуюся неприступной раньше.

Не тают льды. Не слышно пенья птиц.
Седло-гора доступна только тучам.
Ее гордыню мы повергли ниц.
Мы стали над хребтом ее могучим.

Портрет вождя на солнце заблестал, —
Ильич стоит как на вершине башни.
Отсюда виден весь Аваристан:
Как на ладони — пастбища и пашни.

И в камни жизнь вдохнет зурна Яхьи!
Вот ледяная ожила терраса
От четырех безудержных стихий —
От песни, смеха, музыки и пляса.

Опасен спуск и труден. Оступись
Последний — как бы ни был он искусен, —
Весь «караван» посыпался бы вниз,
Как с перегнившей нитки горстка бусин.

Но духи нам не нанесли вреда, —
Вернулись мы на пятый день апреля.
Народ с почетом встретил нас тогда, —
Сердца стучали, и глаза горели.

И до сих пор в Хунзахе говорят,
Что на горе, от века нелюдимой,
Без страха побывала Жавхарат,
И с ней Патина, дочь Камалутдина.

1935

ТЕЛЕНОК ЗАГОВОРИЛ

Год у нас выдался впрямь небывалый:
Стар я, а вот не слыхал до сих пор,
Чтобы теленок — трехмесячный, малый —
Мог по-аварски вести разговор.

Скот переписывать стали в ауле.
Ночью подумал Гази-Магомед:
«Спрячу теленка, пока все уснули
И бригадира с комиссией нет».

«Яловой стала, как видно, корова!» —
Утром заверил комиссию плут.
И бригадир положился на слово.
Дальше пошел, да услышал — зовут!

Плачет за дверью теленок бедовый:
«К маме меня не вписал почему?!»
.. Может быть, впрочем, рогатой коровой
Наш бригадир показался ему.

1935

ЧУДО

Исал Магома, что из мертвых воскрес
И лично всем близким прислал по привету,
Достоин прославиться в книге чудес,
А прочие могут попасть лишь в газету.

Однажды узнали в семье из письма,
Что в море умчали проклятые джины
Ту лодку, в которой Исал Магома
Был штормом застигнут во время путицы.

Поплакав, решила устроить родня
Поминки по грешной душе рыболова.
И печь накалилась от пляски огня,
И разом в котел угодила корова.

И только хотели, что важно весьма,
К столу подавать уже мясо коровье,
Как вдруг присылает письмо Магома:
Он жив и желает всем близким здоровья.

Тут плач прекратился и праздник настал,
Весельем людским обернулась утрата.

О чуде услышав, святоша Хавал
Воскликнул: «Да здравствует день киямата!»

«Зачем волноваться, — сказали ему
И подали водки, — на, выпей-ка, это —
Святая вода, что теперь Магому
Вернула с того невеселого света».

И суфий, который считал, что грешно
Ему, как святому, здороваться с пьяным,
Стал водку со всеми хлестать заодно,
Не маленькой рюмкой — граненым стаканом.

Кто хлеб отказался бы есть — упади
Лишь капля спиртного поблизости с хлебом,
Бутылку к своей прижимая груди,
За шумным столом разговаривал с небом.

Потом Магомед Шарипа, что знал,
Как набожный горец, законы не худо,
На пир пригласили, и суфий Хавал
С ним, чокаясь, пил за великое чудо.

Хоть бороды были у них в седине,
Но так нализились наставники эти,
Что благословили портрет на стене,
За шейха кого-то приняв на портрете.

Исал Магома, что из мертвых воскрес
И лично всем близким прислал по привету,
Достоин прославиться в книге чудес,
А прочие могут попасть лишь в газету.

1935

ЧТО СДЕЛАЛИ С МОЕЙ БЕДНОЙ ПЕСНЕЙ!

Несчастье с песнею моею
Произошло неожиданно.
Ее в газету я послал
На праздник Дагестана.

Гляжу — она, как толокно,
Размолота, измята
Так, словно встретилась в пути
С дубинкой суковатой.

Столкнулась, может быть, она
С оравой горьких пьяниц?
Чьи лапы на ее спине
Сплясали буйный танец?

А может, на кулачный бой
Попала к чондотлинцам
И еле ноги унесла,
Не рада их гостинцам?

Четверостишиям иным
Так по загровку дали,
Что их первоначальный смысл
Теперь поймешь едва ли.

А в довершение, видать,
Им плеткою досталось.
Агонизируют они,
В них жизни не осталось.

О, бедный череп! Ведь на нем
Не счесть рубцов и вмятин.
Мне этот случай роковой,
Признаться, непонятен.

У песни ребер целых нет,
Взирает мутным взглядом,
Как наш гуляка Мустафа,
Побитый камнепадом...

Коль в каждом номере у вас
Подобных «жертв» десяток,
То вы прославитесь везде,
«Герои» опечаток.

Но самокритика всегда
Вину загладить может.
И эту песню, я прошу,
Опубликуйте тоже!

1935

ЖАЛОБА СОХИ

Отошли давно назад
В жизни нашей стороны
Многие, как говорят,
Пережитки старины.

В поле, убыстряя ход,
Строем тракторы идут.
С неба самолет — и тот
Облегчает людям труд.

От арбы народ отвык, —
В горы едет грузовик.
Молотилки на гумне.
А плуги!.. Куда уж мне!

Я могла пахать, пока
Было поле бедняка,
А в колхозе ширь полей
Не для силушки моей.

У дубовых старых сох
Дуб потрескался, засох,
Нам свой век докоротать
На задворках, по углам.
Все забыли, как нас звать,
Называют просто: «хлам».

Пусть сдадут меня в музей,
Чтоб потом в музейный зал
Педагог привел детей
И меня б им показал,

О прошедших временах
Ваши дети знать должны.
Пусть останусь я как прах
Отошедшей старины.

1936

СТИХИ О ТЕПЛОЙ ЗИМЕ

Вот странно — кто же умер из близких у зимы?
В пути, одетой в траур, ее встречаем мы.

Какой она, бедняжка, взволнована бедой,
Что, как ребенок, плачет, льет слезы день-деньской?

Покроет снежной тучкой иной утес — и вдруг
Грозит: укройтесь в шубы от холода и вьюг.

Потом повеет теплым-претеплым ветерком
И шепчет: сбросьте шубы — ишь, как печет кругом.

Из глаз ее, промокших от неумных слез,
Ручьев, потоков буйство по взгорьям пролилось.

Кто без смекалки, смотришь — уж вон с сохой попер,
Подумав, что, мол, это весна пришла на двор.

Нет, встарь зима старалась держать в руках народ, —
От белой, снежной бурки, бывало, кто уйдет?

А ныне? Ливнем солнца, теплыню золотой
Всласть дышашую зиму видали ль пред собой?

Сроднившуюся с летом характером, душой,
Вы чувствуете ль зиму, ее повадок зной?

1936

ДВУРУШНИК

Покрась лицо, потупь смиренно взгляд,
Стань коммунистом, помолясь аллаху.
Сядь на собраньи в самый первый ряд
И красным бантом разукрась папаху.

Теперь ты ласков и хорош на вид,
И, правда, заподозрить невозможно,
Что твой кинжал остер и ядовит,
Хоть он и скрыт в посеребренных ножнах.

Не ты ль держал свечу в полночный час,
Имущим власть дорогу озаряя,
Ты к нам пришел, подкрасившись под нас,
Не к пахоте — ко сбору урожая.

Но волк не стал овцой, хоть к ним пролез,
И ты чужой, хоть ловко перекрашен.
Ты до сих пор украдкой смотришь в лес,
Прислушиваясь, не идут ли ваши.

Ты клялся белым, что пред ними чист,
Ты ел хинкалы, сидя с лжеимамом.
Теперь ты — самый первый активист,
Стал самым правильным и рьяным самым.

Но в чем бы ни клялись твои уста,
Мы знаем, что в душе твоей творится.
И о тебе с газетного листа
Нам правду говорит передовица.

1936

О ДРУЖБЕ С ОГЛЯДКОЙ

Разве на свете нет верности, дружбы?
Кто их саманом зажженным зовет?
Разве зависит от чина и службы
Людям оказываемый почет?

Если посмотришь на друга иного —
Голос не тот, и окраска, и рост,
Сердце его распластаться готово
Перед занявшим ответственный пост.

Тот, кто знакомством со мною гордился, —
Ныне ко мне обернулся хвостом;
Тот, с кем вчера я совместно трудился, —
Ныне меня замечает с трудом;

Тот, кто папаху снимал предо мною,
Даже когда меня видел во сне, —
Тот наяву почему-то спиною
Вдруг поворачивается ко мне.

Я не сворачивал влево иль вправо, —
Где же товарищеская рука?
Ленинский путь — моя жизнь, моя слава,
Можно ль глядеть на меня свысока?

1936

КОЛХОЗ ИМЕНИ СТАЛИНА В СЕЛЕНИИ ХУНЗАХ

В славном двадцатом веке,
В тридцатых его годах,
Создан волей народа
Колхоз в селенье Хунзах.

Сначала объединилось
До двух десятков семей.
Овец было триста с чем-то,
Полдюжины лошадей,

Да на лугу колхозном
Девять коров паслись.
Вот с каким здесь богатством
Вступили в новую жизнь!

Прямо скажем — вначале
Плохие были дела,

Будто металл ковали,
Не раскалив добела.

Но, не щадя усилий,
Расширив работ размах,
Скоро расправил крылья
Колхоз в селенье Хунзах.

Нет на свете преграды
Для трудовых людей.
Улучшили мы породу
Овец, коров, лошадей.

Стало для всех заметно
Хозяйство наше расти,
Стали научный метод
Люди в работе блюсти.

Вместо трехсот — семь тысяч
Овец завелось у нас,
Двести коров отличных
И лошади — первый класс.

Ныне в нашем селенье
Лачуг соломенных нет,
Давно полы земляные
У нас заменил паркет.

Люди нужду забыли,
Живут в уюте, в тепле.
В каждом доме кровати,
Пшеничный хлеб на столе.

Новый год начиная,
Со дня рожденья — восьмой,
Колхоз наш идет к победам
Вперед дорогой прямой.

В этом году раз в десять
Свой мы умножим доход,
Сделаем столько в месяц,
Сколько не делали в год.

Громче звените, струны,
Пой веселее, певец!
Будем растить тонкорунных,
Лучших на свете овец.

Будем растить для смелых
Воинов-богатырей
Вместо лошадок мелких —
Рослых и сильных коней.

А молока и мяса
Столько дадим мы стране,
Сколько в былом хунзахцы
Не видели и во сне.

Нам по заслугам зная
Дано за ударный труд,
И, соревнуясь с нами,
Колхозы вокруг растут...

1937

ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Воду радостей живых, ту, что старит молодых,
Молодит совсем седых,
будем пить, но не пьянеть.

Воду, что и пешехода может сделать конным с ходу,
Пешим конного, — ту воду
будем пить, но не пьянеть.

Воду, что людей меняет — тех смеяться заставляет,
Тех слезами омывает, —
будем пить, но не пьянеть.

Веселящую унылых, шутников бросая милых
В мрак унынья, — полной силой
будем пить, но не пьянеть.

Воду, ценную стократы, золотящую заплаты,
В нищету сводя богатых,
будем пить, но не пьянеть,

Воду восходящей силы, оживляющую хилых,
В бой ведущую трусливых,
будем пить, но не пьянеть.

Ослабляющую ноги, затемняющую многих,
Сделав наш язык убогим,
будем пить, но не пьянеть.

Воду — пить ее пристало, когда есть в желудке мало,
В доме ж снеди до отвала —
будем пить, но не пьянеть.

Воду злую, коль без меры, воду пиршественной веры,
Украшающую смертных,
будем пить, но не пьянеть.

Оглупляющую воду, наливая, как в колоду,
Ту бессовестную воду
будем пить, но не пьянеть.

Льющуюся в темный час изо рта постыдно в таз,
Унижающую нас, —
будем пить, но не пьянеть.

Пробуждающую спесь, расхищающую честь,
Что ни пьешь — всё жажда есть, —
будем пить, но не пьянеть.

Воду — щедрую для друга, для врагов скупую —
крупом
Всю до дна в часы досуга
будем пить, но не пьянеть.

1937

ХАНДУЛАЙ НА КУРОРТЕ

Нет для вас рассказов новых,
Ни стихов, ни новостей.
Расскажу, как в переделку
Я попал с женой моей.

Говорить не буду много,
Будет короток рассказ.
Всё поведаю как было —
Не судите строго нас.

Нам сказали на курорте
Дружелюбные слова:
«Прежде чем располагаться,
Пообедайте сперва».

Тут жена моя сробела,
Тихо шепчет мне: «Беда!»
За столом не приходилось
Ей обедать никогда.

Все едят в столовой дружно,
Принесли котлеты нам,
Но жена сидит смущенно
И глядит по сторонам.

Вилку правой взяв рукою,
Ножик в левую взяла
И с котлетою возиться
Неумело начала.

Не по правилам, как видно,
Вилка встретилась с ножом,
И котлету эти штуки
Не разрежут нипочем.

Встали люди, пообедав,
Погулять пошли они.
Но с котлетами в столовой
Остаемся мы одни.

Стала тут жена смелее:
Не уйдешь теперь, — шалишь!
И котлету придавила,
Словно кошка давит мышь.

Беспощадной быть решила,
Сил откуда-то взяла,
Но злосчастная тарелка
Полетела со стола.

Тут жена, всплеснув руками,
Потрясенная бедой,
Неожиданно смахнула
Голубой графин с водой.

И горчичницы не стало —
Лишь осколки под столом,
Покатились с жалким звоном
Два стакана с молоком.

Блюдце с солью разлетелось
(Блюдце тоже из стекла) —
Всё расколото, разбито,
Вот такие-то дела!

Подошла официантка,
Стало чисто всё вокруг.
«Ничего», — жене сказала,
Увидав ее испуг.

Люди русские тактичны,
Не смеялись над женой.
Наш Расул, давясь от смеха,
Веселился б день-деньской.

Сколько дней с упрямой вилкой,
С неподатливым ножом
Мы согласия искали, —
Долго речь вести о том!

Не найдя здесь деревянной,
Длинной ложки суповой,
Хандулай моя в обиде
Собралась уже домой.

Тут дивчина с Украины
К нам на выручку пришла
И «орудия обеда»
Изучить ей помогла.

Сразу всё переменялось,
И, уменьем дорожа,
Есть жена моя решила
Только с помощью ножа.

Городской франтихой стала,
С головы сняла чохто,
Гребешок воткнула в косы —
Не поверишь ни за что.

С горожанками сдружилась,
И они с женой моей
Перед ужином гуляют
В тишине густых аллей.

Мать родная не узнает!
Молодеет на глазах.
Жить по-новому решила,
Возвратясь в родной Хунзах.

И наглядно доказала
Всю бесхитростную ложь
Нашей старой поговорки:
«Кем родился, тем помрешь».

1937

ЧТО ЗА ДЕНЬ СЕГОДНЯ?

День знамен победоносных,
Собиратель силы нашей,
Зачинатель битвы нашей —
Светлый праздник всей страны.

В ночь, когда ты к нам приходишь,
Распускаяются деревья, —
Их сиянием весенним
Улицы озарены.

А давно ль дожди шумели
На дорогах наших горных
И хлестали в берег волны,
Белой ярости полны?

Точно призраки бывшего,
Здесь развалины лишь были.

А теперь дворцы повсюду —
Ярче солнца и луны.

Для врагов ты — кубок яда,
Кровопийц могильщик грозный.
Здравствуй, день победы нашей,
День Свободы и Весны!

1937

ПАМЯТИ СУЛЕЙМАНА СТАЛЬСКОГО

1

Как будто гром над нами прогремел
И у меня открылась в сердце рана, —
Нет, не Ашага-Сталь осиротел,
Осиротели все аулы Дагестана.

Когда падет боец, другой боец
Встает на место павшего героя, —
Но кто заменит нам тебя, певец?
Кто голосом твоим заговорит со мною?

2

Каким бы ясным ни был мысли ход,
Какие б ни возникли в сердце звуки,
Поэт берет перо, бумагу в руки,
И песнь из-под пера его течет.

А Сулейман к бумаге не привык,
В сердцах людей свою черпал он силу.
Ему пером был собственный язык,
И кровь ему чернилами служила.

Неграмотен он был, старик седой
(Что делать, бедняки учились мало!), —
Неграмотность была его бедой,
Но и она его бессмертьем стала.

1937

О ДРУГЕ СУЛЕЙМАНЕ

Хоть и познал он почести и славу,
До солнца нашей властью вознесен, —
Не изменил крестьянскому он нраву,
На туфли не сменил чарыков он.

1937

ОТВЕТ МОЛОДОМУ ПОЭТУ

Я размышлял о жизни вечно новой,
Текли, как волны, думы в тишине,
Когда от стихотворца молодого
Письмо со штемпелем вручили мне.

Я стал читать. Походный — не парадный
Передо мною строй стихов возник.
И запах одаренности отрадной
Мой старый нюх почуял в тот же миг.

И в сердце мне вошли без проволочки,
На доступ пропусков не предъявив,
Чеканные, отточенные строчки,
В себе печаль и радость воплотив.

О юноша, сумевший вызвать смело
К стихам своим живейший интерес,
Мое перо состарилось, как тело,
Его ты зря возносишь до небес.

Не воздавай почета мне, не надо,
Я о былом, о прошлом вел рассказ.
И нынче дар мой гаснет, как лампада,
В которой масла кончился запас.

Хозяин оскудевшего амбара,
Я на хромом уже плетусь коне,
А твой — горяч, он моему — не пара,
Скачи вперед и не завидуй мне.

Дерзай, покуда над порогом сакли
Гнездиться голубь получил права,
Спеши, покуда силы не иссякли
И не сидит на темени сова.

Не относись ко времени беспечно
И не ленись работать до утра.
Знай, мыслей острота недолговечна,
Как острота и самого пера.

Я проложил в горах свою дорожку
И дорожку кладь по ней готов
Еще тянуть, хоть ставят мне подножку
Все шесть десятков прожитых годов.

Водой студеной горного колодца
Лечил свои недуги я досель.
Чем жизнь вперед стремительней несется,
Тем мне страшней становится постель.

1937

НА МОГИЛЕ КОСТА ХЕТАГУРОВА

Сколько никчемных вскормила земля!
Сколько полезных она поглотила!
Встарь дармоедам дарила поля,
Славным любимцам народа — могилы.

В злую годину ушел ты от нас.
Но над могилой мы плакать не будем:
С нами Коста,
Он живет и сейчас,
Добрые песни оставил он людям.

1939

Лучами глаз твоих я ослеплен.
Взглянула — и голубкой упорхнула.
Я рад бы за тобой лететь вдогон —
Куда там! Ты исчезла из аула.

Рукою лишь махнула — мол, пока!..
Не видывал я существа коварней.
Бычок дороже старого быка —
Ты предпочла мне молодого парня.

Ты думала: любовь — юнцов удел,
Лишь молодой способен загореться.
А я — представь! — пока не поседел,
Не ведал мук взбесившегося сердца.

Что ж, коли у тебя завелся друг,
Расстаться, милая, давно пора нам.
Но почему ты улыбнулась вдруг?
Зачем со мною чокнулась стаканом?

Не знаешь и сама, кого любить
И подаваться в сторону какую.
Того, кто любит, гонишь... Так и быть:
Послушай — что почем я растолкую...

1938

МАХАЧ ДАХАДАЕВ

Мы не забудем, как ты выступал:
Врагов разили залпы красноречья!
Мы помним день приезда твоего —
Была, как море, шумной наша встреча!

Пока ты не повел аварцев в бой,
Спокойны были души мироедов,
Стояли прочно ханские дома,
Не слыша слез, напасти не изведав.

С Гоцинским, с озверевшим кулачем
Ты, стиснув зубы, дрался без пощады.
Красноречивый — ты не тратил слов,
И говорили за тебя снаряды.

Аваристана золотой хребет,
Ты рухнул в бездну черную нежданно.
Убит, убит прославленный трибун.
Скорбит по другу сердце Дагестана.

1939

**КОГДА ПЕРЕДАЛИ ПО РАДИО
О НАГРАЖДЕНИИ ГАМЗАТА
ОРДЕНОМ ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ**

Сегодня, первого февраля,
В большое волнение я приведен:
Узнала по радио вся земля,
Что орденом я, Гамзат, награжден.

Очень велик этот светлый дар,
Орденосцы у нас в чести,
Орден горит на груди, как жар,
Надо достойно его нести.

Песни мои — для людей труда,
Царская власть заглушала их,
Но слово свободы живет всегда,
Свободен и ясен советский стих.

Меня угнетал Николай Второй,
Теперь я выбран в Верховный Совет,
Не потому, что большой я герой,
А потому, что я честный поэт.

Я буду напорист в труде и смел,
Мне многое надо успеть.
Пока язык мой не онемел,
О новой жизни я буду петь.

1939

ПИСЬМО ИЗ ТАЛГОВ

Нам бесплатные путевки
Дали нынешней весной.
Я в Талги на отдых прибыл
С Хандулай — моей женою.

Принимаю ванны, грязи, —
Нет свободной ни минутки.
И притом обильно кормят
Нас четыре раза в сутки.

Отдаленное имел я
Представление о спорте, —
А теперь волейболистом
Стал заядлым на курорте.

Москвичи сюда частенько
Приезжают на лечение, —
Наш курорт Талги имеет
Всесоюзное значенье.

Привезет больных автобус,
И, поверь, свершится чудо —
Он увозит через месяц
Их здоровыми отсюда.

Вот возьми Али, к примеру:
Он приехал с костылями,
А теперь обгонит ветер,
Что проскачет над полями.

Привезли Бику, я помню,
В санмашине, дышит еле, —
Ревматизм водой талгинской
Смыли ей за три недели.

Здесь врачей немало; каждый
Ходит с трубочкою черной,
Вежлив, ласков он с больными,
Как с гостями житель горный.

Нас обслуживает стая
Медсестер простых и милых,
Что всегда напоминают
Мне голубок белокрылых.

А товарищей здесь сколько!
Юны те, другие — седы,
И пускай в Талгах на разных
Языках звучат беседы, —

Мы одной семьей дружной
Каждый день проводим вместе,
И поем одни и те же
О стране любимой песни.

Эти радостные песни
Теплотой сердец согреты.
Мы идем одной дорогой,
С нами Ленина заветы.

1939

„ВОЛЧЬЕ УЩЕЛЬЕ“

**(КОГДА ГАМЗАТУ ПРИШЛОСЬ ПРОВЕСТИ НОЧЬ
ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ В ОЖИДАНИИ МАШИНЫ)**

Часы идут. Я жду рассвета молча.
Часы ползут, не сделав ночь короче.
Так приняло меня Ущелье Волчье,
Такой служил я бесконечной ночи!..

Был чабаном при звездах, как при стаде,
Стерег миры, за ними в оба глядя.

1939

ПИСЬМО СЕМЬЕ ИЗ МОСКВЫ

Хоть я, как вы знаете, здесь не впервые, —
Такой изобильной не видел Москвы я:
Какие хлебá, сколько мяса и жира,
И рыбы, и масла, и меду, и сыра!

И красным товаром полны все прилавкí, —
Смотри, выбирай — без толкучки, без давки:
Хоть ситца, хоть шерсти, хоть шелка, хоть
плюша —
Отмерят, отрежут за милую душу.

Мужского и женского платья как много!
Сапог и ботинок на всякую ногу,
Калоши и валенки, бурки и кеньги. . .
Чего тут не купишь — лишь были бы деньги! . .

В роскошной гостинице номер мне дали, —
Картины, фигуры, ковры и так дале.
Не знаю порой — на земле я, на небе ль:
Какие удобства, какая тут мебель!

Есть письменный столик с чернильницей,
с ручкой,
И стопка бумаги, и разные штучки.
Кровать — вы поверите ль? — целая площадь:
С трудом сам себя нахожу в ней на ощупь.

А рядом есть кнопка: нажми только пальцем —
И чай подадут и обед постояльцам.
Холодной водой и горячей — не шутки! —
Могу я тут мыться хоть круглые сутки.

Из бронзы, на каменной плитке богатой, —
Олень на столе предо мною рогатый.
От нечего делать с большим оживленьем
Часами беседую с этим оленем. . .

Стихи мои очень тут ценятся. Кстати,
Выходит мой сборник на днях из печати,
А двадцать седьмого мой творческий вечер.
Как видите, быть недовольным мне нечем,

Но всё же, мои дорогие, не скрою,
По вас я скучаю вечерней порою:
Всё чаще мне снятся ручьи, перевалы,
Всё чаще мне снятся цадинские скалы.

У той бы мне печки погреться немножко,
В духовке которой печется картошка!
Подняться б на крышу, любимые дети,
Родной наш аул наблюдать на рассвете!

Но что же влечет меня прочь из столицы,
В которую кажлый сердечно стремится?
Мне ярче ль в Цаде, чем из окон московских,
Сиять будут звезды на башнях кремлевских?

О мать нашей родины! Ты дорога мне
От звезд на Кремле до последнего камня!
Словами любовь не измеришь такую, —
Влюбленный в Москву, о Цаде я тоскую.

1940

ВОДОПРОВОД В АУЛЕ ЦАДА

Горнвю воду наука в аул привела!
Радуйтесь, женщины — жены, и сестры, и дочери!
Прочь уберите веревки с кувшинов своих.
Можете выбросить даже запасные бочки!

Новый тебе открывается мир, Жавгарат!
Кран поверни — наливай себе сколько потребно!
Шумный источник поет под окном из трубы, —
Спишь — и во сне этот шум тебе снится волшебный!

Видите, что может сделать простая кирка,
Если и воля, и руки народа — едины.
Всем уж ясно теперь: перед силой такой
Скалы развалятся, горные рухнут вершины.

Вот: шесть десятков хозяйств — мы прорыли канал,
И ведь на пять километров его протянули!

Дикий родник, растекавшийся зря по камням,
Взятый за шиворот, служит нам верно в ауле.

Сколько невзгод приходилось терпеть без воды:
Снег собирай да вытапливай воду в морозы;
Тучка надвинулась — бочку под желоб скорей!
То вся надежда на снег, то на краткие грозы.

Девушек сколько калеками стало у нас:
Воду за два километра таскали в кувшинах.
Женщины наши, пожалуй, полжизни своей
Жили, согнувшись под грузом кувшинов на спинах.

В старое время кто думал о нашей нужде?
Мало ль о чем там овечка худая заблеет!
Чести и долга начальство не знало тогда:
Волк — это волк, и овец никогда не жалеет.

Но когда Сталина имя прошло по земле,
Новая жизнь распахнула ворота народу.
Много чудес мы творить научились — и вот:
В горы по трубам в аул притянули мы воду.

1940

КОГДА ЦУМАДИНЦЫ ЗАВОЕВАЛИ КРАСНОЕ ЗНАМЯ (НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ КАНАЛА В 1940 ГОДУ)

В работе мы зря не теряли минут,
Седые от каменной пыли.
За наш вдохновенный и доблестный труд
Нам Красное Знамя вручили.

Мы время сумели трудом обогнать
Великой страны своей ради:
Ведь мы выполняем — нам это под стать —
Три нормы рабочие за день.

Под молотом искры из камня летят,
Гудит от ударов округа.

«Живее, товарищ! Напористой, брат!» —
Вот так мы торопим друг друга.

Увидим грядущих побед торжество,
Мечты, воплощенные в были.
Мы строим канал, чтобы воды его
Сухие просторы вспоили.

Здесь тысячи крепких, мозолистых рук
Оружье строителей сжали,
Чтоб рожь золотая шумела вокруг
И яблони жажды не знали.

Мы Терек на службу к себе призовем,
И лишь пожелтеют долины,
Увидят свое отражение в нем
Груженные хлебом машины.

1940

КНИГА

Ты с книгою дружи, чьи щедрые листы
Ждут взгляда твоего. Она всегда верна.
Пусть ты богат, как хан, пусть без копейки ты, —
Не станет изменять, не подведет она.

Прилежнее склонись челом к страницам книг,
Где каждая строка мед мудрости таит.
Будь жаден к знаниям, сын! Знай: ты не всё
постиг, —
Лишь черпая из них, твой разум будет сыт.

Оружье это ты не выпускай из рук.
Брани его иль нет, — надежен друг такой.
В обиде на тебя не будет этот друг,
Хоть бросишь ты его, в сердцах махнув рукой.

Будь знания кунаком. Богат его очаг,
Щедры его дары, густы его сады.
А ты — желанный гость в цветущих тех садах:
Иди и собирай румяные плоды.

Ты книге поверяй свои мечты и жизнь.
Знай: в сердце не спросясь врывается поэт.
Ты всем, что на душе, с поэзией делись:
В ее улыбке ты на всё найдешь ответ

1940

ЛИСТОК КАЛЕНДАРЯ

Я — праздник, дарованный нашим вождем,
Я — тринадцатое ноября,
Я — золотом вытканый радостный день
Дагестанского календаря.

Мой добрый обычай — однажды в году
Гостем в ваши селенья войти
И до ночи в светлом колхозном саду
Весь свой срок на пиру провести.

Слышал я от старших братьев, друзья,
Сколько мук Дагестан перенес,
Как тружеников истязали князья,
Сколько пролито крови и слез.

Повязки не сохли на ранах у вас
В непрерывных свирепых боях;
Дни гасли в кровавых туманах у вас,
Вы томились во тьме и в цепях.

Так тягостно было в бесправии жить,
Вы к свободе взлететь не могли, —
Да где там взлететь! — вы спины распрямить,
Гноя с глаз отереть не могли.

Я тучи рассеял. Я солнечным днем —
Беззакатным — страну озарил.
Я спины, согбенные рабским трудом,
С них сорвавши ярмо, распрямил.

1940

ПРАЗДНИК СВОБОДЫ

Здравствуй, праздник Свободы,
Жизнь даровавший нам!
Светоч очей народа,
Слава тебе! Салам!

Древнего гнета своды
Ты навсегда разбил.
Горы, поля и воды
Радостью озарил.

Те, что немymi были, —
Песни теперь поют.
Те, что хромыми слыли, —
В круг плясовой встают.

Тот, кто ярмом был сгорблен, —
Выпрямил гордо стан.
Горестным был и скорбным,
Радостным край мой стал.

Наш Дагестан от смерти
Спас ты водой живой.
Грянул на темной тверди
Яростью грозовой.

Грянул великий, правый
Суд беспощадный твой
Над роковой кровавой
Вражьей головой.

Сбросил ты с нас оковы —
Рабские хомуты,
Жизнетворящим словом
Путь осветил нам ты.

Мир небывалый строя,
Поднятые тобой,
Встали сыны-герои,
Слава страны родной.

Волей своей и властью,
Разумом и трудом
Вечное зданье счастья
В мире мы создаем.

Здравствуй, праздник Свободы,
Жизнь даровавший нам!
Светоч очей народа,
Слава тебе! Салам!

1940

ЖИЗНЬ И РОДИНА

«Отец мой, в лихую годину войны,
Сражаясь за счастье родимой страны,
Ты жизнь за него положил бы в бою?
Честь воина ты сохранил бы свою?»

— «Мой сын, я — старик и в могилу гляжу.
За родину жизни я не пощажу.
Забота моя о своей ли судьбе?
Ты — молод. Все мысли мои о тебе.»

— «Отец мой, беречь я себя не могу:
Отчизны вовек не отдам я врагу.
Без родины — жизни цена какова?
Без чести — что стоит моя голова?»

— «Мой сын, у тебя молодая жена,
Свой род для тебя позабыла она,
А ты покидаешь родимый Хунзах,
Жену и детей оставляя в слезах.»

— «Отец, я покину свой дом и семью,
Но родину я от врагов отстою.
Я должен оставить жену и детей
И стать на защиту отчизны своей.»

— «Ужель тебе матери, сын мой, не жаль?
Ее раньше срока состарит печаль.»

В разлуке с тобой не прожить мне и дня,
Неужто уедешь, мой сын, от меня?»

— «Любимый отец мой, родимая мать!
Мне горько и тягостно вас покидать.
Но знайте, вовек не удержат бойца
Ни матери слезы, ни горе отца.

Отчизна счастливою жизнью живет.
Предавший отчизну — себя предает.
Смерть нас отыщет в дому и в бою.
Отчизну в беде не оставлю свою.

Отец мой, врагу я тебя не предаю.
Быть может, в сраженьи погибну я сам,
Но не опозорю твою седину,
Тебе не придется томиться в плену. .»

Отец был растроган ответом Али,
И слезы из глаз у отца потекли.
«За счастье и славу родимой земли
Ступай и сражайся, любимый Али! .»

1941

ЗА МОСКВУ!

Едва лишь по стране промчалась весть,
Что враг к Москве приблизился вплотную,
Советские народы как один
Скалою встали за Москву родную.

Мужчины, женщины — и млад, и стар —
Все поднялись, услышав клич тревоги.
Шли пеший, конный дать врагу отпор,
Со всех концов стремясь к одной дороге.

Шли, как поток могучий, как потоп, —
Всех ветер гнева на дорогу вынес:
Киргиз, казах, таджик, туркмен, узбек
Шли, боевым оружием ощетились.

Кавказ всю силу выставил свою:
Искусный в сече шел азербайджанец,
Грузин и армянин в атаку шли,
И ты, железный конник-дагестанец,

С единым кличем: «За Москву! Вперед!
За родину! Погибель вражьи сворам!»
И враг отведал наш кулак стальной —
И от Москвы отброшен был с позором.

1941

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

(Дедушка — первой внучке)

Внучка в наш явилась дом —
Краше внучки не найти.
Как девчонку назовем?
Может, попросту, «Пати»?

Заведется у отца
Лишних несколько рублей, —
Он подарков без конца
Дочке навезет своей.

Купит он тебе платок
Да коралловый виток,
Чтоб у колыбели
Бусинки блестели.

И браслетку, и кольцо
На тебя наденет мать.
Выйдешь с мамой на крыльцо,
В садик с ней пойдешь гулять.

Шелковиночки волос
Мама гребнем разберет.
Нашей пташке между кос
Птичье перышко вплетет.

Папа дочке приберет
Пару золотых серег.

Люди сразу отличат:
«Вон гуляет Патимат».

Папа станет целовать:
«Спи, дочурка, засыпай».
Молочком покормит мать,
Будет петь тебе «бай-бай».

Манит бабушка: «Иди
На́ руки ко мне, мой свет!»
«Поиграй со мной, Патн!» —
Просит внучку старый дед.

Будешь новой жизнью жить.
В школу ты начнешь ходить.
Побежишь вприпрыжку,
Книжку взяв под мышку.

1941

ПЕСНЯ ЖЕНЫ ВОИНА

Нет весточки долго, мой друг, от тебя —
За месяцем месяц, весна за весной;
Забыл ли в разлуке, забыл — разлюбил,
Сдружился ль с заботой, — не знаю какой?

Не верю, что мог ты забыть меня, друг.
Так что бы с тобою случиться могло?
Дай знать, если в схватке с врагом изнемог,
Дай знать, если ранен в бою тяжело.

Тотчас оседлаю гнедого коня,
В седло боевое легко я вскочу,
Дитя поцелую и мать обниму
И быстрой орлицей к тебе полечу.

Винтовку возьму я, стрелять научусь,
Товарищем стану тебе — не женой,
И буду я раны твои врачевать
И буду сражаться бок о бок с тобой.

Не диво, что станет горянка бойцом —
Веселым в походе, отважным в бою:
Умеем любить мы на жизнь и на смерть
Мужей своих милых, отчизну свою.

1941

**ПОЭТ АБУТАЛИБ ГАФУРОВ
НА ТРУДОВОМ ФРОНТЕ**

(Отрывок)

От хребта, где скрыт Хунзах,
До каспийских волн могучих
В неоглядных небесах
Черные нависли тучи.

Потемнело, и дождем
Пыль прибило на дороге,
И крутой далекий гром
Заглушил сигнал тревоги.

Но отбит налет врагов,
И недолог дождик в мае.
В серой шерсти облаков
Зазвенели птичьи стаи.

Распахнулось вдалеке
Туч свинцовых покрывало, —
Словно зеркальце в руке,
Солнце в небе задрожало.

Просветлели небеса,
И окончилась тревога,
Вышел старый Цадаса
Ноги поразмять немного.

Вдруг, смотрю, — навстречу мне,
Вскинув кирки, как знамена,
Шаг чеканя в тишине,
С песней движется колонна.

Парни в ватных пиджаках,
Девушки в платках цветистых
Шли с лопатами в руках
Рыть могилу для фашистов.

Неожиданно один,
В ватнике и в тюбетейке,
Незнакомый гражданин
Мне сказал: «Салам-алейкум!»

За спиною вещмешок...
Я обрадовался, ибо
Предо мной стоял дружок:
Встретил я Абуталиба.

«Вот не думал! Как же так?
Почему, поэт Гафуров,
У тебя сейчас в руках
Нет ни саза, ни чонгура?»

Ведь тебе за шестьдесят,
Ты ведь всё равно не сможешь
Делать ту работу, брат,
Что под силу молодежи.

Ты воюй своим стихом!..»
— «Нет, — сказал мне друг усатый, —
Буду воевать с врагом
И стихами, и лопатой!..»

Обступила молодежь
Знаменитого ашуга, —
К старику не подойдешь,
Не пробьешься к центру круга.

Наш Абуталиб стоит,
Улыбается по-братски,
По-аварски говорит,
И по-лакски, и по-татски.

Вот прославленный поэт
Взял листок бумаги тонкой,
Вынул кожаный кисет,
Опоясанный тесемкой,

Снял тесемку, а потом
Высыпал махры немножко
И листок согнул углом —
Получилась козья ножка.

За своей колонной вслед,
Дым пуская сероватый,
Зашагал седой поэт,
Опираясь на лопату.

Говорят, что старику
По сердцу пришлась работа.
Надо бы его кирку
Разукрасить позолотой.

Заступ друга моего
Для фашистов рыл могилу,
И отчизна труд его
По заслугам наградила.

С радостью в родном краю
Я услышал новость эту,
И простую песнь свою
Шлю я лакскому поэту.

1943

МАЛЕНЬКОИ ПАТИ

Прошу тебя, внучка,
Ты деда прости,
С недоброю вестью
Я прибыл, Пати.

Из области дальней
Вернулся в наш дом
Я с вестью печальной
О папе твоём.

Мечтал он, желанья
Свои торопя,

Хоть краешком глаза
Увидеть тебя.

Писал он: «Утешьте
Дочурку Пати.
Ей-богу, как прежде
Здоров я почти».

Семью успокоить
Хотел, а меж тем
Пришла телеграмма,
Что плох он совсем.

Я в поезде мчался,
Добрался в два дня,
Но он не дождался
В санбате меня.

В походной шинели,
С морщиной на лбу,
Под белым халатом
Лежал он в гробу.

Вблизи Балашова,
Где жертвы войны
Смотрели сурово
Посмертные сны,

Остался отец твой
Лежать недвижим,
С лицом, обращенным
К нагорьям родным.

И, как по закону,
Что принят в горах,
Встал камень граненый
В его головах.

Сокровище бабушки,
Свет моих глаз —
Он умер, отец твой,
Покинул всех нас.

1943

САЛЮТ

Слышны в Дагестане
Москвы голоса.
От залпов победных
Дрожат небеса.

И в небе ночном
Расцветают цветы:
То красный, то желтый
Летят с высоты.

Цветные огни
Полыхающих звезд —
Как сказочной птицы
Сверкающий хвост.

Огни среди ночи
Пускаются в пляс.
Они говорят:
«Полюбуйтесь на нас!»

И мгла отступает,
Теснясь по углам...
Всего не опишет
Мой скромный калам.

Захватчиков дерзких
Разбили мы в прах.
На запад бежит
Обескровленный враг,

И без передышки
Бегущему вслед —
То залпы, то вспышки
Веселых ракет.

1944

**ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ВЕЧЕРЕ, ПОСВЯЩЕННОМ
ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ ТВОРЧЕСТВА ГАМЗАТА
В г. МАХАЧКАЛЕ В 1944 г.**

Конь ударом копыта матерого волка убил,
Но крестьянин быку благодарность за это принес:
«Это — подвиг овса, что коня богатырски вскормил.
Ну, а кто, как не бык, наше поле вспахал под овес?»

Если б мудрость народная не накормила певца,
То Гамзат в этом кресле не встретил бы свой юбилей.
Мало слов у меня, чтобы выразить всю до конца
Благодарность сердечную власти советской моей!

1944

ОЧКИ

Н о с

Они и тяжелы, и велики.
От них совсем я обессилю скоро.
Большим мостом мне кажутся очки,
А я под ними — слабая опора.

У ш и

Нет, дорогой, напрасно ропщешь ты,
Помучился бы ты, как мы, бедняжки.
Смотри: нас обхватили хомуты,
Сдавили нас, как лошадей в упряжке.

Н о с

Зачем же вам терпеть подобный гнет?
Вас двое, и очки не сладят с вами.
Чтоб волка напугать, осел — и тот
Копытом бьет и хлопает ушами.

У ш и

Брат, на тебе сидят верхом они,
Тебе и надо с ними рассчитаться.
Ты с силой соберись да как чихни —
Они слетят и в брызги разлетятся.

Н о с

Хитрите вы, друзья, чтоб не пришлось
Участвовать самим вам в этой драке.
А я торчу, как лакомая кость,
В которую вцепились две собаки.

У ш и

Тогда давайте вместе, все втроем,
Как только наш старик закроет веки,
Возьмем очки и в порошок сотрем,
От них — врагов — избавимся навеки.

1944

С Л О В О О В Ц Ы К Д В У Н О Г О М У В О Л К У

Я с тобой, Али, поговорить хотела. —
Ты овцу-старуху выслушай, Али.
Я от горьких дум — ну, просто очумела.
Сядь сюда... минутки две мне удели.

Чей в твоей папахе смушек серебрится?
Кто твою жену обрадовал платком?
На руках своих чьи носишь рукавицы?
Салом чьим поставил ты усы торчком?

Саклю кто ковром украсил и паласом,
Из чего костюм ты сшил на новый год?
Кто тебя, Али, снабжает сыром, мясом,
Шерстью теплой? Разве не овца, не скот?

На тебе, Али, пальто из хрома. Щеголь!
Чей тот хром — неважно, было бы к лицу!
В мягких сапожках шагаешь — гордый гоголь!
А хоть добрым словом помянул овцу?

Осушив на свадьбе рог вина иль чачи,
Чем закусишь? Кто шашлык тебе припас?
В зимний вечер кто на противень горячий
С перчиком, с лучком кладет кольцо колбас?

Скот тебе не люб, а мясо очень люблю, —
Справедливо это? Поразмысли сам:
Презирать овец, рядясь в овечью шубу!
А ведь должен быть ты верным другом нам!

Почему ж с тех пор, как выскочил ты в «шишки»,
Шею так твою раздуло? Вот вопрос!
Дефицит в колхозе, у тебя — излишки:
Потому, Али, ты салом так оброс!

Эй, Али! Ведь ты — доверенный народа,
Как же ты народ обманываешь так?
Руки, что тебя избрали, подло продал:
Те — за пяточок, а те — за четвертак!

У Зухры безрукой дети есть — сироты, —
Ты крадешь ее копейки и рубли!
Без ноги пришел с войны Курбан, — его ты
Тоже обираешь. Сдох бы ты, Али!

«Губят вас болезни...» Знаем эти толки!
Как же! Всё на хворь, на хищников вали.
Нас двуногие уничтожают волки!
Не за наш ли счет пируешь ты, Али?

1944

НОВОМУ ГОДУ

Новый год, протяни мне по-дружески руку;
Ты — не гость, сам себе из кувшина налей!
Долгожданный приход твой да будет порукой
В том, что жизнь наша станет еще веселей!

Пусть все беды уйдут из-под нашего крова,
Мы с победой дождемся с войны сыновей,
Пусть отелятся благополучно коровы,
Ожеребятся матки высоких кровей!

Пусть приплод жеребят будет рослым и сильным,
Пусть пестреют луга от бесчисленных стад,

Пусть взрастет урожай полновесным, обильным,
Пусть не тронут посевов ни ливень, ни град!

Пусть пшеницею будут богаты колхозы,
Пусть под фруктами гнутся деревья в саду,
Пусть от тяжких кистей виноградные лозы
До земли наклоняются в этом году!

От больших бурдюков пусть сгибаются гвозди,
Пусть бараньего мяса навялим мы впрок!
Пусть на праздниках наших обедают гости
Так, чтоб жир покрывал ножевой черенок!

Пусть медлительным буйволам будет знакомо,
Как с токов до амбаров возить свою кладь!
Пусть в углу каждой комнаты каждого дома
Будет брага в пузатых бочонках играть!

Пусть в духовках печей будет жариться мясо,
Пусть стоят на столах пироги и колбасы!
Пусть все фабрики выполняют план повсеместно,
Чтоб товары все полки заполнили тесно!

Пусть течет половодье веселья и счастья,
Пусть к народу народ проявляет участие!
Пусть наследников больше рождается втрое,
Пусть герои растут, побеждая и строя!

Пусть сурово звучит приговор прокурора,
Пусть настигнет закон грязнолапого вора!
Пусть презренный предатель вовек не воскреснет,
Пусть бездонный живот расхитителя треснет!

Пусть все крысы, народ обиравшие ловко,
Твердо помнят, что есть и на них крысоловка!
Да живет наша армия славно и гордо!
Да погибнут фашистов кровавые орды!..

ШАМИЛЬ

В храбреца, чей подвиг смелый
Карлом Марксом оценен,
С бранным визгом мечет стрелы
Тот, кто разума лишен.

На борца, что соколиной
Был отвагой знаменит,
Замахнулся вдруг дубиной
Потерявший честь и стыд.

Кто осудит ратоборца,
Чья прославилась борьба
Потому, что сердце горца
Сердцем не было раба?

Кто осудит человека,
Что в горах гремел, как гром,
Что сражался четверть века
С притеснителем-царем?

Значит, царь в года былые
Прав был, а Шамиль неправ?
Почему ж народ России
Сверг царя, престол поправ?

Выдумки густые эти
Отвергает вся земля:
В наших саклях даже дети
Знают имя Шамиля!

Мчался он ущельем узким
Иль заоблачной тропой, —
Знайте: не с народом русским,
А с царем вступил он в бой.

Горцев доблестных возглавив,
Он в сраженье их повел.
Крылья мощные расправив,
Воевал он, как орел.

1945

О ВРАГАХ МИРА

Кто, собой торгуя, палку вставил
В колесо борьбы за мирный труд,
Тот себя навеки обесславил,
И его из памяти сотрут.

Поджигателей весь мир осудит.
Их, мешающих святой борьбе,
На себе земля держать не будет,
А скорей упрячет их в себе.

Пусть умрут продажные злодеи,
Те, кто чувств священных лишены,
Для которых прибыль их важнее
Жизни, чести собственной страны.

Кто народ свой в бездну горя бросит,
Глядя на беду издалека, —
Пусть такого изверга уносит
Гнева справедливого река.

Пусть сойдут с лица земли владыки,
Что стоят у мира на пути,
Что готовы труд людей великий
Уничтожить, чтоб себя спасти.

Пусть могилы зарастут крапивой
Тех богов руин и смерти злой,
Что укрытья ищут торопливо
Перед наступающей грозой!

1946

ОКТЯБРЬ

Теперь, на склоне лет, я постоянно
О прошлой жизни думаю своей,
И жалко мне, что я родился рано,
Что сгублено так много лучших дней.

Ведь если только в прошлое взглядеться, —
До Октября, скажите, что́ я знал?
Я был мальчишкой — и не видел детства,
Я зрячим был, но света не видал.

Мне жаль моих друзей и однолеток,
Кого в живых уж нету, кто не смог
Увидеть столько солнечного света,
Который ты, Октябрь, в стране зажег.

1947

В ДЕНЬ МОЕГО СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЯ

Что за люди, ты взгляни!
Иль за жен им страшновато,
Что стараются они
Сделать стариком Гамзата?

Всех созвали на обед.
Тост сказали (он был краток):
Мол, ура! соседу лет
Миновал... седьмой десяток.

Так считают люди зря —
Неверны подсчеты эти:
Только после Октября
Стал я жить на белом свете.

При царе не жил я, нет,
И для верного итога
Вычтем эти сорок лет, —
Вышло тридцать. Разве много?

Тот, кто хочет стариком
Сделать юного Гамзата,
Тот пришел напрасно в дом —
Времени пустая трата.

1947

ЖАЛОБА МОЕЙ ЖЕНЫ

Иной, на службе сделавши карьеру,
Жену с детьми бросает в тот же год
И, одурев от важности не в меру,
Напудренную в дом к себе ведет.

Вы пишете в газетах о Гамзате, —
А вдруг ему хвала не по плечу?
Зазнается поэт, и в результате
Я, старая, отставку получу.

Его звезда находится в зените,
Гордится им не только вся родня.
Но как бы он прославился, скажите,
Когда бы рядом не было меня?

Когда б в Талгах тарелок я не била,
Не сочинил бы он стихов о том.
Киркой, лопатой, не жалея силы,
Я привела в порядок бедный дом;

Работать сядет — я подам бумагу;
Во всем — помога мужу своему;
Он без меня не сделает и шагу.
За что ж такие почести ему?

Он — юбиляр. От телеграмм с утра ведь
Покоя нет, — летят к нему, спеша.
Мне лет не меньше, но меня поздравить
Не догадалась ни одна душа.

1947

СТАРОСТЬ — МОЛОДОСТЬ

Я старости не покорюсь
И не склонюсь пред нею.
И чем я старше становлюсь,
Тем жить хочу сильнее.

Друзья, я много перенес,
Глаза мои слабеют,
И островок седых волос
Средь лысины белеет.

Пусть бьется сердце у меня
Не в такт шагам тяжелым —
Немало в нем еще огня,
Немало струн веселых.

И пусть проходят годы, пусть, —
Я жизнь недаром прожил.
И чем я старше становлюсь,
Тем становлюсь моложе.

Меня не одолеет грусть
И не смутит тревога...
Я злюсь, тружусь, я веселюсь,
И молод я, ей-богу.

Вы не смотрите, что я сед.
Совсем не в этом дело:
Ягненку, может, года нет,
А он бывает белым.

1947

О САМОУБИЙСТВЕ

Приходит вечер, день уходит вдаль,
А там и ночь, и всё в течение суток.
За радостью порой спешит печаль,
И между ними малый промежуток.

Идут за днями дни, за годом год,
Сойдет зима, весна летит беспечно.
И нет таких забот, таких невзгод,
Которые б существовали вечно.

В одном краю и дождь идет, и снег,
Заходит солнце, и восходит вскоре.

И перед тем, чье имя Человек,
Жизнь чередует радости и горе.

Порою нас одолевает грусть,
Но не мужское дело страх и слезы.
Да будет сильным дух, а тело пусть
Болит и ноет от любой занозы.

И мы не можем дать себя сломать.
Кто б ни был наших горестей виновник,
Нелепо самого себя карать,
Как будто сам себе ты враг и кровник.

Послушайте, вам говорит старик,
Видавший радости и горе тоже:
«Как можно жизнь отдать, чей краткий миг
Любых богатств и золота дороже!»

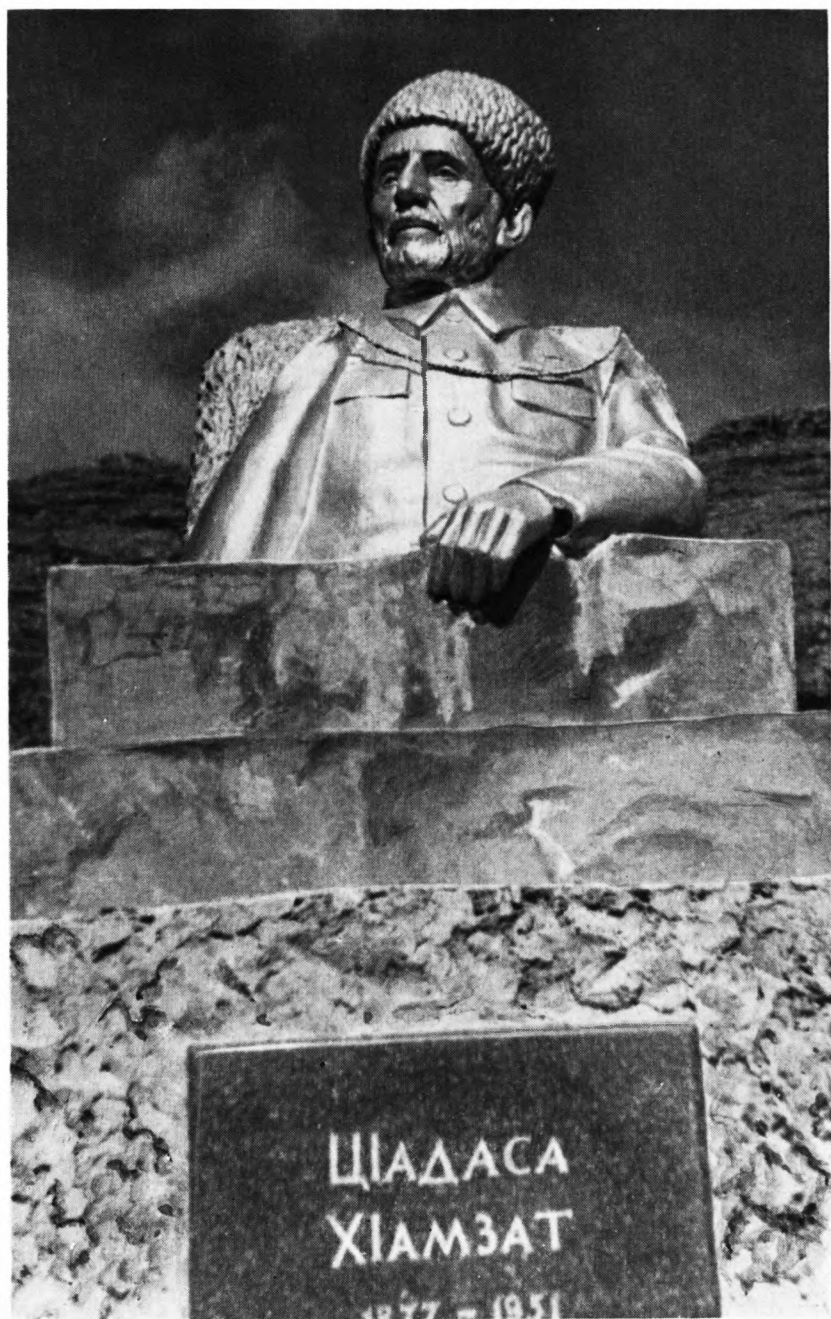
Безумие спешить в туманный путь,
Отдав непрожитые дни и ночи,
Которых никогда уж не вернуть,
Хоть весь народ, прося, проплачет очи.

От горя ты сбежишь туда, где тишь,
А горе может мнимым быть и хрупким;
А сколько горя сам ты причинишь
Отцу и матери своим поступком.

Тот бой, где нет врага, — нелепый бой.
В нем не нужны ни доблесть, ни уменье.
Самоубийство — бой с самим собой,
Бой, где исход известен — поражение.

Уйти с пути легко. Такой уход
Ни для кого не чудо и не новость.
Но жизнь народу посвящает тот,
В ком честь жива, в ком не уснула совесть.

**РАЗГОВОР
МЕЖДУ БОЛХОЗНИКОМ ХОЧБАРОМ
И ПРЕДСЕЛЬСОВЕТА АЛИ**

Хочбар

Эй, Али, ты нелюдим,
Целый день ты бродишь где-то!
Погоди, поговорим,
Председатель сельсовета!
Вот о школе. Ты, Али,
Расскажи, хочу узнать я,
Как ремонт произвели,
Начались ли там занятия?

Али

Друг Хочбар, да речь твоя
Вызывает удивленье.
Я не школьник, к школе я
Не имею отношенья.

Хочбар

Ну, скажи мне про колхоз, —
Как отары и кутаны?
Много ль зла принес мороз?
Выполняются ли планы?

Али

Я, Хочбар, не скотовод, —
Ты оставь меня в покое.
Бережет кувшин лишь тот,
Кто с ним ходит за водою.

Хочбар

Ну, тогда ты дай ответ:
В нашей бане можно ль мыться?
Расскажи, как сельсовет
Нашей помогал больнице.

Али

Есть ли в нашей бане пар,
Как больница, как аптека, —
Ты других спроси, Хочбар,
Я не банщик и не лекарь.

Хочбар

Много ли у вас, Али,
В сельсовете депутатов,
Сколько сессий провели,
Каковы их результаты?

Али

Я, Хочбар, не счетовод,
Цифры назову едва ли,
Но за подотчетный год
Много раз мы заседали.

Хочбар

Ну, а правда или нет, —
Слух идет, — скажи по чести:
Кто ни входит в сельсовет,
Не найдет тебя на месте?

Али

Людам нечего сказать,
Кто всё выдумал — не знаю.
Каждый день, ну, раз по пять
В сельсовет я забегая.

.

Гамзат

Я не стану говорить,
Долго ль шла беседа эта,
Но Али недолго быть
В должности предсельсовета.

1947

СПЛЕТНЯ

«Вай, бедняга, друг любезный,
Знай, в Москве твоя жена
Рвется к жизни интересной,
Загуляла там она.

Грех с женой всегда возможен,
Если вдалеке супруг.

Сабля, вырвавшись из ножен,
Ко всему готова, друг.

Как-то раз в ряду Охотном,
Весела не без причин,
Шла твоя супруга в плотном
Окружении мужчин.

Стал следить я. К остановке
Подошел троллейбус здесь.
Долго было ли плутовке
В толстую машину сесть.

Проводив троллейбус взглядом,
Я заметить лишь успел,
Что с твоей женою рядом
Пассажир нестарый сел.

А сегодня — видно, сладки
Дни веселости такой —
Шла походкой куропатки
Бывшей улицей Тверской.

Рядом с нею шел мужчина,
Чемодан держа в руке.
Вот дошли до магазина
От угла невядалеке.

В дверь — она, за ней туда же
Устремился этот лис.
Кто такой — не знаю даже,
Лишь заметил я: он лыс».

1947

МОЕЙ БЕДНОЙ ПЬЕСЕ

Это просто наказание:
Ты попала на расправу
К человеку, чьи деянья
Высмеяла ты по праву.

Он бранится, он скандалит, —
Ясно даже для младенца:
Многоженец не похвалит
Пьесу против многоженца.

Рецензент наш ловкий малый,
Он кутила и повеса,
Вай, куда же ты попала,
Бедная моя пьеса?

Критикует он зловеще
Положительных героев.
Говорит такие вещи,
Что страшится сам порою.

Всю тебя загрыз бы, съел он...
Был аналогичный случай
С волком и ягненком белым
У ручья в лесу дремучем.

1947

НА СМЕРТЬ БЛИЗКОГО ЧЕЛОВЕКА

Когда твое лицо охладевало,
Мое багровым было от огня.
Чем глуше сердце у тебя стучало,
Тем чаще сердце билось у меня.

Я сам не знаю, что со мною стало,
Когда тебя не стало, дорогой.
Там, где во мне надежда обитала,
Разбило горе черный лагерь свой.

Не только потому, что сердцем крепок,
Я не упал, я горе перенес,
Смирившись с неизбежностью нелепой:
Я понял бесполезность слов и слез.

К нам что-то смерть-старуха зачастила.
Иль ей доносы пишет кто-нибудь?

Она приходит к нашим близким, милым
И снаряжает их в далекий путь.

Ты для меня был всех родней и ближе,
Но ты ушел, и нет тебя со мной.
И всё же я не плачу, мой родной,
Твою слезами память не обижу.

1947

СТАРОСТЬ И БОЛЕЗНЬ

Я от гостей не знал отбоя:
Придут — уйдут, и так всю жизнь.
Но у меня вот эти двое
Нахально долго зажились.

Я их не раз просил по чести
Освободить мой тесный дом, —
Они в ответ: «С тобою вместе,
А без тебя мы не уйдем».

— «Но мне, — я говорю, — в дорогу
Нельзя отправиться, друзья:
Забот я здесь имею много, —
Ведь здесь мой дом, моя семья!..»

Но в безрукавную рубаху
Я обряжен — и ехать мне
Приходится, дрожа от страха,
На неоседланном коне.

А путь — далекий, незнакомый,
Грехов житейских груз тяжел...
Уже растаскивают дома
Всё, что я в жизни приобрел.

Вот и привал. Признаться надо,
Ночлега хуже не найти:

Тому, кто въехал за ограду,
Обратно нет уже пути.

Семья, родня, все те, с кем прожит
Был весь мой век, — ах, боже мой! —
Зароют, камешек положат —
И заторопятся домой...

1948

РАЗГОВОР СО СТАРОСТЬЮ

Ты сгибаешь слишком смело
Спину мне. Скажи в глаза:
Может, хочешь обод сделать
Из нее для колеса?

Раньше мог я без печали
День-деньской бродить в горах,
А теперь не от тебя ли
Словно путы на ногах?

Ты в мой рот залезла грубо,
И, здоровьем вопреки,
В нем качаться стали зубы,
Как на речке поплавки.

Для чего ты сушишь тело?
Не урюк я, не кизил.
Или хочешь струны сделать
Из моих воловьих жил?

Убери-ка с глаз скорее
Руки, дурья голова!
Просыпаясь, на заре я
Плохо вижу, как сова.

Что ты делаешь, старуха?
По твоей, карга, вине
Я почти лишился слуха:
Ты заткнула уши мне.

Заболел недавно вновь я:
Врач узрел твои черты.
Как напильником, здоровье
Подточить сумела ты.

У меня морщин на коже
Больше, чем в горах дорог.
Ты на гостью не похожа:
Та «прощай» — и за порог.

Как унять твоё коварство,
Злобный нрав твой истребя?
О, когда бы мог лекарство
Раздобыть я от тебя, —

Не сидел бы пригорюнясь
Я, как беркут среди скал,
А свою былую юность
Крепко к сердцу бы прижал.

С нею, сильной и крылатой,
Не боялся б ничего...
Враг не мог сразить Гамзата.
Старость, ты страшней его.

1948

ИЗ ЦИКЛА „УРОКИ ЖИЗНИ“

* * *

На рынках закон существует издревле:
Чем больше товара — тем стоит дешевле.
Товар и талант меж собою не схожи,
Второго, чем больше, тем стоит дороже.

* * *

Всему своя мера. И должен, к примеру,
Ты чувствовать гнева границу и меру,

Но если покается битый в грехах,
Ты гнев свой на милость смени, как аллах.

На юношу смотрю не без надежды,
И говорю ему сегодня снова:
«Пусть будет нрав твой краше, чем одежда:
Дела твои — значительнее слова».

Того, кто тянется к низам,
Низы поднять стремятся сами,
Ведь люди с честными глазами
Читают правду по глазам.

1948

ЗА МИР!

Над могилой братской шепчут травы,
Колос наливаётся опять.
Мы — живые — не имеем права
О друзьях погибших забывать...

Песни сложены о Шаумяне.
Наша память времени сильнее.
Помним: расстреляли англичане
Шаумяна и его друзей.

В девятнадцатом, коней пришпорив,
Не дали мы отдыха клинкам,
Знаем, кто оружие из-за моря
Присылал заклятым белякам.

Обманулся враг в своих расчетах:
Нас вовеки сокрушить нельзя;
И живут на всех земных широтах
Наши настоящие друзья.

Мы спокойны! Маяки свободы
Над Москвой пылают в синеве,
И борьбу за мир ведут народы
Всей планеты с нами во главе!

Август 1949

ЗНАМЯ ЖИЗНИ

Кто добрый дар отверг, бесясь от жира
Придет в нужде просить его потом.
Не лучше ль мир принять во время мира,
Чем после боя клянчить со стыдом?

Кто не умом руководил, а злобой,
Тот ничего хорошего не жди.
За здравым смыслом следовать попробуй,
А злоба пусть плетется позади.

Начать войну иному забияке —
Простейшая из всех простых задач.
Но выйдет ли задира цел из драки?
Снесут башку — по барышам не плачь!

Как знать, что значит боль больного зуба,
Коль скоро сам не испытал ее?
Кто не испил военных бедствий кубок,
Тот пил ли в жизни горшее питье?

Не лучше ль деловых расчетов холод,
Чем жар артиллерийских канонад?
Держать в руке удобней серп и молот,
Чем шашку иль винтовочный приклад.

Оружье жрет людей, народы губит,
А серп и молот кормят род людской;
И что нужней, что люди больше любят,
Доказывать нет нужды никакой.

Но в тех ума, конечно, очень мало,
Кто, лжи своих господ поверив вновь,

На мельницу обжоры-капитала,
Как воду, лить свою согласны кровь.

Под знамя жизни, мирной и счастливой,
Большевики не потому зовут,
Что сами слабосильны иль трусливы:
Природа их — свобода, мир и труд!

Август 1949

МИР СИЛЬНЕЕ ВОЙНЫ

Мне за семьдесят, я старик,
Но родился дважды на свет:
Старой жизни закон я постиг,
Новой жизни увидел рассвет.

Мне знакомы народов дела,
Голова недаром в снегу,
И добро отличить от зла
Я без помощи всякой могу.

Много слышал я слов на веку, —
Всех дороже мне, старику,
Большевиcтский призыв: «За мир!» —
С ним вступили мы в новый мир.

Мир! Свобода и братство в нем,
И покой и богатство в нем,
В нем единство смелых людей —
Слова нет честней и добрей.

Есть ужасное слово — «война».
В нем печаль и тревога слышна,
В нем рыданье вдов и сирот,
В нем проклятье из рода в род.

Сыновей не рождает война,
Сыновей поедает она,
Жадный враг никогда не сыт, —
Так народная мудрость гласит.

Дагестанский обычай таков:
У бодливых, глупых быков
Отрезать острия рогов, —
Есть рога и у наших врагов.

В дагестанских горах и в степи
Держат злых собак на цепи:
Нам такие же цепи нужны
Для зачинщиков новой войны.

Пусть, друзья мои, расцветут
В нашем доме наука и труд,
Пусть венчает наш дружный дом
Знамя с молотом и серпом.

Ну, а ежели скажет враг:
«Откажитесь от мирных благ!»,
Что мы станем делать, друзья,
Как поступит наша семья?

Повернемся к врагу спиной?
Нет у нас привычки такой!
Покоримся? Вспять побежим?
Мы делам не учились таким!

Встанем, братья, мощной стеной
Вкруг России, отчизны родной.
Мы, советские люди, сильны,
Ибо мир сильнее войны.

Август 1949

ЛЕНИН

Кто сказал, что Ленина нет?
Слуху ложному вопреки,
Всюду — ленинской мысли свет,
След рабочей его кирки.

Ленин жив, никуда не ушел,
Он — в размахе больших работ.

Как стремящийся ввысь орел,
Он в дерзаньях наших живет.

Большелобая голова
И прищуренный зоркий взгляд.
Огневые его слова
Беспощадно врагов разят.

Весь он — словно в горах река,
Весь — кипение, весь — полет.
Вдаль протянутая рука
Путь указывает, зовет.

Славят Ленина все уста
На наречиях всех широт.
А святая его правота
В миллионах сердец живет.

1949

СОН АМЕРИКАНСКОГО МИЛЛИАРДЕРА

Братья, я знаю: ко мне, старику,
К песням моим вы питаете веру.
Ныне свою посвящаю строку
Американскому миллиардеру.

Некий банкир (это значит — бандит)
В пышном дворце на каком-то там стрите
Важно за свежей газетой сидит:
Надо быть в курсе последних событий.

Очень доволен финансовый туз,
Словно духами его оросили:
Новый состряпан военный союз,
Новый состряпан обман о России.

Сладко мечтает бандит о войне,
Сладко зевает... а час уже поздний...
Он засыпает. Но даже во сне
Строит и строит военные козни.

Снится ему бесконечный поток,
Напоминающий воды потопа.
Войско за войском идет на восток,
Старая заволновалась Европа.

Он — впереди оголтелых полков.
Белый играет под ним иноходец.
Грезя о гибели большевиков,
Саблей размахивает «полководец».

«Не оставляйте в живых ни души,
Жгите, — кричит он, — и всё разрушайте!
Будут большие для вас барыши,
Землю советскую опустошайте!»

Он от полков отстает впопыхах. . .
Кто там стоит на широкой долине?
Гитлер! В бинтах, на дрянных костылях. . .
Рядом — удушенный друг Муссолини.

Шумный вояка почувствовал дрожь.
Гитлер сказал: «Эй, хозяин доллара,
Голову, глупый, куда ты суешь?
От одного ты погибнешь удара!»

Молвил банкир: «Я полмира потряс,
Большевиков загоню я в могилу.
Людям простым покажу я сейчас,
Что управлять им страной не под силу.

Землю России охватит огонь,
Через неделю увидишь ты чудо:
Голою станет земля, как ладонь,
Вывезу все я богатства оттуда!»

Гитлер завыл: «Поверни ты коня,
Глупости мелешь ты, детские сказки!
На Муссолини взгляни, на меня:
На костылях я и челюсть в повязке.

Я, как собака, от яда издох,
Друга народ вниз ушами повесил.

Будет конец твой не менее плох,
Будет конец твой не более весел!»

Крикнул банкир: «Я весь мир обману,
Знамя Америки станет кумиром.
Я завоюю любую страну,
Грозно иду я к господству над миром!»

Гитлер вздохнул: «Ах, не этот ли путь
Выбран был мной? А итоги какие?
Дважды народы нельзя обмануть,
Стали народы друзьями России...»

В это мгновенье услышал банкир
Шум голосов: «Всем трудящимся людям
Мы воевать обещаем за мир,
Мы воевать против русских не будем!»

Это не сон, это явь! И к окну
Он подбегает с опаской, однако.
В страхе глядит на людскую волну
Дрожью объятый нью-йоркский вояка.

1949

ЭЛЕКТРОСТАВЦИЯ В ХУНЗАХЕ

Бежит у нас в ущелье
Гремучая река,
А на хребте осели
Густые облака.

Взбираюсь на Акáру,
Дождь оросил хребет,
И травы, и чинару,
И ранний первоцвет.

Здесь тропы, и откосы,
И рощи в глубине,
И хмурые утесы
Давно знакомы мне.

Теперь влечет вниманье
И восхищает взор
Причудливое зданье
Под сенью синих гор.

Увидел я воочью
Источник силы той,
Что ярко светит ночью,
Враждует с темнотой.

Фитиль коптилки смрадной
Я помню с детских лет,
Струивший безотрадный
Неуловимый свет.

Теперь в патрон вернули
Мы лампу в сто свечей,
И фонари в ауле
Сияют средь ночей.

Огонь тот варит пищу,
И облаком седым
Не бродит по жилищу
Кизячный едкий дым.

Во льдах грустней отшельниц
Пять мельниц водяных,
Но ряд электромельниц
С лихвой заменит их.

Века струей бесплодной
Неслась вода со скал,
Никто в стихии водной
Опоры не искал.

Но дикую природу,
Бурлящий вал реки
Заставили народу
Служить большевики.

ГОВОРЯТ НЕФТЬ

Никакие инженеры прежде
Мой приют разведать не могли,
А теперь известно и невежде,
Что живу я в глубине земли.

Я спала тяжелым сном безделья,
А теперь не знаю больше сна,
Словно пленница, из подземелья
Мастерами освобождена.

Был мой век медлителен и долог,
Время надо мной текло рекой,
А теперь разведчик и геолог
Древний мой нарушили покой.

Я не знала, что займусь я делом
Ради мира, счастья и тепла;
Я не знала, что на свете белом
Город есть такой — Махачкала.

Не спала бы сном я беспробудным,
Если б знала, что ему нужна.
Ископаемым, богатствам рудным,
Ныне слово я сказать должна:

— Человеку сдайтесь вы на милость,
Выходите вы из тайников,
Ибо вся природа покорилась
Мудрой партии большевиков!

1949

ПУШКИНУ

(К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Певец, народа собеседник,
Не бережет своих щедрот,
И потому-то весь народ —
Его единственный наследник.

Проходят зимы, весны, лета,
Тускнеют золото и медь, —
Вам только не дано тускнеть,
Дары могучего поэта.

Я слово правды не нарушу,
Когда скажу тебе, поэт:
Как в очи входит солнца свет,
Твой чистый голос входит в душу.

Как мне отрадно, что аварец
Твоим пленяется стихом!
Джигит находит мудрость в нем
И юность обретает старец.

Мне хочется сказать спасибо
Тебе, поэзии титан,
Чей свет горит и для крестьян
Высокогорного Гуниба.

Я вижу, как в библиотеке
Детишек очередь растет,
И просят все наперечет
Стихи, зажженные навеки.

Родится сын в семействе горца —
Родителям мы говорим:
«Да будет Пушкиным вторым,
Да блещет даром стихотворца!»

В Москве на памятник всегда я
Смотрю: исполнен ты забот,
Ты устремляешься вперед,
Как бы в грядущее шагая.

Задумчив облик величавый,
И люди смотрят на тебя,
Благоговевя и любя,
Гордись твоей бессмертной славой.

У памятника дорогого
И я, взволнованный, стою,

И я тебе передаю
В горах взлелеянное слово:

— России светоч и отрада!
Сыны Кавказа тем горды,
Что им дано вкушать плоды
Густого пушкинского сада.

Тобой посеянные зерна
Приют нашли в сердцах людских,
И вечен твой могучий стих —
Твой памятник нерукотворный.

1949

ПОЭТУ МАХМУДУ

В нем сто домов, в ауле Кахаб-Росо.
Меня к себе влечет он вновь и вновь.
Здесь вырос ты, певец сладкоголосый,
Здесь, в сакле, началась твоя любовь.

Голубка села только что на крышу.
Еще в тени крыльцо твоей Муи.
Здесь ты мечтал. Мне кажется, я слышу:
Звенят напевы страстные твои.

Здесь ты стоял, а полдень был дождливый.
Муи косила сено в забыты.
Ты в хижину ее вступил, счастливый:
Мол, я промок, нельзя ли мне войти?

А по ночам, по крышам, с пандурью,
Как джин, бродил ты, не боясь упасть.
Порой голубке, голубую порою
Ты изливал тоскующую страсть.

О если, с пандуры сорвав оковы,
С горящих уст — прошедшего печать,

Ты ожил бы, и в день свободный, **новый**
Свою любовь ты мог бы воспевать!

Ты плакал о цветке недостижимом,
А мы тебе вручили б тот цветок.
Твои глаза, что застилалась дымом,
Увидели бы времени поток.

На письменах поэзии народной
Ты, горец, вывел золотой узор.
Ты держишь знамя песни благородной,
Возлюбленный Муи, любимец гор.

Еще о славном мастере в печали
И в трауре аварское перо.
Еще слова любви не зазвучали,
Как у тебя, так нежно и остро.

Ты мост любви построил для народа,
Для юношей воздвиг любви дворец,
А сам скитался ты без права входа,
Гонимый и страдающий певец.

Стальное сердце было у подруги:
Его не сжег сгонь любви твоей.
Как удержался тонкий стан упругий
Пред мощной бурей твоих страстей?

Ты стрелами пронзаешь наши души:
Как мягок взлет, а попадает в цель!
Вошли твои слова в сердца и в уши, —
Не знали горы строк таких досель.

Ушел певец, оставив виноградник.
Твой сад — в цвету, твои плоды — в чести:
Пусть начинающий поэт, как всадник,
Помчится к ним, чтоб ветви потрясти!

СТАРОСТЬ

Подойди, Али, ко мне, —
Кладом я торгую старым.
Что нам спорить о цене?
Для тебя — почти что даром!

Я от прадедов своих
Получил его в наследство.
Чтобы жар в крови утих,
Не найдешь вернее средства.

Молодцы во всей красе,
Богатеи, властелины —
Пред его владельцем все
Гнут почтительнейше спины.

Вызывает этот клад
Зуд стяжанья, скопидомства,
Порождает он разлад
С молодым твоим потомством.

Оседлав тебя, с хребта
Не слезает всадник грубый,
Вышибая изо рта
До последнего все зубы.

Друг Али, ты знаешь сам:
Что ни видим — зависть мучит.
Клад мой даст покой глазам
И от зависти отучит.

Сколько слышит бедный слух
Слов распутства, глупой чуши!
Купишь клад мой — станешь глух
И страдать не будут уши.

Ты благодаря ему
Терпишь и жены измену,
А тебе вот самому —
Нет! Хоть головой о стену!

Не решится никакой
Вор украсть твой клад чудесный.

Ты в могилу на покой —
Клад с тобой в могиле тесной.

А пока еще ты жив,
Он, с тобой в постели лежа,
Музыкальнейший мотив
Напевает, с бубном схожий.

«Дала-лай» да «дала-лай», —
Песни так певцы кончали.
Этот всё бубнит: «вай-вай!»
«Вай!» — в конце и «вай!» — в начале.

Хватит! Свой товар, Али,
Больше я хвалить не буду.
Обойди вокруг земли —
Он в большой цене повсюду.

1950

* * *

Салам-алейкум, друг Муртазали,
Ты просишь написать такие строки,
Чтобы они вернуть тебе смогли
Любовь твоей возлюбленной жестокой.

Прости, земляк, но мне не суждено
Помочь тебе ни песней, ни советом.
Я старый стал, я позабыл давно,
Как любят и как пишется об этом.

Не только потому, что стар и слаб,
Я не пишу стихов тебе. Какой бы
Искусной плакальщица ни была б,
Но мать поет правдивей над покойным.

Пойми меня, я строк не берегу,
Но, не зажегшись, не найду я слова, —
Я никогда не мог и не могу
Писать огнем горения чужого.

1950

АПРЕЛЬ

Апрель, будь счастлив — и прощай,
Не вздумай возвратиться.
Тебе идет на смену май,
Ты должен торопиться.

Нам скучно с месяцем таким,
Нам нужен день погожий.
Мы больше видеть не хотим
Твоей постылой рожи.

Приходит май, звенит свирель,
А твой обман мы знаем.
Какая разница, апрель,
Между тобой и маем!

Ты прячешь горные луга
Под простыней тумана,
Ты сыплешь на траву снега
И дуешь непрерывно.

Примчится май — и улетят
Испуганные тучи.
Цветов прольется аромат
Весенний и пахучий.

Я май люблю, седой поэт,
Я ненавижу холод.
Народа я люблю расцвет,
Я в мае снова молод.

Людей советских я люблю
И в праздник лучезарный
Им новые стихи пришлю,
Народу благодарный.

1950

ИЗ БЛОКНОТА

ЖИЗНЬ

Не ценящий меня, пока не поздно,
Потом, став на колени, молит слезно.
А кто со мной простится раз, — потом
Пути обратно не найдет в мой дом.

ВРЕМЯ

Достойно дни учения цени, —
Не серебром окупятся они.
Не трать напрасно времени избытка:
Миг — драгоценней золотого слитка.

ТРУД

Тому, чья летом не кипит башка,
Зимою нет вскипевшего горшка,
И кто не нажил на руках мозоли,
В рот не возьмет и крошки хлеба-соли.

ВЕСНА

Весна халат зеленый свой надела —
И сразу изошла зима слезами.
Ворота распахнув, тепло влетело,
А горы бурки снега сняли сами.

О БАСНЕ

Хоть бессловесны звери все и птицы
И нам лишь человек в пример годится,
Но правды смысл и в птичьей речи ясен:
Ты истину учишь черпать из басен.

К БЛОКНОТУ

Как хорошо, что ты со мной, блокнот,
Чтоб радости, сомнения, тревоги
Я поверял тебе, чуть мысль мелькнет, —
Не то — давно бы протянул я ноги!

1950

МЕЧТАТЕЛЬ-ПАСТУХ

Славился в старом Хунзахе пастух:
Беден как мышь, но мечтами богат.
Спал бобылем на соломе старик,
Глухой надежде, как юноша, рад.

В сакле пустой лишь болтался кувшин,
Низко подвешенный им к потолку, —
Маслом платили за труд, и кувшин
Маслохранилищем был пастуху.

Перед кувшином мечтатель вставал,
Есть он хотел, а еду знал одну:
В масло лишь палец обмакивал он,
С черствой лепешкой глотая слюну.

В сакле задымленной тесно мечте, —
Грезил пастух возле горных вершин,
Шел по горам за богатством бедняка,
Прибыль считал и смотрел на кувшин:

«С маслом кувшин я отдам за овцу,
Трижды в году она даст мне ягнят,
Каждая матка двоих принесет,
Целое стадо ягнят наплодят...»

Лучшую землю скупает вокруг,
Строит мечтатель дворец за дворцом,

В жены невесту-богачку берет,
Дети родятся — все схожи с отцом.

В школу детей посылает отец, —
Самый ученый учитель у них...
Палкой махнув, погрозил сыновьям:
«Палкою бить буду неслухов злых!..»

Палкой кувшин горемыка задел,
Глиняная зашуршала труха,
Масло, что каплю за каплей копил,
Лучей у ног разлилось пастуха.

Праздные мигом пропали мечты, —
В сакле, как прежде, живет он один.
Палку сломал он и выбросил вон,
Ту, что разбила мечту и кувшин.

1939

СЛОН И МУРАВЕЙ

Дождик хлынул навесной,
Зной слегка угомонился.
Пировал народ лесной:
Заяц как-никак женился!

От закусок, снеди, вин
В этот день столы ломились.
Тост был поднят не один,
Шумно гости веселились.

Свадьба мирно бы прошла,
Но, мешавший с водкой пиво,
Вылез слон из-за стола,
Хобот свой задрал спесиво.

«Выходи, — раздался бас
Над поляною лесною, —
Кто помериться из вас
Может силою со мною?»

Настроение гостей
Резко снизилось при этом.
Вдруг выходит муравей:
«Слон, прощайся с белым светом!»

Засмеялся слон: «Нельзя
Приступить ли к поединку?»
И втянул он муравья
В хобот, будто бы пылинку.

Муравей того и ждал:
Не моргнувши даже бровью,
Он в четыре лапки стал
Щекотать ноздрю слоновью.

Отрезвевший, чуть живой,
Слон, поднявший рев и топот,
Дул, мотая головой,
Как в трубу, в огромный хобот.

А потом через кусты
Побежал, кипя от злости.
— Эй, герой, куда же ты?
— Струсил! — вслед кричали гости.

У слона — так мчался он —
Даже пересохло в глотке.
Рухнул вскоре грозный слон
От насмешек и щекотки.

А бесстрашный муравей,
Что слона сразить был в силе,
Возвратился в круг гостей,
Где его превозносили...

Вот о чем веду я речь:
Пред букашкой малосильной
От зазнайства может лечь
Слон доскою молотильной.

ОБЕЗЬЯНА И ПЛОТНИК

Однажды в лесу мартышка,
Прогуливаясь чуть свет,
Увидела вдруг, как пилит
На доски бревно Ахмед:

Распилит Ахмед полметра,
В расщелину клин забьет,
И снова пилит полметра,
И снова — клин в разворот.

За плотником обезьяна
Следила долго тайком:
Задумала обезьяна
Таким овладеть трудом.

Ахмед отошел по делу, —
Минуты этой давно
Мартышка ждала и следом
Вмиг оседлала бревно.

И, плотнику подражая,
Все клинья вышибла враз.
Расщелина вдруг сомкнулась,
В ней хвост обезьяны увяз.

От боли она завизжала,
Хвост вытащить не смогла.
Незвезда света, мартышка
От страха изнемогла.

Вернулся Ахмед: мартышка
Была неподвижной бревна.
Он так проучил кривляку —
Забыла про хвост она...

Есть в этой басне Гамзата
Нравоученье тому,
Кто делу мешает, кому
Работа не по уму.

1939

СКАЗКА О ГОЛУБКЕ С ЛАЗОРОВОЙ ШЕЙКОЙ И О ВОРОНЕ, ПОДРУЖИВШЕМСЯ С МЫШКОЙ

Послушайте сказку о братстве и дружбе, —
Нам верная дружба всегда дорога.
Послушайте сказку о верной голубке,
Попавшей в коварные сети врага.

1

В неведомом царстве, в глуши беспросветной
Широко раскинулся девственный бор.
Там жили различные звери, и ворон
Гнезвился в бору с незапамятных пор.

Встревоженный ворон заметил однажды
Следы человека в глуши вековой.
Прошел по тропинке горбатый охотник
С лицом нехорошим и шеей кривой.

С опаской следил за охотником ворон.
Тот сети спокойно расставил сперва,
Рассыпал зерно, а потом за бугор он
Залег, и горбатого скрыла трава.

Лесных голубей сизокрылая стая,
Беспечно воркуя, расселась в кустах:
Клевали зерно беззаботные птицы,
Пока не забились в коварных сетях.

Все в разные стороны рвались в смятеньи,
Но в дело вмешался разумный вожак —
Голубка с прекрасной лазоревой шейкой.
Она обратилась к товарищам так:

«Мы сети подыдем в едином порыве,
Останется каждый из нас невредим.
Спасение наше в единстве и дружбе,
Мы вместе с сетями на воздух взлетим...»

И сети взлетели кометой хвостатой.
Свирепо бранясь и тряся головой,

За ними рванулся охотник горбатый
С лицом нехорошим и шеей кривой.

Рванулся и сразу застыл в изумленьи:
Не может понять ничего, хоть убей.
А ворон за стаей пустился вдогонку:
Узнать о дальнейшей судьбе голубей.

Смеясь над горбатым, они улетели.
На землю спуститься велел им вожак
У норки смысленной приветливой мышки,
Которую все называли «Зайрак».

«Друзья, что я вижу? Ужасные пути!» —
Воскликнула умная, добрая мышь.
Голубка сказала: «Не трать ни минуты,
Пока нас из плена не освободишь...»

Вовсю заработали острые зубки.
Себя подбодряла Зайрак: «Не робей!
Верну я свободу прекрасной голубке,
Потом на простор отпущу голубей...»

В ответ ей голубка с лазоревой шейкой
Сказала: «Еще не пришел мой черед,
Взлечу я, когда голубиная стая
Свободно и весело в небо вспорхнет.

Зайрак перегрызла охотничьи сети.
И, в облачном чистом паря серебре,
Ей голуби хором кричали: «Спасибо!..»
Зайрак поклонилась и скрылась в норе.

2

Был ворон-старик удивлен и растроган
Умом и сердечностью милой Зайрак.
В нору заглянул он и стал у порога.
«Чего тебе надо?» — спросила Зайрак.

И ворон сказал: «Я ищу твоей дружбы,
Тебе ж обещаю свою навсегда...»

Ему отвечала задумчиво мышка:
«Не могут ужиться огонь и вода.

Осел гибнет в море, а рыба на суше, —
Известно, что исстари водится так.
Ты съешь меня, если почувствуешь голод, —
Сказала разумная мышка Зайрак. —

Я знаю, порою не ладится дружба
Затем, что слабее одна сторона.
Дружить бы я рада, пожалуй, и с кошкой,
Да когти всегда выпускает она.

Тебе не пришлось бы бояться измены,
А я опасаясь за шкурку свою.
Неравная дружба окончится смертью.
Тот глуп, кто на сердце пригреет змею...»

«Поверь мне, — ответил обиженный ворон, —
Что если бы я захотел тебя съесть,
То сделал бы это без всякой помехи.
Но есть и у вороны совесть и честь.

Нет слова правдивей и помыслов чище.
Я думать не стану о пище и сне,
Покуда ты мне не поверишь, дружище!
Ты можешь без страха довериться мне...»

Послушалась ворона добрая мышка,
Навек подружались они с той поры.
Был предан ей ворон, — покинув чащобу,
Частенько прогуливался у норы.

Однажды сказал он: «Послушай, дружище!
Я старше тебя. Мне видней с высоты:
Избрав у проезжей дороги жилище,
Опасности зря подвергаешься ты...»

Вскарabalась на спину ворону мышка.
Заранее избрав местечко в бору,
Взлетел он, свою переправил подругу,
И новую вырыла мышка нору.

Так может возникнуть нежданная дружба,
Так могут сродниться огонь и вода —
Лишь было бы сердце для друга открыто
И не изменяло ему никогда.

1940

ДЕЛЕЖ

Раз охотиться пошел
Лев с лисой и волком вместе.
Лань, зайчишка и осел
Были сражены на месте.

Серый волк по просьбе льва
Стал делить добычу смело:
«Проще, мол, чем дважды два,
Для меня такое дело».

Льву осла он преподнес,
Соразмерно с львиной мерой,
Зайца — ткнул лисе под нос,
Лань — себе оставил серый.

Но за это по башке
Лев его ударил молча,
И, как мяч, невдалеке
Голова упала волчья.

Лев сказал: «Покойный волк
Не сумел решить задачи.
Свой, лиса, исполни долг, —
Ты реши ее иначе!»

— «О почтенный царь зверей,
Серый вел себя постыдно,
Был он мелочным, ей-ей,
Что делить здесь — мне не видно!

Вам на завтрак, спору нет,
Этот зайчик будет нужен.
Закусив ослом в обед,
Лань съедите вы на ужин.

Я в решении своем
К справедливости стремилась. . .»
— «Кто тебя таким умом
Одарил, скажи на милость?»

Поглядев на лапы льва,
Тихо молвила плутовка:
«Ум дала мне голова,
С волка снятая так ловко».

1940

СКАЗКА О ЗАЙЦЕ И ЛЬВЕ

1

Было ли, не было это
В крае — красивом и сильном,
Реками синего цвета,
Яствами, дичью обильном?

Лев, слывший всюду героем,
Был повелителем края,
Он занимался разбоем,
Жителей уничтожая.

Крупные, малые звери —
Все перед львом трепетали.
Так были страшны потери,
Что их считать перестали.

Звери, лишившись терпенья,
В скорби собрались великой
И, попросив разрешенья,
Молвили перед владыкой:

«Вот мы собрались в печали —
Зверь, насекомое, птица.
Хан милосердный! Нельзя ли
С просьбой к тебе обратиться?»

Стыдно нам, совестно стало:
Ты, покидая жилище,

Должен метаться, усталый,
Вечно заботясь о пище.

Вот если хан согласится —
Дух твой да будет в покое! —
Зверь, насекомое, птица,
Мы предлагаем такое:

Каждые сутки по зверю
Ты получаешь в угоду, .
Но возмести нам потерю,
Дай нам за это свободу. . .»

Лев, изъявляя согласие,
Дело скрепил договором.
Звери ушли восвояси,
Славя властителя хором.

Так, сокрушаясь душевно,
Звери, верны договору,
Жертвой своей каждодневной
Льва насыщали, обжору.

Вышло однажды, что зайца
Доля отметила злая.
Загоревал он, признаться,
Кушаньем стать не желая.

Чешет затылок зайчишка:
Страшно идти к мироеду,
Хитрый собрал он умишко,
И... опоздал он к обеду.

Вздыбился лев раздраженный,
Шерсть его злобою пышет.
Прыгнуть готов, разъяренный.
Что же от зайца он слышит?

«Выслушай, хан, не терзайся!
Жалуюсь на произвол я.
Самого жирного зайца
В дар от зверей к тебе вел я.

Мчались в твою мы обитель,
Чтобы ты зайца отведал.
Вдруг — видим льва. И грабитель
Зайцем твоим пообедал.

Я убеждал его жарко:
«Вы, чужестранец, неправы!
Не отнимайте подарка
Хану звериной державы!»

Так говорил я злодею.
Что же посмел он сказать мне?
«Я этим краем владею,
А на других — наплевать мне.

Каждая тварь мне покорна,
Твой господин — самозванец. . .»
Нет, повторять мне зазорно,
Что говорил чужестранец! . . .»

Лев, помышляя о мести,
С зайцем отправился, мрачный.
Вот приближаются вместе
К озеру с влагой прозрачной.

Сердится лев раздраженный,
В озеро глянул владыка —
В озере лев отраженный
Сердится злобно и дико.

Этакой дерзости сроду
Лев не терпел. Зарычал он,
Бросился в ярости в воду,
Вмиг утонул и пропал он.

2

Звери, проведав о смерти
Жадного льва, поспешили
Сходку созвать и — поверьте! —
Праздник веселый открыли.

С шутками, с радостным смехом
Шли они с севера, с юга
И с небывалым успехом
Все поздравляли друг друга.

Мчались полями, лесами,
Точно река в половодье.
Зайцы спешили с лисами,
Радуюсь милой свободе;

Шли муравьи поколонно
Пять или шесть поколений;
Туры впряглись в фургоны,
А на фургонах — олени;

Род появился кошачий,
В бархат и шелк разодетый;
Птицы — скромней, но богаче:
Серьги на них да браслеты;

Старая, с клювом, с когтями,
Крашенными кармином,
С пудреными щеками,
Села сова за пьянино.

Прибыло сусличье войско
С музыкой духовою.
Мыши с отвагой геройской
Тигра вели за собою.

К сусликам скоро примкнули
В замшевых туфлях лягушки, —
Зонтики и ридикюли
Не позабыли толстушки.

Заяц, добывший свободу,
На фаэтоне примчался
И, показавшись народу,
Кланялся и улыбался.

Матушка зайца стояла
Возле слона-исполина
И, торжествуя, сияла,
Гордая подвигом сына.

Танцы открыла зайчиха.
Начались игры и пляски,
И с черепахою лихо
В бубны ударили ласки.

Птицы, легки и крылаты,
Пели с уменьем и чувством,
А пауки-акробаты
Всех поражали искусством.

В дудку дудили фазаны,
Весело мухи толпились,
И на ветвях обезьяны
Прыгали и кружились.

Осы играли на флейте,
И, подмигнув обезьянам,
С криком: «Играйте и бейте!»
Еж прискакал с барабаном.

Начал накрапывать дождик,
Вечер сошел на долину.
Тут появился художник
И срисовал всю картину.

1940

ОСЛИЦА И ВОЛ МАГОМЫ

Мне рассказывала бабка о событии таком:
Магома владел в ауле и ослицей, и волком.
Работящею ослица и прилежною была,
Вол замучен был работой, говорил, что тяжела.

Обратился вол к ослице: мол, яви мне доброту,
Дай совет, как не работать, труд мне стал невтоготу.
«Можно хворым притвориться», — говорит ему ослица.
Вол поверил, — есть не стал он, стонет, слышно
за версту.

Магома — так говорили — был всеведущий старик:
Понимал язык воловий и ослиный знал язык.

И, посмеиваясь тихо: «Не такой уж я проста», —
Он вола оставил дома, а ослицу он запряг.

Целый день с утра до ночи Магома на ней пахал.
Не давал ей передышки, беспощадно погонял.
Злополучная ослица стала горько причитать,
Хитроумные советы зарекаясь подавать.

Под конец она охрипла, хоть крикливою была;
От усталости шатаясь, еле в стойло прибрела,
Завалилась на солому... К ней пришел наш вол
знакомый,
В благодушном настроеньи он спросил: «Ну, как дела?»

И ответила ослица, зря своих не трата слов:
«Заболела я болезнью, неизвестной средь ослов;
Волновать тебя не стала б — я умру без слез и жалоб,
Но тебя предупреждаю — к грустной вести будь готов».

Вол попятился с испуга, услышав про эту весть,
А ослица продолжала: «Вах! Зачем ты бросил есть? —
Магома в большой тревоге: вол вот-вот протянет
ноги, —
И решил на живодерку поутру тебя отвести».

Наши спутались расчеты, мой совет был на беду,
Принимайся за работу, налегай-ка на еду!»
Растревоженный, смятенный, навсегда отбросив лень,
Вол с усердием завидным всё подряд жевал весь день.

Взяв березовую палку, ухмыльнулся Магома:
Наказание ослица заработала сама.

1940

О ЛИСИЦЕ-ПЛУТОВКЕ И О ВОЛКЕ-ГЛУПЦЕ

Томится лиса от жажды,
Во рту пересохла слюна.
Измучилась — воду искала,
Колодец нашла она.

Колодец был с коромыслом,
И на веревке — ведро.
В ведре — ни капли. А жажда
Сжигала лисе нутро.

Вниз посмотрела бедняга —
Не знает, что делать ей:
Или в колодец прыгай,
Иль растянись — околеи.

Хватает она веревку:
Что суждено — суждено.
Веревка — вниз, и лисица
Летит на самое дно.

«Из-за своей утробы
Я в худшей теперь беде:
Водой спастись я хотела, —
Нашла погибель в воде!..»

Но умной башке, как видно,
Судьба не дает пропасть.
Глядит лиса — над колодцем
Волк разевает пасть.

В прозрачной воде колодца
Луны белел полукруг.
«Что это?» — волк подумал
И видит лисицу вдруг.

Облизываясь, вокруг колодца
Забегал волк — извелся.
(Наверное, это — сало!)
«Что делаешь там, лиса?»

— «Ем сало! — кричит плутовка,
Чавкая, будто жуя. —
Спустись — поужинай, хватит, —
Полкруга скушала я».

«Спасибо! — волк отвечает. —
Не откажусь поесть,

Но только в яму такую
Без лестницы как залезть?»

— «Схватись за конец веревки
И прыгай скорей ко мне.
Ужин — великолепный,
Не снился тебе во сне...»

Послушался волк — вцепился
И прыгнул на самое дно,
Другой конец веревки
Он вздернул с лисой заодно.

«Спокойной ночи, приятель,
Ты все-таки в яму влез!»
Над волком так посмеявшись,
Лиса убежала в лес.

1940

СОН

(Сказочка)

Зайцам — степи,
Лес — медведям,
А подполье —
Грызунам.
Дол — коровам,
Овцам — горы,
А кутаны —
Табунам.
Тот — чабанит,
Этот — пашет:
Всем в хозяйстве
Дело есть.
И в работе
Общей, дружной
Молодежной
Песне — честь!..
Выскочил я
Из постели

Пулюю,
Как говорят,
И черкеску
Вмиг надел я:
Удальцу
Под стать наряд.
И, на палку
Сев верхом, я —
По батыру,
Мол, конек —
Темной степью,
Лесом, кручей,
Сквозь потоки
Скок да скок.
Через доли,
Через горы
Мчусь и мчусь я,
Молодец.
Оставляю
За собою
Каф-гору я
Наконец.
Надышался!
Насладился
Сладкой влагой,
Сил набрав;
На цветущих
Мягких травах
Спал под сенью
Тех дубрав.
Было ведро,
Был и дождик,
Было солнце
И туман.
Я блаженствовал,
Плодами
И цветами
Сыт и пьян.
На орлице
С журавлями
В землю Цора
Я слетал;

Жил на башне
У Немруда,
Сураката
Край видал;
Был у нарта-
Одноглаза;
Пятиногих
Навестил
И в чертогах
Дивных дэвов
Как почетный
Гость гостил.
Я столкнулся
С людоедом —
Чудищем
Превыше гор.
Хворь я встретил
В белом платье,
Маслом ноги
Ей натер.
Чуть не стал я
Жертвой джинов...
Но смотри-ка:
Что со мной, —
Обошел я
Полвселенной,
Без чувяк
Пришел домой.

1940

ОСЕЛ ХАДЖИ

Большой был простак Хаджи.
Вот раз на рынок он шел.
За ним брел на поводу
Такой же старый осел.

Немного пути прошли —
Три вора из-за угла.

«Добыча в руки идет:
Неплохо б украсть осла!..»

Снимает узду с осла
Один из них на ходу,
И сам на себя надел
Мошенник с осла узду.

Два вора ушли с ослом,
Подергал третий уздой.
Хаджи не верит глазам:
«Осел? Нет, мой не такой!..»

Не вижу ослиных ног,
Не вижу нигде хвоста,
И даже спина осла
Не та, о аллах, не та!..»

Мошенник горько вздохнул:
«Хозяин меня забыл!
А я ему столько лет
Верой и правдой служил!»

— «Но как же случилось, брат,
Что стал ты — как человек?
Ослов я еще таких
Не видел за весь свой век!»

— «На свете много чудес,
Случались дива не раз...
Послушай, хозяин, мой
Простой, нехитрый рассказ.

Хозяин, есть у меня
Старушка-горбунья мать;
Добра и кротка была,
Другой такой не сыскать.

Однажды случилось мне
Прийти с пирушки домой.
Мамаша давай вопить,
Что я такой и сякой.

Мошенником, веришь ли,
Беспутным обозвала,
И даже стала жалеть,
Что пьяницу родила.

Тут я, на свою беду,
Ее по горбу огрел,
Ослицей старую мать
Назвал: не стерпел, вскипел.

За это аллах меня
В ослиную шкуру облек,
И стал я тотчас с хвостом
Ослом о двух парах ног».

— «Рассказ твой доселе правдив:
Ослом я тебя купил.
Но как случиться могло,
Что вновь ты таков, как был?»

— «Забыл ты, старый, что мать
Моя добра и кротка.
Сегодня, видно, она
Простила осла-сынка,

И милостивый аллах
Мне образ прежний вернул.
Ты видишь, не я, аллах
С покупкой тебя надул».

Поверил плуту Хаджи,
Сказал: «Ну, аллах с тобой!
Ступай, мой бывший осел,
Дорогой прямой домой!..»

И, покачав головой,
Узду снял с него Хаджи —
Не мог отличить простак
От правды бесстыдной лжи.

Но вор стал его стыдить,
Сказал: «И тебе не грех!

Работал я столько лет,
А платы не вижу. Эх!..»

Смутился честный Хаджи:
«Конечно, ты прав, мой брат!
Но денег нет у меня, —
Возьми в уплату халат».

— «Спасибо!» — наглец сказал.
Халат взял и скрылся вмиг.
Вернулся в тот день домой
Осла глупее старик.

Но очень скоро Хаджи
Узнал, что жизнь тяжела,
Когда помощника нет,
Когда нет в доме осла.

И вот, подсчитав доход,
Хаджи на базар побрел.
Навстречу купец с ослом, —
Глядь, его старый осел!

Воскликнул горько Хаджи:
«Ослом, злодей, стал опять?
Аллахом проклят опять?
Опять изувечил мать?»

Не жди, что куплю тебя
Вторично я, черт с тобой!..»
Ударил осла Хаджи
И в гневе ушел домой.

1940

**КТО СЛУШАЕТСЯ БРЮХА,
ТОТ ГОЛОВУ ТЕРЯЕТ**

Жила-была собака.
Шатаясь на рынке,
Она являлась первой
На свадьбу, на поминки.

Она роняла слюнки,
Чуть где дымком потянет.
Везде она проникнет
И что-нибудь да стянет.

На бубны, их заслыша,
Летит подобно пуле,
Гремят они в своем ли,
В соседнем ли ауле.

Все праздники собака
Прекрасно различала.
Чуть праздник где — собака
Туда стрелою мчала.

Приметивши, к какому
Она привычной знаку,
Решили в двух аулах
Перехитрить собаку.

И вот аулы в бубны
Забили вперемежку.
Пустилася собака
В сплошную перебежку.

Бьют вперемежку бубны
С одной, с другой сторонки, —
Измаялась собака
От непрерывной гонки;

От жажды у собаки
Утроба пересохла.
Свалилася собака
И к вечеру издохла.

Но мертвая горюха
В сознание нам внедряет:
«Кто слушается брюха,
Тот голову теряет».

МУЛЛА И ОБМАНЩИКИ

Хитрый не богатеет, если нет дураков.
(Аварская народная пословица)

В базарный день, купив козу к Курбан-байраму,
Муллу повел ее домой. Вдруг — чудеса!
Трех путников нагнав, он услышал: «Я сраму
Такого не видал: мулла — и тащит пса!»

— «Паршивого, к тому ж. Пса этого, бродягу,
Я знаю. Псы-бродяги — злы.
Пес этот искусал намедни Махтумагу
И — подозрительно! — не трогает муллы».

— «Пес оскверняет твой халат! Эх ты, неряха,
Какой же ты мулла? Святей из нас любой».
— «Тот, кто не моется, — не признает аллаха.
Псов правоверные не водят за собой!..»

Поверив шутникам, мулла с великим страхом
Взмолился пред аллахом,
Чтоб отвести его грозу,
И — отпустил козу.

Он дома свой халат обмазал глиной,
Чтоб от него не отдавало псиной.
Коза мемекала вдали:
Ее обманщики с собою увели!

1940

ЯЗЫК МОЙ — ВРАГ МОЙ

Один прославленный народом зодчий
(Была его заслуга велика)
Для хана выстроил дворец чудесный, —
Он кровлей уходил за облака.

Обрадованный хан созвать изволил
На пиршество великое народ.

На том пиру оленей подавали,
Из кранов бил хмельной фонтан щедрот.

И мастера позвал властитель щедрый,
Привел его к своей казне в подвал,
Открыл и жемчуга, и самоцветы.
«Бери, что сможешь унести!» — сказал.

Но червь тщеславья точит человека, —
Набив мешки, строитель так изрёк:
«Владыка, ты велик, но что ты можешь,
Всесильный царь, поставить мне в упрек?»

Хан был безмолвен. Зодчий похвалялся,
И за двоих он говорил вдвойне:
«Дворец твой рухнет, если выну камень,
А вот какой, — известно только мне!..»

Хан, промолчав, тогда с вином дал яду
Болтливому, и тот навек замолк.

На зодчего мы разве не похожи?
Язык наш губит нас, как лютый волк.

1941

ЛИСИЦА И ЛИСЕНОК

Жила-была лисица —
Беззуба, стара, больна.
На промысел водила,
Учила лисенка она.

Однажды от злой простуды
Занемогла вконец, —
Ушел на охоту лисенок
Один в дремучий лес.

Бродя, он увидел зайца:
Беспомощен, сиротлив,

Лежал пластом несчастный,
От голода чуть жив.

Лисенку жалко зайца.
Вблизи, в тиши лесной,
Задумался он, горюя,
Над заячьей судьбой.

Вдруг, волоча добычу,
Пришел могучий лев.
Насытился лев, остатки
Дал зайцу, его пожалев.

К остаткам львиным заяц
Дополз едва-едва;
Хоть не по нутру, грызет их,
Восславив щедрость льва.

В раздумье малыш немедля
Вернулся к себе в нору
И всё рассказал лисице,
Что видел поутру:

«К чему же наша охота,
Заботы наши теперь, —
Ведь есть аллах милосердный
И лев — добродетельный зверь?!»

Тогда озлилась лисица:
«Не смей и помыслить так! —
И за уши несмысленка
Отодрала в сердцах. —

Не будь подобен зайцу,
Надеясь на милость льва, —
Будь львом на зависть зайцам,
Дурная ты голова!»

ВОР-ПРИМИРИТЕЛЬ

Толки меж людьми пошли:
Третий месяц, говорят,
Разговаривать с Али
Не желает Шахрузат.

Их мирили все друзья.
И упрямо всем подряд
«Не хочу мириться я!»
Отвечала Шахрузат.

Но однажды в час ночной
Спал Али, а Шахрузат,
Сидя к спящему спиной,
На луну бросала взгляд.

Вдруг услышала она
Станный шум снаружи. Глядь:
Кто-то форточку окна
Стал тихонько открывать.

«Вор!..» Не помня ничего,
К мужу бросилась жена,
Жарко обняла его.
«Друг, проснись!» — зовет она.

«Вай, Шахру, моя любовь!
Явь ли это, или сон?
Ты со мной, родная, вновь!» —
Прошептал, счастливый, он.

«Ох, молчи, Али, молчи!
Слышишь, лезет вор к нам в дом.
Встань с постели, закричи,
Разбуди народ кругом!»

— «Пусть скорее я умру,
Чем исполню твой приказ.

Поцелуй меня, Шахру,
Обними еще хоть раз!

Эй! Клади к себе в мешок
Всё, что хочешь, дорогой:
Ты один на свете смог
Помирить жену со мной!»

1946

БАТЫР И ХАБИР

Жил хан — какого, не припомню, ханства.
При нем жил воин. Хан был не большой,
Но чванный, и делил с ним воин чванство —
Хабиру льстило ханским быть слугой.

Был у Хабира друг, страной далекой
Похищенный, увы! Велик наш мир,
И сердце не всегда в согласьи с оком:
Давно в разлуке с другом был Хабир.

Но вот однажды на охоте с ханом
Хабир нежданно друга повстречал:
Коренья трав, укрывшись под платаном,
Бедняк жевал. Батыра друг обнял, —

Узнал его и в нищенском он виде.
Однако, чтобы хану подольстить,
Сказал: «Батыр! Обед твой незавиден!
Иль мало ханов, некому служить?»

Когда б служил ты, хану угождая,
Как я, имел бы вдоволь ты еды:
Баранам и оленям подражая,
Травой кормиться не было б нужды!..»

Но посрамил льстеца батыр ответом:
«Не глупо ль счастье измерять едой?»

Я плохо ем, но не тужу об этом,
Доволен я, Хабир, своей судьбой.

Не лучше ль с бедностью, с нуждой быть
в дружбе,
Жить не в дворце, а под простым шатром
И быть свободным, чем на ханской службе,
Едою тешась, стать, как ты, рабом?..»

1946

РЕВИЗИЯ ХОМЯКА

Медведь, кабан, лиса и заяц
И прочий мир лесной, звериный
Сошлись, решив идти артельной
Дорогой честного труда.

Посеяли пшеницу дружно,
Выхаживали дружно всходы,
Скосили хлеб, заскирдовали, —
Ура! Закончена страда!

Кому же поручить охрану
Общественного достоянья?
На этот пост хомяк был избран, —
Ему доверена скирда!

Теперь домашними делами
Все звери занялись усердно,
А хомячок наш толстопузый
Стал под скирдою рыть хода.

Работал он тайком, конечно,
Подземные амбары строя,
И хлеб из той скирды артельной
Бессовестно сыпал туда.

И вдруг — ревизия! Кто б думал!
Ведь этакая недостаца!
Хомяк под следствием! И вот уж
Доходит дело до суда!

А кто судья? Ах, всем известно,
Что хомяку свояк он близкий:
Пошли отсрочки, проволочки, —
Ну, а хомяк? Да не беда!

Судья, знакомясь с обвиненьем,
Нашел, что основанья шатки.
Был новый ревизор назначен —
Плут и мерзавец — хоть куда!

Поток нечестных показаний
И лживых справок бурно хлынул,
И омерзительнейше пахла
Лицеприятная бурда!

Грызун не только за хищенья
Не пострадал, — еще вдобавок
Он получил зерна: питанье
Усилить нужно в холода!..

Пожалуй, на меня в обиде
Останется хомяк почтенный,
Но полагаю, прав был первый
Из этих ревизоров. Да!

Я б не сказал, что так уж много
Людей с повадкою хомячьей
Встречал я в наши дни, однако —
Еще встречаю иногда.

ВОЛК И КОЗА

Изловчилась коза и однажды забралась на высокую
крышу.

Видит волка, бредущего мимо, и ругает его неустанно.

Волк, сердито мотнув головою, отвечает ей, ругань
услышав:

«Не твоя это смелость, а крыши, до которой, увы,
не достану...»

1950

ПОЭМЫ

МОЯ ЖИЗНЬ

1. О ТОМ, КАК СОВА СВИЛА ГНЕЗДО НА НАШЕМ ДОМЕ

Я рожден от Магомы в несчастливом, бедном доме.
Обветшалая плита нашу саклю покрывала.
Сын Юсупа, Магома, жизнь окончил на соломе,
Умер, так и не узнав, что такое одеяло.

День рожденья моего позабыт в родном ауле.
Трижды двадцать и один — возраст мой. Я буду

Если вычесть двадцать два, те, что силу в грудь
вдохнули,
То придется на царя отнести годов остаток.

Было мне семь лет, когда белый свет отец отринул,
Умер, так и не узнав про нательную рубаху.
Шесть сестер, старуху мать на меня отец покинул,
И теперь во всей семье только я носил папаху.

Дом родной осиротел. И сова на нем в то лето
Поселилась: то была нехорошая примета...

2. О ТОМ, КАК Я СТАЛ УЧИТЬСЯ

Минуло мне десять лет, начал я учиться в школе, —
Дядя мне помог: меня отдал он в аул соседний.
По-арабски, нараспев, что-то кадии мололи,
Сообщая нам свои удивительные бредни.

В те года хороших школ мы не знали, нищих дети, —
Не было учителей, классов не было в помине.
Каждый день один урок нам давал мулла в мечети —
Слов бессмысленных набор, — он противен мне поныне.

Мы готовили еду в тлеющей золе кизячной,
Голодной мечетских крыс, шли на промысел старинный:
Только пятница придет — побредем толпой невзрачной,
Просим милостыню мы, вскинув за плечи хурджины. . .

В месяц раз мулла муки выдавал нам понемножку,
Каждый школьник в бурдюке свой запас хранил
отдельно
И отметку оставлял, не доев своей лепешки. . .
Вот какая жизнь была, и была она — смертельна!

Так провел я десять лет — мол, наукой занят
сладкой,
А потом из Тляроты я сплавливал плоты и бревна;
В Грозном проработав год, заболел я лихорадкой,
Муку страшную терпел я четыре года ровно.

Много времени прошло — мало получил я знаний.
Я прислуживал своим соученикам богатым.
В час урока обо мне забывал мулла заране,
А придет работы час — посылает за Гамзатом.

Знаний жаждала душа, я мечтал о жизни вольной,
Проклинал бесчестных мулл, проклинал свой
жребий рабский,
Не вкусил я, не познал сладости науки школьной, —
Обучал меня мулла, сам не знавший по-арабски.

8. О ТОМ, КАК Я ВЕРНУЛСЯ ДОМОЙ

«Без вести пропал отец. Странник, горя
избежишь ли?» —
Так сказав, за ним пошла мать, найти его желая.
Сестры? Умерли одни, а другие замуж вышли.
Над моим родным жильем реяла воронья стая.

О заброшенной земле, двадцать лет не знавшей тука,
О хозяйстве, двадцать лет погибавшем без скотины,

Весть ко мне пришла. И я, говоря: «Прощай, наука,
Труд земли меня зовет!» возвратился в дом
пустынный.

За руку детей вода, упрекали, что я холост,
Жены сверстников моих. Это было так обидно!
А товарищи мои все в один кричали голос:
«Ты жениться опоздал! Бобылем умрешь, как видно!»

Не подумайте, что я был в те годы против брака,
Но со счастьем — вот беда! — разминался всякий
раз я.

О женитьбе, о семье думал я давно. Однако
В четырех домах подряд получил уже отказ я.

Правду молвить, у невест были две на то причины:
Первая — мой малый скарб, а вторая — нос мой
длинный.

Каждый, кто арабский знал, находил супругу скоро,
Ну, а я стихи слагал, — не было страшней позора!

Тут принялся я гадать. И принес мне клевер вести
Обо мне и Хандулай. Я любовь постиг впервые.
С той поры две головы стали думу думать вместе
И работать вчетвером стали руки молодые.

Двери смастерили мы, а заслон убрали низкий.
Наверху, взамен совы, поселилась голубица.
Был в ауле номер мой вписан в домовые списки,
И крестьянина трудом стал я на земле трудиться.

4. О ТОМ, КАК Я СДЕЛАЛСЯ МУЛЛОЙ

Вот пришли ко мне друзья, просят: «Сделайся
муллою».

Трудно было отказать, согласился без охоты.
Но, хотя муллою стал, крепко связан был с землею,
Не присваивал себе я плодов чужой работы.

Я находчивым пером помогал в делах судебных,
Бедным помогал в нужде и всегда вставал с восходом.
Избегал я хитрых мулл, их проделок непотребных,
Радость, и печаль, и труд честно я делил с народом.

Мало получали мы от земли неплодородной.
Год засушливый настал, он измучил нас жестоко.
Исполнителем я был избран волею народной,
Я цадинцев охранял пашни как зеницу ока.

Выбирали пастуха. Я сказал родному люду:
«Не хочу я быть муллой, лучше пастухом я буду!
Не нагуливал я жир, слыша всюду плач и стоны,
Не опутывал я мир, облачась в халат зеленый».

5. О ТОМ, КАК Я СЛУЖИЛ НАРОДУ

Я не шел тропею зла, я не шел путем обманов,
От несчастья ради мзды не писал я талисманов.
Я, наследство разделив, оставлял добро сиротке,
Не молился я, шепча и перебирая четки.

Глядя бороду свою, не стремился я к поборам,
Я народ не оплетал хитроумным разговором.
Я живот не ублажал пищей сытной и хорошей,
Не обманывал людей, важным не был я святошей.

Над ученостью смеясь недоучек наших ловких,
Что затмение луны объясняли божьей карой,
Я не связывал, молясь, узелками на веревках
Пасти хищные волков, поживлявшихся отарой.

Чтобы напугать чертей, я не возносил молений;
Сабли, шкуры лошадей не таскал я вокруг селений;
Не обманывал людей, в яму всех сгоняя сразу;
Яму я не рыл в земле, чтобы отвести заразу.

В год, когда великий мор по земле пошел стопею,
Не кропил односельчан веник мой водой святою.
Я, чтоб засуху прогнать, чтоб ослабить зной до
срока,
Не писал на черепках изречения пророка.

Я ругал лукавых мулл, я боролся с кулаками,
Бичевал я власть царя, корни чьи запахи гнилью;
На звериных языках разговаривал стихами,
Метким словом я грозил самовластью и насилью.

6. О ТОМ, КАК СТАРОЕ УШЛО В НЕБЫТИЕ

Ярый бешенства недуг овладел режимом старым.
Ханов темное нутро буйным вспыхнуло пожаром.
На труде своих рабов разжиревшие владыки
Обезумели совсем: трепет их объял великий.

Подпирали власть царя плеть, дубинка и оковы, —
Буря в царстве поднялась и снесла его основы.
Так в семнадцатом году, так в двадцатом веке
славном
Стало знамя Октября нашим знаменем державным.

Люди были в эти дни словно волны океана, —
Силу мощную в себе ощутили мы впервые.
Сотрясались в эти дни даже горы Дагестана,
Рухнули в небытие наши цепи вековые.

7. О ТОМ, КАК МОЙ ДАГЕСТАН ОБАКАЛСЯ В ПЛАМЕНИ

Ханы, беки и князья, чтобы завладеть умами,
Стали сеять семена глупостей, клевет, обманов.
Ненавистный Нажмутдин объявил себя имамом,
Жег поля Узун-Хаджи, грабил горцев Алиханов.

Ханы, беки и князья вместе с кучкой сумасбродов
Распри сеяли среди поднимавшихся народов,
Тем и этим посулив бесконечные посулы,
Друг на друга натравив дагестанские аулы.

Говоря: «Пришел конец большевистскому деяню,
Надо взять нам Порт-Петровск!», звали к подлому
восстанью;
Чтоб сберечь свое добро, чтоб их власть осталась
в силе,
Всех обманутых людей темной ночью истребили.

Видя, что страна в огне, турки, устремясь к удаче,
Малым войском в краткий срок овладели Дагестаном;
Атаманы обмануть силились народ казачий,
Руку власти бек и хан протянули атаманам.

Как стакан передают собутыльники друг другу,
Так один бандит и вор власть передавал другому.
Но, бандитов истребив, турок отесняя к югу,
Партизаны с гор сошли к морю, Каспию седому.

**8. О ТОМ, КАК ПОВЕДИЛА СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ
И Я СТАЛ ВЪЕ СЛУЖИТЬ ЧЕСТНОЙ СЛУЖБОЙ**

Красной Армии бойцы разогнали мироедов.
Банды белых разбрелись, нашего свинца отведав.
Три зимы и три весны люди прожили в тумане.
Наконец желанный день прояснился в Дагестане.

Не видать огня вражды, не слышать и Нажмутдина:
Чтоб Советы защитить, слились горцы воедино.
Стал трудиться я пером ради славы Дагестана,
Горцам песенным стихом помогая неустанно.

Я воспел в своих стихах Красной Армии героев.
В Темир-Хан-Шуру меня вызвал большевик Хизроев, —
Редактировал тогда он аварскую газету,
Он в газете место дал большевистскому поэту.

Всё, чем жил родной народ, было близко мне, знакомо;
Стал работать я в суде, стал я членом исполкома,
Стал в газету я писать, вел с народом разговор там...
Дожил до большого дня я в году тридцать четвертом!

**9. О ТОМ, КАК СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ
ВОЗДАЛА МНЕ ПОЧЕСТЬ**

Я в столицу вызван был телеграммой. В светлом зале
Грамоту вручили мне и стихам рукоплескали.
Из печати в первый раз вышло строк моих собрание,
Я народного певца получил святое звание.

Звание певца любви мы присвоили Махмуду,
Был он пленником любви, и скитался он повсюду.
О любви к чужой жене пел он, верен старым струнам,
Он пошел путем Чанки, он соперничал с Меджнуном.

Не лежит моя душа к песнопениям любовным,
Я хочу служить стране словом грозным,
полнокровным.

И, заглядывая вдаль, я всегда мечтал, чтоб слово
Камнем истины легло на обычаи былого.

Нашей древней пандуре, запыленной и замшелой,
Третью придал я струну, чтоб звенела песней смелой;
Я менял на все лады наших слов расположениеь,
Внес иной, певучий строй в старое стихосложение.

Сам не знаю, как во мне страсть возникла
к стихотворству,
С детства эта страсть сильна, сам дивлюсь ее
упорству.

Сам не знаю почему, но, когда пишу я другу,
Всё мое письмо — в стихах: легче так писать ашугу.

В первый раз я сочинил про соседа и собаку.
Наскочил, как видно, я на задиру, забияку:
Мой сосед меня таскал по судам, и наша ссора,
Должен правду я сказать, кончилась, увы, не скоро.

В сочинении втором вел беседу я с харчевней:
Сам хозяин пожелал, чтоб о ней сложил я строки.
Но хозяин обомлел: тут же, перед всей деревней,
Я харчевню осрамил, обнажил ее пороки.

И хозяин подарил мне коня, седло, подпругу,
Умоляя: «Замолчи!..» Но нельзя молчать ашугу.
Слово, вылетев из уст, перевалит через горы,
И стихи мои ушли в неоглядные просторы.

Так, охотясь на врага, брал из жизни я добычи.
Сочинял я про людей, но язык звериный, птичий
Людям вкладывал в уста: этих песен враг боялся,
А народ, их подхватив, веселился и смеялся.

Прежде не ценили нас, а для песен были тюрьмы.
Нам кричали: «Не пиши!..» Сколько выдержали
бурь мы!

И пока Октябрьский свет не взошел над саклей горца,
В униженьи вечном был горький жребий стихотворца.

Только после Октября зазвенела песнь в отчизне,
И на кончике пера появился мед чудесный:
Песни новые сложил ваш певец о новой жизни,
В книги их собрал, и так подписал он эти песни:

Гамзат Цадаса

1939

СКАЗАНИЕ О ЧАБАШЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Как нахлынет на меня
Отошедшее былое,
Пожилого узденя
Вижу я лицо худое.

Поседев от неудач,
В горы он ушел, повыше.
В тесной хижине Хирач
Зажил под саманной крышей.

Горец взял к себе семью,
И, под неприглядным кровом,
Посвятил он жизнь свою
Овцам, козам и коровам.

В белой бурке шерстяной,
В башлыке, в черкеске старой,
Он стоит передо мной,
Окружен своей отарой.

Спит кинжал в простых ножнах,
А папаха — цвета дыма,
И в косых его глазах
Выраженье нелюдима...

На закате трудных дней,
Чуя близкую кончину,
Двух позвал он сыновей
И жену свою Патину.

Справа встал Омар-джигит,
А Патина — в изголовье,
Слева на отца глядит
Мальчуган Али с любовью.

«Я созвал вас на совет,
Собираясь в путь далекий.
Выслушайте мой завет,
Жизни прожитой уроки.

По адату хоронить
Вы не вздумайте Хирача:
Крепче жизненная нить
Не становится от плача.

Слушайте, сыны и мать,
Трое близких, ненаглядных!
Не должны вы нанимать
Плакальщиц, притворщиц жадных.

Дешевы для них слова,
Только зла желают людям:
Сломана арба? — «Дрова!»
Бык погиб? — «Обедать будем!»

Мне мулла воздаст хвалу,
Чтоб разжалобить Патину, —
Не зови, жена, муллу,
Для него не режь скотину.

Я ценю народ простой,
Долю с ним одну изведав.
Будь, как прежде, с беднотой
И чуждайся мироедов.

Волчий вой издалека
Слышу — засыпаю сладко.
Приближенье кулака
Страшно мне, как лихорадка.

Бросил свой аул Хирач,
Захотел дышать, как птица.

На мою скалу богач,
Так решил я, не польстится.

Любят горные луга
Овцы, поднимаясь к небу.
Шерсть, копыта и рога
Служат людям на потребу.

Посох ты возьми, Али,
Ты, Омар, дружи с сохою.
Ни скотины, ни земли
Не делите меж собою.

Разделяются сердца
От разделов этих вскоре.
Будьте вместе до конца:
Где «мое», «твое» — там горе.

Землю ты паши, Омар,
Не разгуливай по свету.
Ты живи, Али-овчар,
По отцовскому завету...»

Над постелью чабана
Наклонились оба сына,
И, тоской удручена,
Горько плакала Патина:

«Ты растил овец и коз,
Сердца моего владыка,
Как же в час горячих слез
Не зарежу я хафика?»

Как взгляну в глаза мулле,
Как перенесу утрату,
Если не предам земле
Я супруга по адату?»

Головой старик трясет:
«Вай, безумная Патина!
Оттого, что режут скот,
Не рассеется кручина.

Утешенье ты найдешь
Или позабудешь горе,
Если брюхо ты набьешь
Толстопузому обжоре?

Я бы жертвовал скотом
Лишь на благо скотоводу:
Чтоб на деньги те потом
Отыскать в ущелье воду,

Или в скалах проложить
Настоящую дорогу,
Или нищих накормить,
Бедным оказать подмогу».

«Где недуг, — сказал Али, —
Там прибегнуть можно к средству.
Доктора позвать вели,
Проживает по соседству».

— «Для чего скакать к врачу?
Ой, Али, сынок желанный,
Я лечиться не хочу
Палочкой его стеклянной.

Запах от лекарств его
Целый месяц не проходит,
А стекляшка ничего
У больного не находит.

Я по-русски не спрошу,
Врач по-горски — безъязыкий...
Позови Амир-пашу,
Знахарь он, колдун великий».

Мальчуган помчался вскачь,
Знахаря привел с собою.
Крикнул тот: «Ай, ай, Хиращ,
Что ты сделал с головою?

Разбухает голова?
Чтоб не стало завтра хуже,

Я веревкою сперва
Обвяжу ее потуже».

Голова трещит, хоть плачь,
Перевязанная туго,
И орет, орет Хирач
От ужасного недуга.

«В трещинах вскипает кровь, —
Объясняет знахарь ловкий, —
Но они сойдутся вновь
С помощью моей веревки.

Следует освеживать
Вам овечку молодую,
Теплой шкурой согреть
Надо голову больную».

Сын спросил у хитреца:
«А какой должна быть масти?»
— «Всякой. Лишь плоха овца,
Если нет курдючной части».

И с надеждою в душе
Сын овцу зарезал сдуру
И принес Амир-паше
Жиром залитую шкуру.

Знахарь похвалил: «Овцу
Выбрал ты с курдючной частью.
Дай, всевышний, молодцу
Отыскать дорогу к счастью!

Встань, Хирач, гони беду!» —
Крикнул он, как бесноватый.
А Хирач лежит в бреду,
Смертным холодом объятый.

В страхе на Амир-пашу
Смотрят женщина и дети.
«Я к другим больным спешу,
К вам вернусь я на рассвете, —

Знахарь говорит. — Больной
Не отдаст аллаху душу...»
Тут Али в хурджин цветной
Положил овечью тушу.

Знахаря скакун унес,
По бокам хурджин качался.
То был день обильных слез:
В этот день Хирач скончался.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Стали новыми дела
Дагестанского аула.
Революция пришла,
Старый мир перевернула.

Явью стали о добре
Наши думы вековые:
Солнцем жизни в ноябре
Озарила нас Россия.

Мы узнали счастья свет:
В ясный день, золототканый,
Сталин возвестил расцвет
И свободу Дагестана.

Мы узнали: на земле
Мироедам нет поживы.
Султан-бек был в их числе,
Тесть Омара, хитрый, лживый.

Горный вихрь, Октябрьский век
Древо яда вырвал с корнем.
Притворился Султан-бек
Дряхлым, добрым и покорным.

Помогло ль ему родство
(Свояка имел в райкоме),
Но не трогали его:
Долго жил он в старом доме

И мутил тайком крестьян.
А когда, в те дни большие,
О колхозах в Дагестан
Весть примчалась из России,

Стал он дочь свою ругать:
«Волос долгий, ум короткий!
Да и муж тебе под стать,
Оба стоите вы плетки!

Твой Омар — молокосос,
С глупым горя не нажить бы!
До мужчины не дорос,
Не дорос он до женитьбы.

Если сам он — обормот,
Ты сказала бы Омару:
Как наймит, Али пасет
Всю отцовскую отару.

Слух про вас идет сейчас:
Мол, живут трудом наемным...
Пропаду я из-за вас:
Трудно спорить с горцем темным.

Не уйти вам от молвы,
С юношей скорей порвите.
Или думаете вы
Из воды сухими выйти?

Здесь не Грозный, не Дербент:
Скоро к вам из финотдела
В саклю явится агент,
А свое он знает дело!..»

Нафисат, едва жива,
Задыхаясь с перепугу,
Эти лживые слова
Быстро принесла супругу.

У того пропала речь,
Не поймет, кого же слушать:

Словом тестя пренебречь
Иль завет отца нарушить?

Потрясенный, не поймет,
Как от горя откупиться:
Дать жене своей развод
Иль от брата отделиться?

Но недаром говорят:
Жены побеждают плачем...
По совету Нафисат
Речь повел он с братом младшим.

И Али, услышав вдруг
Предложение о разделе,
Посох выронил из рук,
Крикнул: «Где я? Не во сне ли?

Мне бы лучше умереть,
Чем услышать новость эту.
Брат мой! Верен будь и впредь
Ты отцовскому завету.

Разве он хотел, чтоб врозь
Мы работали и жили,
Чтоб стыдиться нам пришлось
Камня на его могиле?

Султан-беку ты не верь, —
Нам вредит он тихомолком.
Он — неприрученный зверь,
Ты овцу не путай с волком.

Был крестьянином Хирач,
Наш отец седобородый.
Султан-бек — большой богач,
Знатной, ханской он породы.

Зверь, почувявший ловца,
Разве норы свой изменит?
Бурку белую отца
Разве Султан-бек наденет?

Разве станет надевать
Он отцовские чарыки?
Нет, над нами быть опять
Хочет богатей двуликий.

Он терял баранам счет,
И, хотя был сам скотиной,
Видел Султан-бек свой скот
Только из окна гостиной.

Налит с головы до пят
Салом спереди и сзади,
Он породистых ягнят
Убивал забавы ради.

Нажито его добро
Подневольными руками, —
Золото и серебро
Добывалось батраками.

Брат, вертеться ты привык
По указке толстосума.
Не смотри, что он старик, —
Сдвинь папаху да подумай.

Я не знаю, почему
Подлецу дана свобода.
Я бы сам отвел в тюрьму
Этого барановода.

С посохом ходил отец,
И богатства не искал он, —
Тем же посохом овец
Я гоню по нашим скалам.

Султан-бек сулит всегда
Всевозможные напасти,
Но не будет нам вреда
От советской честной власти».

— «Ладно, — отвечал Омар, —
Я с тобой, Али, не спорю,

Но скажи ты мне, овчар,
Как помочь такому горю:

По аулам слух идет —
Всюду созданы артели,
Отдали туда свой скот
Даже те, кто не хотели.

Ты среди овец — мудрец,
А людей не понимаешь,
Ты ведешь своих овец,
А куда ведешь — не знаешь».

— «Вздору не мели сейчас,
На ветер слова бросаю!
Принуждать не станет нас
Власть Советов трудовая.

Порешит аул родной —
Так артель организуем.
Брат мой, первыми с тобой
За нее проголосуем!»

— «Сам ты вздору не мели, —
Отвечал Омар сердито. —
Не пойду с тобой, Али,
Говорю тебе открыто.

Только солнцем и луной
Прежде сообща владели,
А теперь... Пора с тобой
Нам подумать о разделе».

Темным гневом обуян,
Потерял Омар свой разум,
Пригласил односельчан, —
Был раздел окончен разом.

Выбрав шестьдесят голов,
Уши им Омар пометил
И угнал без лишних слов —
И жену и тестя встретил.

Подбоченясь, Нафисат
Гордо мужа поджидала.
Тесть облюбовал ягнят:
Мол, наемся до отвала.

Перечтя овец, нанес
Наш Омар на посох метки,
Молвил: «Не вступлю в колхоз,
Будем жить, как жили предки.

Принеси котел, жена,
Разведи огонь горячий,
Пусть пойдет овца одна
На помин души Хирача».

Тесть воскликнул: «Милый зять,
Ты, дружок, в своем уме ли?
Разве хочешь ты отдать
Всё свое добро артели?

Лучше усладить сердца,
Лакомиться мясом свежим.
На помин души отца
Всю отару мы зарежем.

Пусть придет сосед Амма,
Пир начнется и беседа.
Нафисат, зови сама
Многочтимого соседа!..»

Побежала Нафисат,
Словно серна молодая.
Ей овечки вслед глядят,
Ничего не понимая...

А сосед ценил весьма
Даровое угощенье.
Начал с радостью Амма
Это жертвоприношенье.

Нож достал, к усам поднес
И, не тратя слов впустую,

Важно задал он вопрос:
«Будем резать мы какую?»

— «Выбирай, что пожирней, —
Отвечал Омар в гордыне, —
Ярок, маток — не жалей:
Все они мои отныне».

Скрылся в шерсти нож стальной,
Под ножом овца забилась.
Рот ей залили водой,
Чтоб навек угомонилась.

Ножки белые сошлись,
Струйки крови побежали.
Лишь глаза глядели ввысь,
Полные живой печали...

Постучал Амма-сосед
Рукояткой по копытам,
Молча вынул свой кисет,
Самосадом духовитым

Затянулся не спеша
И сказал со знаньем дела:
«Можно свежевать: душа,
Плоть покинув, улетела».

Закричала Нафисат:
«Так погубим свой достаток!
В чреве птенчики лежат:
Двое беленьких ягнят!»

Султан-бек изрек: «Ну что ж,
Мы скорей достигнем цели.
Двойню тоже уничтожь —
Не достанется артели».

У Омара в этот миг
Вся душа затрепетала.
Сын Хирача вдруг постиг:
Сразу трех голов не стало.

Но, восстав на миг от сна,
Снова совесть в нем уснула.
Крикнул он: «Зови, жена,
Лучших жителей аула!

Разруби мою соху,
Чтобы пламя запылало,
Приготовь нам требуху
Да клади побольше сала,

Печень подавай, и жир,
И горячие чуреки.
Мы такой устроим пир,
Чтоб запомнился навеки!»

...Гости в дом приглашены, —
Для богатых дверь открыта.
Мясом до краев полны
Деревянные корыта.

Господу воздав хвалу
И довольные друг другом,
Все расселись на полу
Именитым полукругом.

Стали гости осуждать
Современные порядки.
Султан-бек решил гадать
По обглоданной лопатке.

Загремел Амма-сосед,
Солью мясо посыпая:
«Дай нам, Султан-бек, ответ:
Что сулит судьба слепая?»

Султан-бек сказал: «Дела
Плохи, надобно признаться.
Из единого котла
Хочет голытьба питаться.

Пожелаем, чтоб назад
Дни прошедшие вернулись».

Он вздохнул, а Нафисат
И Омар переглянулись:

Им отара ни к чему, —
Общим будет достоянье!
Началось у них в дому
Бесперывное гулянье.

И Омару стали вдруг
Все соседи кунаками.
Проводил он свой досуг
Лишь с кулацкими сынками,

Принимал и верховых
Из далекого аула:
Долетало и до них
Эхо пьяного разгула.

Не жалел Омар овец,
Трапезой гордясь богатой.
Но пришел пирам конец
С головой шестидесятой.

Наступила тишина,
И уныло стало в сакле.
Брага выпита до дна,
И запасы все иссякли.

Отвернулись кунаки:
Нету в доме угощенья.
Родичи и свояки
Прекратили посещения.

И отвергли этот кров
Даже кошки, даже мыши.
Опустели воробьев
Гнезда под саманной крышей.

В час ночной и в ранний час
Расточительно пылавший,
В очаге огонь погас,
Некогда соху пожравший.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Огорченья принесли
Пьяные пиры Омару,
А на пастбище Али
Холил и растил отару.

Восхваляли стар и млад
Чистоту его сарая.
Он выхаживал ягнят,
Их под мышкой согревая.

.....

Так в колхоз вступил Али,
Уважаемый селеньем.
Многие за ним пошли,
Чтоб работать с вдохновеньем.

Чтобы стал колхоз богат,
Чтобы жили все в достатке,
Первым двух сберег ягнят
Он от каждой овцематки.

Был он старшим чабаном
Избран в молодые годы.
Говорили так о нем
Старые животноводы:

«Помните? Поток унес
Кареглазого барашка.
Он разбился б об утес,
Потонул бы он, бедняжка.

Но Али не струсил: он
Бросился в поток кипящий —
И барашек был спасен,
Перепуганный, дрожащий.

Помните? Зимой волк
К нам повадился в кошары.
Знал бандит в овечках толк:
Лучших вырвал из отары.

Но Али на след напал
И подкрался не робея,
И дубиной наповал
Уложил он лиходея.

В летний зной и в холода
Предан он своей работе.
Вы ягнечка всегда
Под полой его найдете.

Если б овцы петь смогли,
Обладали даром речи,
Громко нашего Али
Прославлял бы род овечий.

С детства стал он чабаном,
Сыном стал холмам и скалам.
Кормит он ягнят зерном,
Кормит он козлят хинкалом.

Овцы узнают Али,
Издали его завидя.
Волки прячутся вдали,
Трепеща и ненавидя.

С ним округа вся дружна,
Дети, старики и парни,
Но бродягу-шатуна
Не подпустит он к овчарне. . . »

Эту слушая хвалу,
Был Али смущен немало.
Вдруг на съезд в Махачкалу
Чабана артель послала.

Чтобы выполнить наказ,
Он впервые сел в машину,
Покидал он в первый раз
Луговую котловину.

Люди собрались на съезд,
Чтоб уменьем поделиться.

Затмевая всех невест,
Разукрасилась столица.

Чабанов передовых
Всюду с радостью встречали,
На машинах легковых
Их по городу катали.

Показали им кино,
И музеи, и заводы,
Где алело полотно:
«Здравствуйте, животноводы!»

Ввысь их поднял самолет —
Металлическое чудо.
Каждый горный поворот
Ясно виден был оттуда.

Город виден был окрест,
Улицы внизу сверкали...
Вечером открылся съезд
В ярком театральном зале.

Это вызвал на совет
Дагестан многоязыкий
Всех, кто в бурку был одет,
На ногах носил чарыки.

Сцена. За большим столом
Сколько там седоволосых!
Держит карандаш нарком,
И чабан сжимает посох.

Их простой народ избрал,
Делегатами назначив.
«Говорит, — услышал зал, —
Овцевод Али Хирачев».

Оробел Али сперва:
Мол, зачем на сцену вылез?
Но сердечные дела
Сами, сами появились:

«Чабанов и пастухов
На пиры не приглашали.
Девушки за женихов
Прежде нас не принимали.

Стать женою чабана?
Это был позор великий!
Презирались издавна
Палки наши и чарыки.

Кунаки! Не то сейчас:
Чабаны в большом почете.
На машинах возят нас,
Подняли на самолете.

Не было нам прежде мест
На скамье аульских сходов,
А теперь народ на съезд
Посылает овцеводов.

Что я знал, чабан из гор?
Лишь язык овец безгласных.
Ныне вижу я простор
Светлых дней и дел прекрасных.

Поглядим на чабана,
Чья папаха, несомненно, —
Это видно всем, — равна
Небольшому стогу сена.

Он в лачуге до сих пор
На помете спал козлином,
А теперь чабан из гор
На матраце спит пружинном.

В зал, что светом осиян,
Гордо смотрит он со сцены.
Нет, не просто он чабан,
А работник он бесценный.

У него теперь мандат,
Он — ударник знаменитый.

Подражать ему хотят
Пожилые и джигиты.

Чтоб идти и не упасть,
Нам дана вода живая.
Кто нам дал ту воду? Власть
Честная и трудовая.

Нас прислали в этот зал,
Чтоб гремела наша слава,
Чтобы Сталин нам сказал:
«Вас благодарит держава!»

Клятву мы дадим стране:
Поработаем с любовью,
Чтобы через год втройне
Увеличить поголовье.

Не лениться надо нам,
А соединить усилия,
Чтобы выйти чабанам
На дорогу изобилья...»

Крикнули с балкона вдруг:
«Правильно сказал, сыночек!»
В шуме выронил из рук
Председатель свой звоночек.

Не стихал широкий зал,
И рукоплескала сцена...
И Али папаху снял,
Что сравнил со стогом сена.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Кунаки, я не пойму,
По какой такой причине,
Для чего и почему
Ходят девушки к Патине?

Тянет их в ее жилье,
Весело им, что ли, с нею?

Иль, быть может, у нее
Слаще мед, хинкал вкуснее?

Иль на пастбище нашли
Девушки цветочек яркий?
Или, может быть, Али
Каждой нравится доярке?

Почему ж тогда Айна
Не бывает у Патины?
Изо всех подруг одна
Не почитит ее седины?

Ясно всё в ее судьбе,
С детских лет она невеста,
Почему ж она себе
В доме не находит места?

Почему грустит она,
Словно потеряла разум?
Потому что пленена
Овцеводом черноглазым.

Ей от близких и родных
Нужно скрыть свою невзгону:
Обрученный с ней жених —
Друг-приятель овцеводу.

«В честную войдет семью», —
Так родители решили.
Обручили дочь свою,
А согласия не спросили.

Но минувших лет закон
Молодежи не указчик.
Съездила Айна в район,
Опустила что-то в ящик.

В тот же день пришло в колхоз
Письмецо — и вот удача:
Почтальон его принес
Сыну младшему Хирача.

К почте весь привык аул:
Людам грамота открылась.
На письмо Али взглянул —
Бурка с плеч его свалилась.

Письмо в стихах

«В аулах прославленный передовик!
Зеленой спускаясь горою,
Ты в душу мою загляни, как в тайник, —
Все думы тебе я открою.
Когда ты овец пригоняешь в аул,
Твой образ стоит предо мною.
Когда у кошары несешь караул,
Твой образ стоит предо мною.
Поешь ли ты песню, грустишь ли о ком,
Овеян прохладой ночью,
Сзываешь ли стадо пастушьим рожком, —
Твой образ стоит предо мною.
В аулах сияют весенние дни,
Но я провожу их в печали.
Концы башлыка и чарыков ремни
Айну к чабану привязали».

Душу обожгла Али
Сразу радость огневая.
Овцы тихо побрели,
Пылью бурку обдавая.

Растерялся наш джигит.
Кто ему шепнул бы слово,
Что Айна за ним следит
Из-за тополя густого!

За полночь был виден свет
Наверху, где спят отары...
Написал Али ответ,
Вышел, обошел кошары,

Бросил девушке в окно
Свой конверт, того не зная,
Что шагов его давно
Ждет доярка молодая.

Ответ Али

«Айна, твое посланье безрассудно.
Оно ко мне пришло, —
Руке поднять его совсем не трудно,
А сердцу — тяжело.
Меня словами нежными не мучай.
Люблю тебя, Айна,
Но твой жених — мой друг, кунак мой лучший,
Ты с ним обручена.
Все знают: Зайнутдин — джигит серьезный.
Его я ученик.
Он людям разъяснял устав колхозный,
Он дал мне зренье книг.
Я буду наслаждаться вашим счастьем,
Но втайне горевать,
Чтоб люди не могли своим участием
Мне сердце разрывать...»

Не сумела скрыть Айна,
Что гнетет ее кручина,
Что влюбилась в чабана,
Что не любит Зайнутдина.

Побежал об этом слух
По дворам всего селенья,
И пришлось ей от старух
Слушать слово осужденья.

Волновалась Зулейха
(Шел ей год восьмидесятый):
«Девочку и жениха
Обручили по адату, —

Что же делает она?
Видно, ей адат — в забаву:
Полюбила чабана, —
Мол, учитель не по нраву.

Пусть узнает Зайнутдин
Правду о своей невесте,

Пусть он вспомнит, горца сын,
О законе кровной мести,

Пусть умнее будет впредь,
Пусть послушает соседку.
Побегу скорей в мечеть...
То есть в эту... в семилетку...»

В школе кончился урок.
Шумно выбежали дети.
Светит солнце, двор широк
Перестроенной мечети.

В сапогах и в пиджаке,
Круглыми блестя очками,
Зайнутдин невдалеке
Окружен учениками.

Поклонилась Зулейха:
«Слышал о своей невесте?
Полюбила пастуха, —
Приготовься к кровной мести!»

Разговор прервал звонок:
Промелькнула перемена.
Улыбнулся педагог
И ответил: «Непременно!»

Вечером, придя к Айне,
Молвил он невесте слово:
«Ты скажи всю правду мне:
Полюбила ты другого?»

Подняла Айна глаза,
Подняла, не застыдилась,
Но несмелая слеза
По щеке ее скатилась.

«Правда нам с тобой нужна,
Не прислушивайся к сплетне.
Я была обручена
Девочкою восьмилетней.

Стала взрослой — в первый раз
Мне любовь сверкнула жарко.
Виден тут судьбы наказ:
Он чабан, а я доярка».

Долго ль разговор вели,
Мы сказать не можем точно...
Появился вдруг Али —
То ль случайно, то ль нарочно.

Обнялись друзья и вдруг
Прослезились почему-то.
Зайнутдин сказал: «Мой друг,
У меня на сердце смута.

Я с тобой давно знаком,
Ты — кунак мой самый близкий.
Что же ты Айне тайком
Шлешь любовные записки?

Этот замысел дурной
Разгадать я не умею:
Ты смеешься надо мной?
Издеваешься над нею?»

Отвечал Али: «Мой брат,
Вот с тобой невеста рядом.
Если в чем я виноват,
Скажет словом или взглядом.

Вижу, я вам помешал,
Но простой исход возможен:
Я умру!» — И он кинжал
Вынул с яростью из ножен.

«Эй, Али, запомни впредь, —
Молвил Зайнутдин спокойно: —
Очень просто умереть,
Очень трудно жить достойно.

Ты кинжал схватил опять?
Говорю не в укоризну:

Стоит кровь свою отдать
Лишь за родину-отчизну.

Вот тебе, Али, ответ:
Пусть умрут законы Мекки!
Мы дружили с детских лет, —
Станем братьями навеки.

Ты, Айна, свой путь нашла, —
Я судьбу твою устрою:
Ты невестой мне была, —
Стань отныне мне сестрою».

— «Зайнутдин, — сказал чабан, —
Ссориться с тобой не будем.
Не подходит мне твой план:
Как в глаза взгляну я людям?

Или нет во мне стыда?
Или не осталось чести?
Опозорюсь я, когда
На твоей женюсь невесте».

Зайнутдин в ответ: «Беда
С этой дружбой нерушимой.
Опозорюсь я, когда
На твоей женюсь любимой!

Опозоримся вдвоем,
Говорю тебе, как брату,
Если шею не свернем
Мусульманскому адату.

Там, где вольным стал народ,
Чья святая цель прекрасна,
Замуж девушка идет,
Лишь душе своей подвластна.

Скоро, может быть, и я
Радости увижу чашу,
Но сперва, мои друзья,
Мы сыграем свадьбу вашу».

ГЛАВА ПЯТАЯ

Все в колхозе «Честный труд»
Площадь возле сельсовета
Красной с гордостью зовут.
(Кто осудит их за это?)

Высоко парят орлы
Над скалистыми горами,
А на площади столы
Белыми стоят рядами.

Здесь хинкал, и виноград,
И напитки, и закуски,
Здесь по-русски говорят,
Здесь беседуют по-русски.

Так смущается жених
И Айна горит, как роза,
Что взглянуть нельзя на них
Председателю колхоза.

Восклицает тамада:
«Скоро ль песня заиграет?»
Жениха Айна тогда
Палочкою ударяет.

«С полеводом пастуху
Надо быть всегда под пару», —
Громко говорит Баху,
Приближается к Хочбару.

Третья девушка встает.
С сердцем чистым и открытым,
Соблюдая свой черед,
Девушки поют джигитам:

«Почему кинжал с усердием таким
Люди украшают позолотой?
Посох чабана теперь позолотим:
Славится чабан своей работой.

Я хочу, чтоб овцевода
Слава не погасла:
Он готовит для народа
Мясо, шерсть и масло.

Пусть прославит садовода
Золотое слово:
Создает он для народа
Дивный сад плодовый.

Прославляя полевода,
Мы единокорны:
Создает он для народа
Добрый хлеб насущный».

Стукнув тростью по плечу
Седовласого соседа,
Молвит Рукият: «Хочу
Спеть про нашего Ахмеда».

Обойдя его кругом,
Рукият легко и смело
Тонким-тонким голоском
О табунщике запела:

«Для тебя я лишь живу.
Обняла б тебя, табунщик,
Только вряд ли на вдову
Ты согласишься, мой табунщик.

Кобылиц твоих стройней
Нет на свете, мой табунщик.
Не хвалю твоих коней,
Чтоб не сглазить их, табунщик.

Я одно сказать могу,
Мой табунщик знаменитый:
Гибель нанесут врагу
На твоих конях джигиты».

Тут наставника ребят
Вызвала на середину

Трактористка Қалимат
И сказала Зайнутдину:

«Сад лелеет садовод,
Овцевод растит ягненка,
А учитель создает
Человека из ребенка.

Врач — недугов наших враг —
Укрепляет наше сердце,
А учитель гонит мрак,
Озаряет наше сердце!

Кузнецы и пастухи
В этом крае благородном
Пусть поют мои стихи
Об учителе народном!»

Эта песня, говорят,
Зайнутдину полюбилась...
Покраснела Қалимат,
Зайнутдину поклонилась.

...Вздвогнул белокурый гость
От нежданного удара:
Вкруг него, отбросив трость,
Закружилась вдруг Тамара.

Дочь горянки-звеньевой,
Уважая медицину,
Гостя с русой головой
Вызвала на середину:

«Каждому теперь смешны —
А в каком почете были! —
Знахари и колдуны,
Что вели отцов к могиле.

Игорь Павлович, хочу
Вам за всех я поклониться.
Слава русскому врачу:
Лечит нас его больница».

Загремели голоса
О Тамириной смекалке.
Заплясал старик Муса
Вкруг своей пастушьей палки:

Мол, обиды не снесу,
Если никому не нужен...
Лишь в двенадцатом часу
Свадебный был кончен ужин.

Новобрачных повели
Мимо хижины убогой.
Удивляется Али:
Тамада забыл дорогу?

Вдалеке блестит шоссе,
Слышен речки зов протяжный...
Вдруг остановились все
Возле сакли двухэтажной.

В окнах яркий свет горит,
Силою воды зажженный...
Председатель говорит:
«Вот ваш дом, молодожены!»

Входят в дом, а там трюмо,
Гардероб и одеяла,
Словно солнышко само
Здесь хозяйкой побывало.

Кто-то крикнул: «Погляди,
Эти потолки и стены
Разукрасил Эффенди,
Самоучка наш бесценный!»

Здесь изделия тонких рук —
Пять ковров, как пять пожаров.
Здесь подарки от подруг —
Восемнадцать самоваров».

От Али и от Айны
Слова ждут односельчане.

Почему погружены
Новобрачные в молчанье?

Сталин с яркого холста
На счастливцев смотрит с лаской.
Слышит юная чета:
Бьют часы на башне Спасской...

Так приемник зазвучал,
Что сердца затрепетали,
И Али тогда сказал:
«Говорит Москва... и Сталин».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В новом доме стар и млад
До рассвета пировали.
Лишь Омар и Нафисат
Молодых не поздравляли.

Их на свадьбу звал Али,
Приглашала их Патина, —
Постыдились, не пришли,
И была на то причина.

Помнят сотни чабанов,
Что они когда-то съели
Целых шестьдесят голов,
Чтоб не передать артели.

И Омар и Нафисат
(Обняла их тьма ночная)
На дворе своем сидят,
Султан-бека проклиная.

Он — за Каспием, в бегах.
Кто-то видел толстосума,
С паспортом чужим, в песках
Выжженного Каракума.

...Свет бросает новый дом
Нижним саклям, стенам, крышам.

В теплом сумраке ночном
Мы Омара шепот слышим:

«Для джигитов — верь не верь, —
Что в ночи пасут отары,
Красным уголком теперь
Станет дом отцовский, старый...»

И как будто невпопад
(Усомнимся тут едва ли)
Отвечает Нафисат:
«Как доход распределяли,

Привезла Айна домой
Три арбы, на всех — пшеница.
Захотелось той порой
Мне сквозь землю провалиться».

— «Я стою разинув рот
(Стал Омара шепот жарок),
Вижу: наш Али ведет
Тридцать пять ягнят и ярок.

Кто нас предал, обманул?
Твой отец, порода волчья!
Презирает нас аул...» —
Нафисат вздохнула молча.

Муж, помедлив, произнес:
«Сон мне снился, светлый, чистый:
Будто принят я в колхоз
И зачислен в трактористы...»

Между мужем и женой
Шли такие разговоры
Каждый день. И ледяной
Буркой покрывались горы.

Изобильная зима
Весело в колхоз вступала,
Принесла во все дома
Вдоволь мяса и хинкала.

Государству отдан долг,
Женам куплены подарки.
В синий бархат, светлый шелк
Нарядились все доярки.

Выезжали чабаны
На кутан иль на постройки —
Надевали чабаны
Шевиотовые тройки.

И на этот светлый сад
Потрудившейся артели
И Омар и Нафисат
С грустной завистью глядели.

Обветшал их старый дом,
Бедно и темно в лачуге.
Друг на друга со стыдом
Смотрят мрачные супруги.

«Твой отец всему виной, —
Муж сказал однажды слово. —
Зря ты стала мне женой,
Без тебя бы жил толково».

Не накинулась жена
На Омара, как обычно,
Тихо молвила она:
«Трудно жить единолично.

Хорошо бы, милый, нам
Выслушать совет Патины:
Брата мы не встретим там —
На кутанах все мужчины...»

Муж с женой пошли вдвоем,
И надеясь и вздыхая.
Что стоит у входа в дом?
То машина легковая.

К ней спешит, не чуя ног,
В новых сапогах, Патина.

Погостить зовет сынок, —
Вот и прислана машина.

«Сядьте, деточки: к Али
На кутаны мы поедем.
Жены яства принесли, —
Надо отвезти соседям».

Растерявшейся жене
Муж сказал: «Влезай в машину!»
А Патина, верьте мне,
Села запросто в кабину.

«Невредимой довезу, —
Говорит шофер Патине. —
Станет потеплей внизу,
Лишь приблизимся к долине».

Мост над бездною повис,
Всё в снегу: хребты, овраги.
Путь бежит то вверх, то вниз,
Словно молнии зигзаги.

И течет, течет Койсú
То навстречу им, то рядом. . .
Эту горную красу
Сразу не окинешь взглядом.

Муж молчит, жена молчит,
Мучаясь своим смущеньем,
Лишь Патина говорит
Беспрерывно, с увлеченьем,

Их молчанья, их стыда
Будто бы не замечая. . .
В то же время так горда
Эта женщина седая

Тем, что молодых умней, —
Старой все известны планы:
«Гляньте вы туда. . . левей,
Где старинные курганы!

Там, в песках, пройдет канал,
Даст он жизнь цветам и вишням,
Чтобы сад благоухал
На пятьсот гектаров с лишним.

Потечет в поля поток —
Многоводный, серебристый. . .
Поглядите на восток:
Что за смельчаки связисты!

Ах, какой тяжелый труд,
Но зато какой счастливый:
Люди линию ведут
Через скалы и обрывы,

Чтобы радиоузлом
Все порадовать селенья.
Скоро мы, друзья, свернем:
Вон — кутаны в отдаленьи.

На кутанах в шалашах
Прежде жили овцеводы
В смраде, в духоте, во вшах,
В лютой стуже непогоды.

Сколько там теперь домов —
Теплых, светлых и просторных!
Уважают чабанов —
Молодцов высокогорных.

Там, на плоскости, зимой
Хоть работают помногу, —
Возвращаются домой
Толще раза в три, ей-богу.

Вечерами, кто не глуп,
В шахматы играет с жаром
Иль пойдет в читальню, в клуб,
Где поют артисты даром.

А взгрустнется без семьи —
Пригласит жену, невесту. . .

Вот, родные вы мои,
И приехали мы к месту.

Вызвал бы Али жену,
Я обиды бы не знала,
Но, заметьте, не Айну,
А меня позвал сначала...»

Беспрерывно говорит
С увлечением Патина,
Но внимательно глядит
На невестку и на сына...

«Эмка» въехала на луг
И остановилась вскоре, —
Там стада пестрят вокруг
И волнуются, как море.

В дом приезжие вошли —
Каменный, многооконный.
В комнате кончал Али
Разговор свой телефонный.

И, едва увидел мать,
Сразу он повесил трубку,
Стал он к сердцу прижимать
Седовласую голубку.

«Вот Омар и Нафисат, —
Начала старуха разом, —
Поступить в колхоз хотят:
Неужель уйдут с отказом?»

В первый раз тогда в упор
Младший брат взглянул на брата:
«Мы продолжим разговор,
Что вели с тобой когда-то.

Я скажу без лишних слов:
За тебя проголосую,
Если шестьдесят голов
Приведешь в артель родную.

И покуда не вернешь
Ты колхозу долг свой старый, —
Сеять в поле не начнешь,
Чистить будешь ты кошары.

Ты согласен, старший брат?
Дай ответ мне точный, ясный...»
Тут вмешалась Нафисат:
«Я отвечу: мы согласны.

Мой Омар хотя упрям,
Но с любой работой сладит.
Я предсказываю вам:
Скоро он на трактор сядет».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Годы весело считать
В молодом, счастливом мире:
Вот Омару — сорок пять,
И Али — тридцать четыре.

Дети в их домах шумят, —
Зреет племя боевое.
У Омара — пять ребят,
У Али — покамест двое.

Лето. Весь аул — в коврах:
То природы рукоделье.
Наступил июнь в горах,
Там справляют новоселье.

У Омара — новый дом,
Садик перед ним душистый.
Всех друзей сейчас найдем
У Омара-тракториста.

Блещет всюду новизна,
Лишь одна под крышей прочной
Балка старая видна:
В отпуск ей пора бессрочный.

Он из хижины ее
Перенес и вбил в стропила,
Чтобы новое жильё
Память об отце хранило.

Собрались одной семьей
Люди со всего селенья...
Вечно в памяти людской
Это утро воскресенья...
.....

В день, когда для всей страны
Пробил час военный, тяжкий,
Заменяли чабаны
Мирный посох горской шашкой.

На колхозных скакунов
Сел народ вооруженный.
Провожали чабанов
Сестры, матери и жены.

Лакцы двинулись чуть свет,
И даргинцы, и аварцы.
Крепкие в сто двадцать лет
Их благословляли старцы.

Справедливая война
К подвигам звала сурово.
Мужу своему Айна
Молвила такое слово:

«Если солнышко печет,
Изморозь цветы не губит.
Тот вовеки не умрет,
Кто свою отчизну любит...»

...Горный путь исчез в пыли,
Скрыла всадников лощина,
И глядела вслед Али,
Слов не находя, Патина.

Рядом с ним мечтал Омар
Дело защищать свободы,

Но военный комиссар
Отказал: не те, мол, годы.

Трудовые потекли
За неделями недели.
Люди силы напрягли
В овцеводческой артели.

Сына заменила мать,
На поле не уставая.
Вскоре письма присылать
Стала почта полевая.

Чем быстрее письма шли,
Тем сильнее мы грустили:
Недруги родной земли
Ближе, ближе подходили.

Но когда в сорок втором
С немцем бились под Моздоком,
Мы сказали: «Не уйдем,
Победим в бою жестоком!»

Укрепляли млад и стар
Рубежи прифронтовые,
И отправлен был Омар
На работы тыловые.

Он приехал в Хасав-юрт:
Здесь возводят оборону.
Облаков несется гурт
По седому небосклону.

Думает Омар: «Мой брат
Бьет фашистов подо Ржевом.
Под Кавказом, с братом в ряд,
Встал я с тем же грозным гневом».

Отдых. С горцами во тьме
Разговор ведут горянки.
Старец в шелковой чалме
Пробирается к землянке.

Он не видит, тьмой объят,
Что за ним, в ночном безлюдье,
Горцы пристально следят,
Как солдаты и как судьи.

«Дедушка, откуда вы?»
— «С гор. Приехал к сыну в гости».
— «Где он?» — «Не нашел, увы,
Всё ищу, и ноют кости».

— «Как живут у вас в горах?»
— «Всюду плохо, всюду слезы,
В Чох зайди или в Хунзах —
Развалились все колхозы.

Горе ждет нас впереди,
Горец душу здесь погубит.
Гитлер грозен, как мухди,
Головы неверным рубит...»

Кто-то крикнул: «Эй, скажи,
Чалмоносная собака,
Кем подкуплен ты, хаджи,
Как ты вынырнул из мрака?»

— «Пусть товарищ комиссар
Потолкует с ним немного!»
Подошел тогда Омар,
Подошел и молвил строго:

— «Братья! Этот человек
Мне давно знаком, поверьте,
Это тесть мой — Султан-бек,
Он достоин черной смерти.

Вместе с вами, дети гор,
Обращусь я к комиссару,
И исполнить приговор
Поручит он мне, Омару».

...Султан-бек, бандит в чалме,
Был расстрелян на рассвете.

Обо всем Омар в письме
Сообщил жене и детям.

Честный сын Кавказских гор,
Пахарь в трудовой шинели,
Он исполнил приговор
Как солдат, как член артели.

«Мой Али, мой младший брат,
Бьет фашистов подо Ржевом.
Ныне встал я с братом в ряд
С тем же чувством, с тем же гневом.

Мы приблизим светлый час,
И враги падут во прахе. . .» —
Так писал он, а Кавказ
В снеговой сиял папахе.

Мнилось: видел исполин,
Вдаль смотря, уже в те годы,
Как в поверженный Берлин
Входят воины свободы.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

На машине грузовой,
Под брезентом, чтоб не дуло,
Возвращается домой
Житель горного аула.

Выплыл месяц молодой,
Скалы, скаты обозначив;
Из Германии домой
Едет старшина Хирачев.

И глядит вперед Али:
Перед ним — простор осенний,
Огоньки горят вдали
Многоярусных селений.

Эти сакли в вышине,
Что над пропастью нависли,

Часто видел он во сне
На Дунае и на Висле.

Чужеземных всех столиц
Кажутся ему красивей
Эти сакли, что зажглись,
Освещенные Россией.

Здесь народ родной окреп,
По-советски жизнь устроив.
Это что? Аул Мегеб,
Давший четырех Героев.

Огоньки наверх бегут,
Вьется путь, и сердце бьется:
До колхоза «Честный труд»
Триста метров остается.

Быстро прыгнул старшина.
Всё, что сердцу мило, всё там —
Дети, мать, друзья, жена, —
Вон за этим поворотом.

Нежно лунный свет блестит,
А на камне у чинары,
Как всегда, чабан сидит:
Караулит он кошары.

Бурка белая на нем,
Сдвинута папаха круто.
С этим стройным чабаном
Старшина знаком как будто.

Этот свет очей не раз
Вспоминал Али в разлуке, —
Обняли его тотчас
Эти трепетные руки.

Прочь, папаха, ты не прячь
Дважды обвитые косы!
Всё слилось, и смех, и плач,
И ответы, и вопросы.

Он узнал свою жену
В чабане, под буркой белой.
К сердцу он прижал Айну,
И оно в груди запело.

«Не признал бы до сих пор,
Если б сам не убедился,
Что чабан из наших гор
Женщиной на свет родился!»

— «Если горец-старшина
Наносил врагам удары,
Почему ж его жена
Не могла пасти отары?»

Ныне дочь, жена и мать
В бурку и в шинель одеты! —
И посыпались опять
И вопросы, и ответы.

Он услышал про детей
И про мать — здоровы, живы.
Грустных много новостей:
Наш аул трудолюбивый

Восемь потерял сынов,
Вечную познавших славу:
Тот погиб в боях за Псков,
Тот — в боях за Братиславу,

Тех — замучили враги
Там, на каторге тяжелой.
Возвратился без ноги
Зайнутдин — директор школы. . .

Горе на сердце легло,
Но в руках спорится дело, —
Всё живое расцвело,
И земля помолодела.

Многого колхоз достиг,
Хороши, отрадны вести:

Много он теперь настриг
Тонкой, полугрубой шерсти!

Проведен в горах канал,
Хлынули воды потоки,
Зеленея, заблистал
Сад мичуринский широкий,

Свой в ауле виноград, —
Изменяется природа.
Много светится наград
На черкеске овцевода.

Орден есть и на груди
У Омара-тракториста.
Утро счастья впереди
Разгорается лучисто...

* * *

Рассказать, как жил Али,
Отдыхая две недели,
Как на встречу с ним пришли
Люди всей родной артели,

Как готовила хинкал
Постаревшая Патина,
Как старуху поздравлял
Тамада с приездом сына?

Нет, с того пойдет рассказ,
Как Муса пришел к соседу,
Как зимой, в полночный час,
Вел старик с Али беседу:

«Я слышал твои слова,
Только понял их не очень.
Эй, лихая голова,
Чем, скажи, ты озабочен?

В праздник в гости не пришел,
А потом сказал с восторгом,
Что над книгой ты провел
Праздничную ночь с парторгом.

Разве дело пастуха
Строить ферму племенную?
Иль товарная плоха?
Сам себе не растолкую.

Крепок наш колхоз, хорош,
Повсеместно уважаем.
Здесь нужды ты не найдешь,
Здесь не встретишься с лентяем.

Ну, чего тебе желать?
Проживешь ты без печалей:
На твоей черкеске пять
Орденов и пять медалей.

Откровенным будь с Мусой:
Недоволен ты иль болен?»
— «Дагестанскую овцой,
Друг Муса, я недоволен.

Много ль шерсти нам дает?
Два, от силы, килограмма.
А овцы велик приплод?
Невелик, скажу я прямо.

Долго ль будем, старина,
Мы надеяться на случай?
Наша местная должна
Стать породой наилучшей».

Закричал Муса: «Вконец
Ты рехнулся! Дело худо!
Как, не ценишь ты овец
С курдюками в два-три пуда?

Так их сотворил аллах,
Изменить нельзя породу.
Пусть растут врагам на страх
И на радость овцеводу.

Никогда не соглашусь
Я с твоей затеей жалкой:

Лучше вовсе распрошусь
Со своей пастушьей палкой.

Вот совет мой: для страны
Потрудись, как ты трудился!»
— «Надо — лучше: я с войны
Коммунистом возвратился».

* * *

Там, где тропы мчатся вверх
Над заоблачной красою,
Породнился «вюртемберг»
С горской жирною овцою.

И в газете мы прочли
Весть, приятную народу:
Знатный бригадир Али
Вывел новую породу.

Академики сочли
Этот вид весьма богатым;
Будет, говорят, Али
Сталинским лауреатом.

Тонкорунных двух ягнят
Вместе с чабаном засняли.
Этот снимок, говорят,
Напечатан был в журнале.

Говорят, что тот журнал
Из селенья шел в селенье,
Что старик Муса сказал:
«В этом есть произведеньи

Доля моего труда, —
Нахожу я в нем усладу.
Я помолодел, когда
Я, Муса, вступил в бригаду.

Похвальбы я не терплю.
Не себя, друзья, — по праву
Я бригаду похваляю:
Потрудились мы на славу.

Не сарай, а дома
Для отары вознесли мы.
И сытнейшие корма
Для отары запасли мы.

Мы густые тополя
Посадили вокруг кутанов,
Чтобы ценная земля
Не боялась ураганов.

Мы направили поток
Бурной речки на кутаны.
Золотой электроток
Заработал, неустанный.

«В электричестве найдем, —
Людам я сказал, — опору».
Приступили мы потом
И к подбору, и к отбору.

Ну, и вывели овцу —
Тонкорунную красотку.
Вьется шерсть кольцо к кольцу —
Всем такую бы находку!

Имя дали ей: «Успех».
Не овца, а просто чудо:
Сразу же затмила тех —
С курдюками в два-три пуда.

Мы, седые, не глупцы,
Но, друзья, скажу по чести:
Я не знал, что от овцы
Получают столько шерсти.

Посмотрите на руно!
Сколько метров синей ткани
Из него сотворено
Ленинградскими станками!

Справили костюмы нам —
Щеголяет в них бригада:

То подарок чабанам
От рабочих Ленинграда.

Можно ль в светлые года
Нам работать с равнодушьем?
Не расстался б никогда
С посохом своим пастушьим!

Знаменит на целый мир,
Многим мне Али обязан...»
Был доволен бригадир
Правильным таким рассказом.

Он спросил у чабана,
Окруженный всей бригадой:
«Нам какая цель видна?
Ты ответом нас порадуй».

— «Что гадать? — Муса сказал. —
Мы в труде не слабоваты:
Выпьем сладкий мед похвал
И прославимся стократы!»

— «Нет, неправ ты, старина.
Я, друзья, не против меда,
Но кружиться не должна
Голова у овцевода.

.

Мы не только за район —
Мы за всю страну в ответе,
За державу, чей Закон —
Справедливейший на свете.

Радостно отчизну-мать
Видеть в славе и расцвете,
И, когда хотите знать, —
Мы за целый мир в ответе!

Мы в ответе за друзей
Из Тираны, из Варшавы,
Приезжающих в музей
Нашей гордости и славы,

За буйнакский дом и сад,
Где, в году двадцатом, грозном,
Сталин, партии солдат,
О свободе весть привез нам.

Посвятим родной стране
Наши силы, наше знание...»

И на том о чабане
Кончу я свое сказанье.

Пусть в народ оно войдет,
Чтоб героя полюбили,
Пусть доскажет мой народ
Продолжение этой были.

1949—1950

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание является избранным собранием сочинений Гамзата Цадасы. Оно составляет лишь четверть всего поэтического наследия поэта, но в то же время охватывает все основные периоды его более чем полувекового творческого пути. Сборник включает в себя все лучшее из переведенного на русский язык. Многие произведения публикуются на русском языке впервые,¹ другие даются в новом переводе. Два стихотворения поэта («Сплетня» и «О друге Сулеймане») публикуются вообще впервые, так как обнаружены в архиве лишь в 1957 году. Таким образом, настоящее издание является значительно обновленным, наиболее полным из всех русских изданий Цадасы. Подавляющее большинство переводов в свое время Цадасой было авторизовано.

В сборнике три раздела: стихотворения, басни и сказки, поэмы. Внутри каждого раздела произведения расположены в хронологическом порядке. В определении дат особых затруднений не встречалось, так как эти даты указаны в основных прижизненных изданиях Цадасы. В тех же случаях, когда возникали сомнения в правильности тех или иных дат, составитель обращался к архиву поэта.

Рукописный фонд Цадасы пока еще не собран, вследствие чего многое из наследия поэта, особенно из дореволюционного, затеряно. До сих пор нет библиографии, регистрирующей первые публикации стихов Цадасы, хотя безусловно подавляющее большинство его произведений публиковалось в периодической печати; ведь первый собственный сборник стихов Цадаса смог выпустить лишь в 1934 году.

Основное издание произведений Гамзата Цадасы на аварском

¹ Стихотворения: «Горской бедноте», «Аулы, жаждущие воды», «Изахат и ее корова», «Протокол», «Газета «Горец» к читателям», «О рабочем классе», «Чудо», «Что сделали с бедной моей песней!», «Двурушник», «О друге Сулеймане», «Ответ молодому поэту», «На могиле Коста Хетагурова», «Лучами глаз твоих я ослеплен...», «Волчье Ущелье», «Маленькой Пати», «Из выступления на вечере», «Очки», «Слово овцы двуногому волку», «Шамиль», «О самоубийстве», «Сплетня», «Из цикла „Уроки жизни“», «Ленин», «Из блокнота»; басни: «Ревизия хомяка», «Волк и коза».

языке — Собрание сочинений в четырех томах. Махачкала, Даггиз, 1953—1956. (Ціадаса Хіамзат. Ункъго томалде данде гъарурал асарал. Махіачхъала, Дагхиз, 1953—1956). Основные переводные сборники:

Г а м з а т Ц а д а с а. Горные вершины. М., «Советский писатель», 1947.

Г а м з а т Ц а д а с а. Избранное. Махачкала, изд. Дагестанской базы Академии наук, 1947.

Г а м з а т Ц а д а с а. Избранное. М., «Советский писатель», 1950.

Г а м з а т Ц а д а с а. Избранное. М., «Советский писатель», 1951.

Г а м з а т Ц а д а с а. Стихи, сказки, басни. М., Детгиз, 1952.

Г а м з а т Ц а д а с а. Избранное. М., Гослитиздат, 1955.

В составлении примечаний принимал участие Г. Г. Гамзатов.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Стихи о харчевне (стр. 53). Одно из популярнейших ранних стихотворений поэта. Поводом для его написания послужил действительный факт. Хозяин харчевни в Хунзахе попросил Цадасу сложить «рекламную» песню, восхваляющую это заведение. Цадаса написал острую сатиру. Узнав, какова получилась песня, торгош предлагает поэту в подарок оседланного коня (богатство в горах в ту пору), только бы песня не была обнародована. Однако, как вспоминает об этом Цадаса в своей поэме «Моя жизнь»: «Слово, вытетен из уст, перевалит через горы, и стихи мои ушли в неоглядные просторы». *Лес надо сплавить весною* — аварская поговорка, соответствующая русской: «Куй железо, пока горячо».

Дибир и хомяк (стр. 56). *Для слабых — бульжник, для сильных ты — вата, для нищих — репье, Для богатых ты — мед* — аварская поговорка. *Законы судьбы никогда не осилим, Веленьям творца покоряется мир* — ироническое цитирование обычных формул мусульманской религиозной проповеди.

Горской бедноте (стр. 59). Стихи обращены к той части горской бедноты, которая слепо пошла за «имамом» Гоцинским, поднявшим в 1920—1921 гг. знамя контрреволюционного мятежа в горах. Они очень быстро распространились и в дни восстания оказали большое агитационное воздействие на массы. *Коль груза нет, так несподручно мне* — изречение одного знакомого Цадасы, которое благодаря этим стихам стало крылатым выражением.

Наставление (стр. 64). *Короглы и Кадил-Али* — реальные персонажи, аульные «ученые», полуграмотные арабисты.

Аулы, жаждущие воды (стр. 66). Одно из первых стихотворений поэта, посвященных конкретным фактам социалистического преобразования гор. Поводом послужило сооружение первого в Аварии водопровода в аулах Батлаич и Гиничуль.

Радиомачта на сакле соседа (стр. 68). Наряду со

стихами «Наставление» (1926) и «Кинжал» (1930) — первое из произведений поэта, переведенных на русский язык. *Что за шесты у соседа Хочбара? Разве он шейх?* Шестом на кровле отмечалось жилище шейха (главы религиозной секты). *Нет у Гамбата к циркачеству дара.* Дагестан издавна славится на Кавказе своими народными гимнастами-канатоходцами. *Хунзах* — старинный аварский аул, некогда резиденция аварских ханов, ныне районный центр. В двух километрах от него аул Цада, где родился и жил до 1941 г. Цадаса.

Чохто (стр. 69). Цадаса выступает против чохто (см. словарь) как символа женской отсталости (своего рода чадры). Под воздействием этого стихотворения многие горянки в 30-х годах сняли чохто. *Только когда проживет трое суток.* Горский этикет гостеприимства не разрешал спрашивать у незнакомого гостя, кто он и откуда. *Саблями люди сражаются в Чохе.* В аварском ауле Чох некогда существовал обычай грозить саблями в сторону соседнего аула Ругуджи, напоминая о вражде, настолько давней, что причин ее уже никто не помнил. *Водят иные вокруг поля барана.* Имеется в виду обряд, моление об урожае во время весенних полевых работ.

Мать, дочь и барышник (стр. 72). *Ты ишак, что ненароком изловил хвостом сороку.* У аварцев есть пословица об осле, который, отмахиваясь от оводов, поймал хвостом сороку (употребляется в значении нечаянной удачи).

Слово о кровной мести (стр. 73). *Кровь нигде не высыхает, долг нигде не пропадет* — аварская пословица (буквально звучит так: «Не забывается долг, не высыхает кровь»). *Харачи* — аул в Унцукульском районе ДагАССР. *Арак-Тау*, или Арак-меер — гора в Аварии. *Койсубу* — плодородная Унцукульская долина по реке Кой-су. *Хиндатль* — собирательное название аварских аулов, расположенных в теплых долинах, где занимаются выращиванием фруктов.

Речь старухи в день 8 марта (стр. 77). Одно из любимейших в горах стихотворений поэта. *Шли корзины к нему* и следующие две строки стали пословицами. *Он развода страшное слово сказал.* Достаточно было мужу трижды произнести вслух: «Отныне ты мне не жена» или: «Отныне ты моя сестра», — и развод по шариату (мусульманскому религиозному законодательству) считался совершившимся. *Топорище испачкал бычок* — поговорка, построенная на известном анекдоте о мулле Насреддине. (Мулла затеял тяжбу с богачом и, чтобы подкупить судью, подарил ему топор. Судья же решил дело в пользу богача, от которого получил в подарок бычка. Когда Насреддин спросил о топоре, судья ответил: «Топорище твоего топора бычок испачкал».)

Разговор с кинжалом (стр. 80). Тема стихотворения весьма характерна для дагестанской поэзии 30-х годов, когда партия и советская власть повели в горах кампанию за добровольный

отказ от ношения кинжала. Кампания открылась напечатанным в аварской газете «Маарулав» («Горец») стихотворением Магомета Саиди «К моему кинжалу». Есть подобные стихи и у даргинца Сагита Абдулаева и других поэтов. *Оброк получали ханы*. Имеется в виду право (адаг), по которому местные феодалы взыскивали с горца, получившего ранение, штраф в свою пользу. *Куюда* — аул кустарей-кинжалщиков.

Жалоба коров на пастуха Исмаила (стр. 82). *Буцра* — аул в Хунзахском районе. *Так умелые андийцы на продажу войлок мнут*. Аварский аул Анди славится выделкой лучших бурок из войлока особой мягкости и прочности.

О кинжале. Обращение к газете «Горец» (стр. 84). *Создает кинжал героя* — аварская и общедагестанская пословица («Одежда делает человека, оружие — героя»), запечатлевшая мораль воинствующих феодалов.

Старая свадьба (стр. 86). *Незаметно за кастрюлю мать взялась* — условный знак, что сватовство будет принято. *Пришивали к шубам кости и тряпье* — шуточный свадебный обычай (пришивали тайком, незаметно). *Голотль* — аул в Аварии.

Обычай гидатлинцев (стр. 89). *Гидатль, Кахиб* — аварские аулы.

Как куются люди (стр. 90). По-видимому — отклик на лозунг: «Кадры решают все».

Призыв культурмейцев (стр. 91). В начале 30-х годов был предпринят широчайший поход на темноту и бескультурье в горах. Дагестан вышел на одно из первых мест по Советскому Союзу в борьбе за всеобщую грамотность. П. Павленко, побывавший тогда в Дагестане, писал: «Став в 1920 году Советской республикой. Дагестан уже через десять лет посадил за учебу восемьдесят восемь тысяч детей и более ста тысяч взрослых, а к пятнадцатой годовщине Октября обучил грамоте двести пятьдесят тысяч человек, половину всего взрослого населения страны. В культсанштурме 1932 года участвовало двадцать тысяч культурмейцев. Такого нашествия грамотных на деревню еще не знала история». («Литературная газета», 1933, № 22, 11 мая). Стихотворение «Призыв культурмейцев» стало гимном армии аварских ликвидаторов неграмотности.

Изахат и ее корова (стр. 92). *Целмес* — аварский аул. «*Маарулав*» — название газеты («Горец»). «*Уголок удивительный*» — «Удивительный уголок» — страничка сатиры и юмора в этой газете.

«Убита куропатка белоснежная...» (стр. 96). Написано на смерть Зайнаб из аула Ахальча Хунзахского района. *Ищет Гагу бедная Мадина*. Имеются в виду персонажи старинного аварского предания о двух влюбленных птицах, разлученных друг с другом.

Песня о гибели моего коня (стр. 98). В 1933 г. единственного коня Цадасы насмерть придавило в хлеву у кунака рухнувшей кровлей. Домой поэту пришлось возвращаться пешком, а седло тащить на себе. *Множь на двадцать и четыре* — головоломка-шутка. Прием, иногда применяемый Цадасой при описании дат. Идет от устной поэзии.

Я хъ я (стр. 101). *И золой была посыпана дорога* — идиоматическое выражение, означает: проводили с позором.

Ссора (стр. 103). *Допусти на пятку вошь* — аварская поговорка. *Чондоглинцы* — жители аула Чондотль, которые славились как забияки и драчуны.

Письмо колхоза «Сталин-аул» единоличнику Али (стр. 104). В начале 30-х годов Цадаса принимал деятельное участие в организации колхозов в горах: разъезжал по аулам, выступал с речами и разъяснениями, читал стихи. Он одним из первых вступил в 1932 г. в цадинский колхоз. Был председателем ревизионной комиссии. *«Сталин-аул»* — первенец коллективного хозяйства в Дагестане. Сюда за опытом приезжали не только соседи-земляки, но и крестьяне других республик Кавказа. *Доска для молотбы* — примитивная горская молотилка в прошлом: тяжелая плоская доска с кремневыми зубьями, набитыми с нижней стороны.

Письмо автомобиля (стр. 105). *Гуниб* — старинный аварский аул (там в 1859 г. сдался в плен Шамиль). Сейчас районный центр.

Отец и сын о строительстве дорог (стр. 106). *Сардар* — правитель, здесь: царский чиновник. *Дорогу мы строили царскому сыну*. Осенью 1893 г. сын царя Александра III Георгий Александрович совершил поездку по Дагестану: был в Хунзахе, Гунибе и т. д. Для его проезда спешно строились дороги в горах (в частности также и на Хунзахском плато). *Гоцоб* — аул в Унцукальском районе ДагАССР.

Новые зубы (стр. 107). *Иванова и Хала* — врач и фельдшерка, лечившие поэта.

В Москву, товарищу (стр. 109). Стихи обращены к другу поэта Муслиму Атаеву (ум. 1937) — герою гражданской войны в Дагестане, позже крупному работнику Красной Армии. *Как буду в исполкоме заседать я*. Начиная с 1925 г. Цадаса в течение двадцати пяти лет неизменно избирался в депутаты Хунзахского районного совета.

О рабочем классе (стр. 110). Весной 1935 г. Цадаса, Стальский и кумыкский народный поэт А. Магомедов были в Москве в составе Дагестанской правительственной делегации, прибывшей на доклад правительству СССР в связи с 15-летием автономии

Дагестана. 19 мая делегация была принята М. И. Калининым. Цадаса рассказывал на приеме о прошлом Дагестана и о жизни колхозного крестьянства в горах. Побывали делегаты также у С. Орджоникидзе и А. И. Микояна. Показывали им достопримечательности Москвы, в том числе и большие промышленные предприятия.

На стойбище горных духов (стр. 113). Стихи написаны 6 апреля 1935 г. как отклик на событие, взволновавшее все аварские аулы: допризывники Хунзаха, проводя альпинистские занятия, поднялись на вершину Седло-горы. *Седло-гора* — Тлили-меер по-аварски — снеговая вершина близ Гуниба. С этой горой связано народное предание о горных духах — «будалах». *Гоготль* и *Голотль* — аулы на пути из Хунзаха к этой горе. *Аваристан* — Авария. *Жавхарат* и *Патимат* — девушки аварки, штурмовавшие гору вместе с юношами, участниками похода.

Чудо (стр. 116). На создание стихов Цадасу натолкнул подлинный факт, имевший место в аварском ауле Телетль. Случай этот послужил поэту для того, чтобы еще раз сатирически обличить аульных ханжей и святош.

Что сделали с моей бедной песней! (стр. 117). В аварской газете «Большевик гор» в 1935 г. к 15-летию автономии Советского Дагестана были напечатаны стихи Цадасы, посвященные этой дате. В стихах оказалось множество искажений и опечаток. Тогда Цадаса написал и послал в редакцию данное стихотворение. Через некоторое время газета опубликовала вторично, в исправленном виде, юбилейные стихи, а также и стихотворную «жалобу» поэта. *Чондотлинцы* — см. стр. 280. *Гуляка Мустафа* — персонаж стихотворения Цадасы «Ссора» (1933).

Жалоба сохи (стр. 119). К этому стихотворению реальный комментарий дает сама жизнь. На полях Хунзахского плато в наши дни работают не только тракторы, но и комбайн. А старая горская соха, действительно, выставлена как экспонат в одном из залов Дагестанского республиканского музея.

Двурушник (стр. 121). *Лжеимам* — Гоцинский, см. примечание к стихотворению «Горской бедноте».

Колхоз имени Сталина в селении Хунзах (стр. 122). Имеется в виду хунзахский колхоз-миллионер, и сейчас один из передовых в Дагестане, ежегодный участник Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, награжденный дипломами.

Застольная песня (стр. 124). В аварской поэзии застольная песня — новый жанр, введенный Цадасой.

Хандулай на курорте (стр. 125). Стихотворение-шутка посвящено совместному пребыванию поэта и его жены Хандулай на курорте в 1937 г. Как это часто бывало с произведениями Ца-

дасы, написанными по конкретному поводу, получило широкое общественное звучание.

Памяти Сулеймана Стальского (стр. 129). *Сулейман Стальский* (1869—1937) народный поэт Дагестана, основоположник лезгинской советской поэзии, оказавший значительное влияние и на всю дагестанскую литературу. Был неграмотен, стихи слагал устно. Стихотворения Цадасы написаны на смерть Стальского, с которым его связывала творческая дружба.

О друге Сулеймане (стр. 130). Печ. впервые. Извлечено из архива поэта.

На могиле Коста Хетагурова (стр. 131). Цадаса был в Осетии дважды, впервые — в 1939 году, когда отмечалось 80-летие со дня рождения Коста. В эту первую поездку Цадаса присутствовал при закладке памятника Хетагурову.

Махач Дахадаев (стр. 132). *Махач Дахадаев* (1879—1919) — выдающийся дагестанский революционер (аварец), погибший от рук денкикинских палачей. Его имя носит столица Дагестана — Махачкала (бывший Петровск-порт). Цадаса знал Дахадаева, не раз с ним встречался, слушал его выступления на митингах. В некоторых изданиях стихи ошибочно датируются 1919 г. *Гоцинский* — см. стр. 277.

Письмо из Талгов (стр. 134). *Талги* — известный в Дагестане курорт, расположенный в 19 км от Махачкалы. Возник в годы советской власти.

«Волчье Ущелье» (стр. 135). «*Волчье Ущелье*» — перевал по дороге в горный Дагестан.

Письмо семье из Москвы (стр. 136). *Выходит мой сборник на днях из печати* — речь идет о сборнике стихов Цадасы в переводах на русский язык, подготовленном Гослитиздатом. Военные события помешали выходу книги.

Водопровод в ауле Цада (стр. 137). Стихи являются как бы поэтическим завершением большой практической работы Цадасы по сооружению цадинского водопровода. Он был инициатором этого нового, трудного в горных условиях дела: увещевал маловеров, сам наблюдал за работами, привозил из города материалы и т. д. Когда в аул пришла вода, колхоз устроил праздник для всего района, и пир длился три дня. После смерти Цадасы бассейн у въезда в Цада сельчане украсили бюстом поэта работы скульптора-самоучки Али из Батлаича.

Когда цумадинцы завоевали Красное Знамя (стр. 138). Стихи посвящены строительству оросительного канала им. Ф. Дзержинского в Дагестане.

Листок календаря (стр. 140). *Тринадцатое ноября*. В этот день, в 1920 г. на I Чрезвычайном съезде народов Дагестана в Темир-Хан-Шуре (ныне Буйнакск) И. В. Сталин провозгласил автономию Дагестанской Советской Республики.

Праздник Свободы (стр. 141). Написано поэтом к 23-й годовщине Октябрьской революции.

Жизнь и родина (стр. 142). Стихи написаны до Великой Отечественной войны, но широкую известность приобрели после 22 июня 1941 г., когда они стали народной песней.

Колыбельная песня (стр. 144). Написана для первой внучки поэта — Патимат, дочери его старшего сына Магомеда, родившейся 17 февраля 1941 г.

Песня жены воина (стр. 145). Стихи созданы до Великой Отечественной войны.

Поэт Абуталиб Гафуров на трудовом фронте (стр. 146). *Абуталиб Гафуров* (род. 1882) — народный поэт Дагестана, выдающийся представитель лакской поэзии. В Великую Отечественную войну деятельно участвовал, невзирая на свой преклонный возраст, в строительстве оборонительных сооружений. Был награжден в 1942 г. орденом Трудового Красного Знамени. Этому и посвятил Цадаса стихи.

Маленькой Пати (стр. 148). Старший сын поэта Магомед еще до рождения своей дочери Пати, в 1941 г., ушел в ряды Красной Армии, а затем с началом войны — на фронт. В 1943 г. Цадаса получил извещение из г. Балашова о том, что сын его находится в тяжелом состоянии в госпитале. Приехав, он уже не застал Магомеда в живых. Об этом и рассказывают стихи, обращенные к внучке — маленькой Пати.

Из выступления на вечере, посвященном пятидесятилетию творчества Гамзата в г. Махачкале в 1944 г. (стр. 151). В основе стихотворения лежит народная притча.

Очки (стр. 151). *Чтоб волка напугать* — аварская поговорка.

Слово овцы двуногому волку (стр. 152). С этими стихами Цадаса выступил в 1944 г. на республиканском совещании животноводов в Махачкале. Стихам была предпослана речь поэта. Опубликованные затем в газете, они получили широкий отклик в горах.

Новому году (стр. 153). Жанр новогоднего стихотворного послания впервые введен в аварскую поэзию Цадасой (до Октябрьской революции новый год у горцев как праздник не отмечался).

Шамиль (стр. 155). Стихи являются откликом Цадасы на появившуюся в конце 1945 г. в газете «Дагестанская правда» рецензию о пьесе аварского драматурга М. Хуршилова «Шамиль». В рецензии движение Шамиля расценивалось как реакционное. Цадаса, относившийся к Шамилю с уважением, как к национальному герою, выражал по поводу рецензии негодование в своих стихах.

Октябрь (стр. 156). Написано к 30-летию Октября.

Жалоба моей жены (стр. 158). *Когда б в Талгах тарелок я не была* — см. шуточное стихотворение Цадасы «Хандулай на курорте». *Он — юбилар*. В 1947 г., когда написаны стихи, отмечалось 50-летие творческой деятельности поэта.

О самоубийстве (стр. 159). Поводом для написания стихотворения послужило самоубийство юноши студента, сына соседей Цадасы.

Сплетня (стр. 162). Печ. впервые. Найдено в архиве поэта.

Моей бедной пьесе (стр. 163). В 1947 г. Цадаса написал комедию «Женитьба Кодотава». Пьеса возникла как живой творческий отклик на прошедший тогда пленум Дагестанского обкома КПСС, посвященный работе среди женщин. В пьесе остроумно осмеяно и осуждено предавались моральное и бытовое разложение, многоженство. «Женитьба Кодотава» попала к рецензенту, переменившему несколько жен, и вопрос о ней решался людьми с такой же личной биографией. В результате она была отвергнута. (Ошибка затем была исправлена. Пьеса эта и поныне с успехом идет на сцене Аварского гос. театра им. Г. Цадасы.)

На смерть близкого человека (стр. 164). Стихи предпочтительно связывают с тяжелой утратой поэта — смертью любимого старшего сына — Магомеда, участника Сталинградской битвы (скончался в госпитале в 1943 г.).

Старость и болезнь (стр. 165). *Безрукавная рубаша* — саван. *Неоседланный конь* — погребальные носилки.

Из цикла «Уроки жизни» (стр. 167). Цикл «Уроки жизни», который Цадаса называл поэмой, представляет собой цепь четверостиший-афоризмов, написанных восьмисложным силлабическим стихом с парной или перекрестной рифмой. Четверостишия эти не связаны сквозным действием, и по содержанию их можно было бы сгруппировать в условные разделы: «Человек и общество», «Дружба», «Семья», «Разум», «Язык».

За мир! (стр. 168). Цадаса прочел это стихотворение на вечере поэтов — участников I Всесоюзной конференции сторонников мира, делегатом которой от Союза писателей СССР он являлся. *Шаумян* Степан Георгиевич (1878—1918) — выдающийся деятель Коммунистической партии, один из 26 бакинских комиссаров, расстрелянных английскими интервентами.

пьеса для детей (по басне Цадасы) шла в 1945 г. в Дагестанском кукольном театре.

Обезьяна и плотник (стр. 188). Сюжет из «Калилы и Димны».

Сказка о голубке с лазоревой шейкой и о вóроне, подружившемся с мышкой (стр. 189). Сюжет сказки восходит к «Калиле и Димне» («Глава о голубе-вахире, крысе, черепахе и газели»).

Дележ (стр. 192). Варианты сюжета бытуют в горском сказочном эпосе.

Сказка о зайце и льве (стр. 193). Сюжет восходит к «Калиле и Димне». Как и «Слон и муравей», экранизирована; в 1949 г. по этой сказке поставлен мультипликационный фильм.

Ослица и вол Магомы. Притча из «Книги тысяча и одной ночи».

О лисице-плутовке и волке-глупце (стр. 198). Сюжет распространен в сказочном горском эпосе.

Сон (стр. 200). *Каф-гора* — в горских сказаниях название Кавказского хребта. *Цор* — Кахетия, расположенная по соседству с Аварией. (Цор, или Чор — название ближайшего к Дагестану грузинского селения Цвор). *Немруд* (Немврод) — легендарный вавилонский властелин и охотник. Имя его известно горскому эпосу. *Суракат* — древний владетель Аварии. Резиденция Сураката — Тануси — и ныне существующее селение рядом с аулом Цада. *Хворь я встретил в белом платье*. По старым аварским поверьям, болезнь ходит от аула к аулу в белом платье. Если умастить ей ноги маслом, она уйдет, не тронув людей.

О сел Хаджи (стр. 202). Сюжет — из широко известного на Востоке цикла анекдотов о мулле Насреддине (см., например, «Молла Насреддин». Баку, 1957, стр. 227).

Кто слушается брюха, тот голову теряет (стр. 205). Любопытно отметить, что Демьян Бедный не только перевел эту басню Цадасы, но и творчески использовал ее сюжет в написанной им басне «Жила-была собака» (1944).

Мулла и обманщики (стр. 207). Сюжет восходит к «Калиле и Димне». *Курбан-байрам* — праздник жертвоприношения. В этот день в каждом мусульманском доме резали скот. *Он дома свой халат обмазал глиной*. Собака у мусульман — животное нечистое; посуду, которую лизнула собака, мыли семь раз, в седьмой раз — с глиной.

Вор-примиритель (стр. 210). Сюжет восходит к «Калиле и Димне».

Волк и коза. Древний сюжет. Есть в «Книге занимательных историй» Абуль-Фараджа (1226—1286).

ПОЭМЫ

Моя жизнь

(стр. 217)

Появлению поэмы в данной редакции предшествовал ее краткий вариант, написанный в 1934 г. («Метла адатов», Махачкала, 1935). Это поэтическое жизнеописание Цадасы весьма точно по фактам. В 1947 г. поэт дописал к поэме главу о Великой Отечественной войне, оставшуюся непереведенной. *Трижды двадцать и один* — прием, обычный в поэзии Востока: метафора-загадка. *Тлярота* — аул на реке Аварская Койсу. *Без вести пропал отец* и т. д. — иносказание. Мать Цадасы умерла вслед за отцом. *Тук* — здесь: удобрение. *Принес мне клевер вести* — обычай у молодежи загадывать на клевере имя любимой. *Хандулай* — жена Цадасы. *Наверху, взамен совы, поселилась голубица*. Голубь у аварцев символ счастья, новизны, света; сова — беды, несчастья. *Я не связывал, молясь*. У аварских овцеводов существовало поверье, что узелки, завязанные на веревке во время молитвы, охраняют стадо от волка. *Сабли, шкуры лошадей не таскал я*. Имеется в виду обряд изгнания «нечистой силы» (саблей обводилась вокруг аула черта и по ней тащили шкуру лошади). *Яму я не рыл в земле*. Для «избавления от мора» муллы, читая молитвы, пропускали людей через дыру, вырытую в земле. *Не писал на черепках*. Имеется в виду «моление о дожде». Черепки с арабскими письменами раскладывались на земле в определенном порядке с целью вызвать дождь. *Узун-Хаджи* — шейх, один из главарей контрреволюции в Дагестане в годы гражданской войны. *Алиханов* — полковник царской армии, аварский князь. Вместе с Гоцинским был организатором контрреволюционного восстания в Дагестане. *Порт-Петровск* — старое название столицы ДагАССР — Махачкалы (дано было в честь Петра I, который в 1723 г. высадился здесь со своими войсками). *Темир-Хан-Шура* (ныне Буйнакск) — прежний административный центр Дагестана. *Большевик Хизроев* — Магомед-Мирза Хизроев (1882—1922), герой гражданской войны. Первый редактор первой аварской большевистской газеты «Красные горы» (в которой в 1921 г. сотрудничал Цадаса и где впервые печатались его стихи). *Махмуд* — см. стр. 285. *Чанка* (1860? — 1908) — выдающийся аварский лирик, предшественник Махмуда. Песни Чанки пользуются в Аварии большой любовью. *Меджнун* — герой романтической поэмы великого азербайджанского поэта XII века Низами «Лейли и Меджнун». Поэма рассказывает о трагической судьбе двух влюбленных. Меджнун — нарицательное имя влюбленного безумца в поэзии Востока.

Сказание о чабане

(стр. 224)

Глава вторая. *Сломана арба — дрова* и т. д. — пословица (бытует у многих дагестанских народов).

Глава пятая. *Жениха Айна тогда палочкою ударяет*. Ударом палочки по плечу девушка вызывает юношу на танец.

Глава шестая. *Койсу* — см. стр. 278.

Глава восьмая. *Породнился «вюртемберг»*. Речь идет о вюртембергской, богатой руном породе овец. *То подарок чабанам от рабочих Ленинграда*. Действительный факт: из шерсти, поставленной дагестанскими овцеводами, в Ленинграде был соткан шевиот, и отрезы его рабочие послали чабанам в подарок. *За буйнакский дом и сад*. Подразумевается дом в г. Буйнакске в котором происходил в 1920 г. I Чрезвычайный съезд народов Дагестана (И. В. Сталин объявил на этом съезде автономию Дагестанской Советской республики).

Стихотворения «О рабочем классе» (стр. 110), датированное маем 1935 г., и «На могиле Коста Хетагурова», датированное 1939 г. (стр. 131), по техническим причинам не могли быть помещены на соответствующее данной датировке место.

СЛОВАРЬ

- Адат* — старинный обычай, свод народных обычаев и народной юридической практики у мусульманских народов.
- Буза* — хмельной напиток.
- Годекан* — место, где собираются в свободное время мужчины на беседу (обычно на площади, в старину — у мечети).
- Дибир* — духовное лицо, одновременно исполняющее должность судьи.
- Джейран* — вид газели, распространенный на Кавказе.
- Дэвы* — сказочные чудовища.
- Кадий* — сельский мулла.
- Калам* — перо.
- Камча* — плеть.
- Карга* — детская игра с мячом.
- Кеньги* — теплая обувь.
- Киямат* — день страшного суда и воскресения из мертвых.
- Кровник* — у кавказских народов человек, находящийся в отношениях кровной мести с другим родом, семьей.
- Кунак* — друг, приятель.
- Кутаны* — зимние пастбища в прикаспийской равнинной части Дагестана.
- Меджлис* — собрание, съезд, совет.
- Мухди* — мессия; по мусульманским религиозным воззрениям, должен явиться перед концом света.
- Нарт* — герой-великан горского эпоса.
- Палас* — домотканый, безворсый шерстяной ковер.
- Саз* — струнный музыкальный инструмент.
- Салам* — привет.
- Суфий* — твердый в вере, набожный человек.
- Узденъ* — свободный крестьянин.
- Хакик* — животное, которое режут для поминок по умершему.
- Хинкал* — распространенное в горах кушанье, род галушек из кукурузной муки, которые едят с вареным бараньим мясом, с бараньим салом или чесночной подливкой; иногда хинкалом называют пельмени.

Хурджины — ковровые, ручного тканья, переметные сумы.

Чарьки — горская обувь из сыромятной кожи.

Чача — виноградная водка.

Чембур — длинный повод уздечки.

Чонгури — струнный музыкальный инструмент.

Чохто — у аварок из аула Анди старинный головной убор в виде высокой подушки, набитой шерстью. Поверх него надевался большой платок с украшениями из монет.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Фронтиспис. Гамзат Цадаса. Фотография. 1935.

Между стр. 96 и стр. 97. Гамзат Цадаса среди московских писателей. Справа налево: П. Павленко, В. Луговской, Н. Тихонов, Г. Цадаса, А. Магомаев — красный партизан, военком Хунзахского района. Фотография. 1933.

Между стр. 96 и стр. 97. Обложка сборника стихотворений Г. Цадасы «Метла адатов». 1934.

Между стр. 160 и стр. 161. Первые народные поэты Дагестана. Слева направо: Гамзат Цадаса (аварец), Абдулла Магомедов (кумык), Сулейман Стальский (лезгин). Фотография. 1934.

Между стр. 160 и стр. 161. Бюст Гамзата Цадасы, установленный на родине поэта в ауле Цада. Скульптор — колхозник из Батлаича Али Гаджиев.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

- Апрель («Апрель, будь счастлив — и прощай...») 182
Аулы, жаждущие воды («Гиничутль, и Батлаич...») 66
- Батыр и Хабир («Жил хан — какого, не припомню, ханства...») 211
«Бежит у нас в ущелье...» (Электростанция в Хунзахе) 174
«Большой был простак Хаджи...» (Осел Хаджи) 202
«Братья, я знаю: ко мне, старику...» (Сон американского миллиардера) 172
«Бросай науку, горец, поскорей!...» (Наставление) 64
«Было ли, не было это...» (Сказка о зайце и льве) 193
- «В базарный день, купив козу к Курбан-байраму...» (Мулла и обманщики) 207
В день моего семидесятилетия («Что за люди, ты взгляни!...») 157
В Москву, товарищу («С тобой мы распрощались не без боли...») 109
«В нем сто домов, в ауле Қахаб-Росо...» (Поэту Махмуду) 178
«В работе мы зря не теряли минут...» (Когда цумандинцы завоевали Красное Знамя) 138
«В славном двадцатом веке...» (Колхоз имени Сталина в селении Хунзах) 122
«В храбреца, чей подвиг смелый...» (Шамиль) 155
«Вай, бедняга, друг любезный...» (Сплетня) 162
Весна (Из блокнота. «Весна халат зеленый свой надела...») 183
«Внучка в наш явилась дом...» (Колыбельная песня) 144
Водопровод в ауле Цада («Горную воду наука в аул привела!...») 137
«Воду радостей живых, ту, что старит молодых...» (Застольная песня) 124
Волк и коза («Изловчилась коза и однажды забралась на высокую крышу...») 214
«Волчье Ущелье» («Часы идут. Я жду рассвета молча...») 135
Вор-примиритель («Толки меж людьми пошли...») 210
«Вот странно — кто же умер из близких у зимы?...» (Стихи о теплой зиме) 120

Время (Из блокнота. «Достойно дни учения цены...») 183
Всему своя мера. И должен, к примеру...» (Из цикла «Уроки жизни») 167

Газета «Горец» к читателю («Я — «Горец»...») 95
«Гиничутль, и Батлаич...» (Аулы, жаждущие воды) 66
Говорит нефть («Никакие инженеры прежде...») 176
«Год у нас выдался впрямь небывалый...» (Теленок заговорил) 115
«Горную воду наука в аул привела!...» (Водопровод в ауле Цада) 137
Горской бедноте («Эй, труженик, товарищ наш бедняк...») 59
«Гостья приехала, — в дом не влезает...» (Чохто) 69

«Да здравствует, конечно, наш райсобес!...» (Письмо лошади хунзахского райсобеса Гамзату Цадасе) 111
Двурушник («Покрась лицо, потупь смиренно взгляд...») 121
Дележ («Раз охотиться пошел...») 192
«День знамен победоносных...» (Что за день сегодня?) 128
Либир и хомяк («Жена говорит: „Мне обидно до боли...“») 56
«До того как на завод...» (О рабочем классе) 110
«Дождик хлынул навесной...» (Слон и муравей) 186
«Достойно дни учения цены...» (Из блокнота. Время) 183

«Едва лишь по Москве промчалась весть...» (За Москву!) 143
«Есть ли люди между небом и землей...» (Яхья) 101
«Есть слово Сталина. С него...» (Как куются люди) 90

Жалоба коров на пастуха Исмаила («О прискорбном этом деле рассказать давно пора...») 82
Жалоба моей жены («Иной, на службе сделавши карьеру...») 158
Жалоба сохи («Отошли давно назад...») 119
«Жена говорит: „Мне обидно до боли...“» (Дибир и хомяк) 56
Жизнь (Из блокнота. «Не ценящий меня, пока не поздно...») 183
Жизнь и родина («Отец мой, в лихую годину войны...») 142
«Жил хан — какого, не припомню, ханства...» (Батыр и Хабир) 211
«Жила-была лисица...» (Лисица и лисенок) 208
«Жила-была собака...» (Кто слушается брюха, тот голову теряет) 205

За мир! («Над могилой братской шепчут травы...») 168
За Москву! («Едва лишь по стране промчалась весть...») 143
«Забываем мы адаты, предрассудки прошлых лет...» (Старая свадьба) 86
«Зайцам — степи...» (Сон) 200
Застольная песня («Воду радостей живых, ту, что старит молодых...») 124
«Здравствуй, праздник Свободы...» (Праздник Свободы) 141
Знамя жизни («Кто добрый дар отверг, бесясь от жира...») 169

Из блокнота. 183
Жизнь («Не ценящий меня, пока не поздно...») 183
Время («Достойно дни учения цены...») 183

- Труд («Тому, чья летом не кипит башка...») 151
- Весна («Весна халат зеленый свой надела...») 151
- О басне («Хоть бессловесны звери все и птицы...») 151
- К блокноту («Как хорошо, что ты со мной, блокнот...») 151
- Из выступления на вечере, посвященном пятидесятилетию творчества Гамзата в г. Махачкале в 1944 г. («Конь ударом копыта матерого волка убил...») 151
- Из цикла «Уроки жизни» 167
- «На рынках закон существует издревле...»
- «Всему своя мера. И должен, к примеру...»
- «На юношу смотрю не без надежды...»
- «Того, кто тянется к низам...»
- Изахат и ее корова («Я случай смешной...») 92
- «Изловчилась коза и однажды забралась на высокую крышу...» (Волк и коза) 214
- «Иной, на службе сделавши карьеру...» (Жалоба моей жены) 158
- Иса и Сурхай («Ну и дела, не жизнь, а чудеса...») 99
- «Исал Магома, что из мертвых воскрес...» (Чудо) 116
- К блокноту (Из блокнота. «Как хорошо, что ты со мной, блокнот...») 184
- «Как будто гром над нами прогремел...» (Памяти Сулеймана Стальского. 1) 129
- Как куются люди («Есть слово Сталина. С него...») 90
- «Как нахлынет на меня...» (Сказание о чабане) 224
- «Как хорошо, что ты со мной, блокнот...» (Из блокнота. К блокноту) 184
- «Каким бы ясным ни был мысли ход...» (Памяти Сулеймана Стальского. 2) 129
- Книга («Ты с книгою дружи, чьи щедрые листы...») 139
- Когда передали по радио о награждении Гамзата орденом Трудового Красного Знамени («Сегодня, первого февраля...») 133
- «Когда твое лицо охладевало...» (На смерть близкого человека) 164
- Когда цумандинцы завоевали Красное Знамя («В работе мы зря не теряли минут...») 138
- Кого выбирать в Советы («Тень от палки кривой...») 62
- Колхоз имени Сталина в селении Хунзах («В славном двадцатом веке...») 122
- Колыбельная песня («Внучка в наш явилась дом...») 144
- «Конь ударом копыта матерого волка убил...» (Из выступления на вечере, посвященном пятидесятилетию творчества Гамзата в г. Махачкале в 1944 г.) 151
- «Кровь нигде не высыхает...» (Слово о кровной мести) 73
- «Кто добрый дар отверг, бесясь от жира...» (Знамя жизни) 169
- «Кто сказал, что Ленина нет?...» (Ленин) 171
- Кто слушается брюха, тот голову теряет («Жила-была собака...») 205
- «Кто, собой торгуя, палку вставил...» (О врагах мира) 156
- Ленин («Кто сказал, что Ленина нет?...») 171
- Лисица и лисенок («Жила-была лисица...») 208

- Листок календаря («Я — праздник, дарованный нашим вождем...») 140
 «Лучами глаз твоих я ослеплен...» 132
- Маленькой Пати («Прошу тебя, внучка...») 148
 Мать, дочь и барышник («Мать, ответь, кто гость тот важный, что приехал к нам вчера?») 72
 Махач Дахадаев («Мы не забудем, как ты выступал...») 132
 «Медведь, кабан, лиса и заяц...» (Ревизия хомяка) 212
 Мечтатель-пастух («Славился в старом Хунзахе пастух...») 185
 «Милые дочери! Слово я взять хочу...» (Речь старухи в день 8 марта) 77
 Мир сильнее войны («Мне за семьдесят, я старик...») 170
 «Мне рассказывала бабка о событии таком...» (Ослица и вол Магомы) 197
 Моей бедной пьесе («Это просто наказание...») 163
 Моя жизнь («Я рожден от Магомы в несчастливом, бедном доме...») 217
 Мулла и обманщики («В базарный день, купив козу к Курбан-байраму...») 207
 «Мы — воины культурного похода...» (Призыв культурмейцев) 91
 «Мы не забудем, как ты выступал...» (Махач Дахадаев) 132
- На могиле Коста Хетагурова («Сколько никчемных вскормила земля!») 131
 «На рынках закон существует издревле...» (Из цикла «Уроки жизни») 167
 На смерть близкого человека («Когда твое лицо охладевало...») 164
 На стойбище горных духов («Нас было двадцать восемь человек...») 113
 «На юношу смотрю не без надежды...» (Из цикла «Уроки жизни») 168
 «Над могилой братской шепчут травы...» (За мир!) 168
 «Нам бесплатные путевки...» (Письмо из Талгов) 134
 «Нас было двадцать восемь человек...» (На стойбище горных духов) 113
 Наставление («Бросай науку, горец, поскорей!») 64
 «Не ценящий меня, пока не поздно...» (Из блокнота. «Жизнь») 183
 «Несчастье с песнею моей...» (Что сделали с моей бедной песней!) 117
 «Нет весточки долго, мой друг, от тебя...» (Песня жены воина) 145
 «Нет для вас рассказов новых...» (Хандулай на курорте) 125
 «Никакие инженеры прежде...» (Говорит нефть) 176
 Новому году («Новый год, протяни мне по-дружески руку...») 153
 Новые зубы («Хвост пришить бесхвостый вол...») 107
 «Новый год, протяни мне по-дружески руку...» (Новому году) 153
 Ну и дела, не жизнь, а чудеса...» (Иса и Сурхай) 99
 «Ну-ка, разрешите мне...» (Протокол) 92
- О басне (Из блокнота. «Хоть бессловесны звери все и птицы...») 183
 О врагах мира («Кто, собой торгуя, палку вставил...») 156
 О друге Сулеймане («Хоть и познал он почести и славу...») 130

- О дружбе с оглядкой («Разве на свете нет верности, дружбы?..») 121
- О кинжале. Обращение к газете «Горец» («Я спрошу газету: что же...») 84
- О лисице-плутовке и о волке-глупце («Томится лиса от жажды...») 198
- «О прискорбном этом деле рассказать давно пора...» (Жалоба ко-ров на пастуха Исмаила) 82
- О рабочем классе («До того как на завод...») 110
- О самоубийстве («Приходит вечер, день уходит вдаль...») 159
- Обезьяна и плотник («Однажды в лесу мартышка...») 188
- Обычай гидатлинцев («Я бичевал обычаи дурные...») 89
- «Один прославленный народом зодчий...» (Язык мой — враг мой) 207
- «Однажды в лесу мартышка...» (Обезьяна и плотник) 188
- Октябрь («Теперь, на склоне лет, я постоянно...») 156
- «Они и тяжелы, и велики...» (Очки) 151
- Осел Хаджи («Большой был простак Хаджи...») 202
- Ослица и вол Магомы («Мне рассказывала бабка о событии та-ком...») 197
- «От хребта, где скрыт Хунзах...» (Поэт Абуталиб Гафуров на тру-довом фронте) 146
- Ответ молодому поэту («Я размышлят о жизни вечно новой...») 130
- Отец и сын о строительстве дорог («Полжизни, сынок мой, у гор на груди...») 106
- «Отец мой, в лихую годину войны...» (Жизнь и родина) 142
- «Отошли давно назад...» (Жалоба сохи) 119
- Очки («Они и тяжелы, и велики...») 151

Памяти Сулеймана Стальского 129

1. «Как будто гром над нами прогремел...»
 2. «Каким бы ясным ни был мысли ход...»
- «Певец, народа собеседник...» (Пушкину) 176
- Песня жены воина («Нет весточки долго, мой друг, от тебя...») 145
- Песня о гибели моего коня («Я пою печали песни. Горе у ме-ня...») 98
- Письмо автомобиля («Пути-дороги для меня...») 105
- Письмо из Талгов («Нам бесплатные путевки...») 134
- Письмо колхоза «Сталин-аул» единоличнику Али («Чуть зайдет обо мне, о колхозе, речь...») 104
- Письмо лошади хунзахского райсобеса Гамзату Цадасе («Да здравствует, конечно, наш райсобес!...») 111
- Письмо семье из Москвы («Хоть я, как вы знаете, здесь не впер-вые...») 136
- «Подойди, Али, ко мне...» (Старость) 180
- «Покрась лицо, потупь смиренно взгляд...» (Двурушник) 121
- «Полжизни, сынок мой, у гор на груди...» (Отец и сын о строи-тельстве дорог) 106
- «Послушайте сказку о братстве и дружбе...» (Сказка о голубке с лазоревой шейкой и о вороне, подружившемся с мышкой) 189
- Поэт Абуталиб Гафуров на трудовом фронте («От хребта, где скрыт Хунзах...») 146

- Поэту Махмуду («В нем сто домов, в ауле Кахаб-Росо...») 178
 Праздник Свободы («Здравствуй, праздник Свободы...») 141
 Призыв культурмейцев («Мы — воины культурного похода...») 91
 «Приходит вечер, день уходит вдаль...» (О самоубийстве) 159
 Протокол («Ну-ка, разрешите мне...») 92
 «Прошли времена, когда бремя...» (Разговор с кинжалом) 80
 «Прошу тебя, внучка...» (Маленькой Пати) 148
 «Пути-дороги для меня...» (Письмо автомобиля) 105
 Пушкину («Певец, народа собеседник...») 176
- Радиомачта на сакле соседа («Что за шесты у соседа Хочбара?») 68
 «Раз охотиться пошел...» (Дележ) 192
 «Разве на свете нет верности, дружбы?») (О дружбе с оглядкой) 121
 Разговор между колхозником Хочбаром и председателем Али («Эй, Али, ты нелюдим...») 161
 Разговор с кинжалом («Прошли времена, когда бремя...») 80
 Разговор со старостью («Ты сгибаешь слишком смело...») 166
 Ревизия хомяка («Медведь, кабан, лиса и заяц...») 212
 Речь старухи в день 8 марта («Милые дочери! Слово я взять хочу...») 77
- «С тобой мы распрощались не без боли...» (В Москву, товарищу) 109
 «Салам-алейкум, друг Муртазали...») 181
 Салют («Слышны в Дагестане...») 150
 «Сегодня, первого февраля...» (Когда передали по радио о награждении Гамзата орденом Трудового Красного Знамени) 133
 Сказание о чабане («Как нахлынет на меня...») 224
 Сказка о голубке с лазоревой шейкой и о вороне, подружившемся с мышкой («Послушайте сказку о братстве и дружбе...») 189
 Сказка о зайце и льве («Было ли, не было это...») 193
 «Сколько никчемных вскормила земля!...)» (На могиле Коста Хетагурова) 131
 «Славился в старом Хунзахе пастух...» (Мечтатель-пастух) 185
 Слово о кровной мести («Кровь нигде не высыхает...») 73
 Слово овцы к двуногому волку («Я с тобой, Али, поговорить хотела...») 152
 Слон и муравей («Дождик хлынул навесной...») 186
 «Слышны в Дагестане...» (Салют) 150
 Сон американского миллиардера («Братья, я знаю: ко мне, старику...») 172
 Сон («Зайцам — степи...») 200
 Сплетня («Вай, бедняга, друг любезный...») 162
 Ссора («Эй, гляди-ка, Мустафа...») 103
 Старая свадьба («Забываем мы адаты, предрассудки прошлых лет...») 86
 Старость и болезнь («Я от гостей не знал отбоя...») 165
 Старость — молодость («Я старости не покорюсь...») 158
 Старость («Подойди, Али, ко мне...») 180
 Стихи о теплой зиме («Вот странно — кто же умер из близких у зимы?») 120

- Стихи о харчевне («Что правда, то правда: любую затею...») 53
- Теленок заговорил («Год у нас выдался впрямь небывалый...») 115
- «Тень от палки кривой...» (Кого выбирать в Советы) 62
- «Теперь, на склоне лет, я постоянно...» (Октябрь) 156
- «Того, кто тянется к низам...» (Из цикла «Уроки жизни») 168
- «Толки меж людьми пошли...» (Вор-примиритель) 210
- «Томится лиса от жажды...» (О лисице-плутовке и о волке-группе) 198
- Труд (Из блокнота. «Тому, чья летом не кипит башка...») 183
- «Ты с книгою дружи, чьи щедрые листы...» (Книга) 139
- «Ты сгибаешь слишком смело...» (Разговор со старостью) 166
- «Убита куропатка белоснежная...» 96
- Хандулай на курорте («Нет для вас рассказов новых...») 125
- «Хвост пришить бесхвостый вол...» (Новые зубы) 107
- «Хоть бессловесны звери все и птицы...» (Из блокнота. О басне) 183
- «Хоть и познал он почести и славу...» (О друге Сулеймане) 130
- «Хоть я, как вы знаете, здесь не впервые...» (Письмо семье из Москвы) 136
- «Часы идут. Я жду рассвета молча...» («Волчье Ущелье») 135
- Что за день сегодня? («День знамен победоносных...») 128
- «Что за люди, ты взгляни!...» (В день моего семидесятилетия) 157
- «Что за шесты у соседа Хочбара?...» (Радиомачта на сакле соседа) 68
- «Что правда, то правда: любую затею...» (Стихи о харчевне) 53
- Что сделали с моей бедной песней! («Несчастье с песнею моей...») 117
- Чохто («Гостыя приехала, — в дом не влезает...») 69
- Чудо («Исал Магома, что из мертвых воскрес...») 116
- «Чуть зайдет обо мне, о колхозе, речь...» (Письмо колхоза «Сталин-аул» единоличнику Али) 104
- Шамиль («В храбреца, чей подвиг смелый...») 155
- «Эй, Али, ты нелюдим...» (Разговор между колхозником Хочбаром и председельсовета Али) 161
- «Эй, гляди-ка, Мустафа...» (Ссора) 103
- «Эй, труженик, товарищ наш бедняк...» (Горской бедноте) 59
- Электростанция в Хунзахе («Бежит у нас в ущелье...») 174
- «Это просто наказанье...» (Моей бедной пьесе) 163
- «Я бичевал обычаи дурные...» (Обычай гидатлинцев) 89
- «Я — «Горец»...» (Газета «Горец» к читателю) 95
- «Я от гостей не знал отбоя...» (Старость и болезнь) 165
- «Я пою печали песни. Горе у меня...» (Песня о гибели моего коня) 98
- «Я — праздник, дарованный нашим вождем...» (Листок календаря) 140

- «Я размышлял о жизни вечно новой...» (Ответ молодому поэту) 130
- «Я рожден от Магомы в несчастливом, бедном доме...» (Моя жизнь) 217
- «Я с тобой, Али, поговорить хотела...» (Слово овцы к двуногому волку) 152
- «Я случай смешной...» (Изахат и ее корова) 92
- «Я спрошу газету: что же...» (О кинжале. Обращение к газете «Горец») 84
- «Я старости не покорюсь...» (Старость — молодость) 158
- Язык мой — враг мой («Один прославленный народом зодчий...») 207
- Яхья («Есть ли люди между небом и землей...») 101

СОДЕРЖАНИЕ ¹

Гамзат Цадаса. *Вступительная статья Н. Капицовой* 5

СТИХОТВОРЕНИЯ

Стихи о харчевне. <i>Перевод С. Липкина</i>	53 277
Дибир и хомяк. <i>Перевод С. Липкина</i>	56 277
Горской бедноте. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	59 277
Кого выбирать в Советы. <i>Перевод С. Обрадовича</i>	62
Наставление. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	64 277
Аулы, жаждущие воды. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	66 277
Радиомачта на сакле соседа. <i>Перевод С. Липкина</i>	68 277
Чохто. <i>Перевод С. Липкина</i>	69 278
Мать, дочь и барышник. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	72 278
Слово о кровной мести. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	73 278
Речь старухи в день 8 марта. <i>Перевод А. Адалис</i>	77 278
Разговор с кинжалом. <i>Перевод В. Державина</i>	80 278
Жалоба коров на пастуха Исмаила. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	82 279
О кинжале. Обращение к газете «Горец». <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	84 279
Старая свадьба. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	86 279
Обычай гидатлинцев. <i>Перевод Я. Козловского</i>	89 279
Как куются люди. <i>Перевод Л. Пеньковского</i>	90 279
Призыв культармейцев. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	91 279
Изахат и ее корова. <i>Перевод Я. Козловского</i>	92 279
Протокол. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	92
Газета «Горец» к читателю. <i>Перевод Д. Голубкова</i>	95
«Убита куропатка белоснежная...» <i>Перевод Д. Голубкова</i>	96 279
Песня о гибели моего коня. <i>Перевод В. Левика</i>	98 280
Иса и Сурхай (О том, как старики смеялись над детьми, идущими в школу). <i>Перевод Н. Гребнева</i>	99
Яхья. <i>Перевод К. Алтайского</i>	101 280

¹ Первая цифра обозначает страницу текста, вторая (*курсивом*) — страницу примечания.

Ссора. Перевод А. Глобы	103 280
Письмо колхоза «Сталин-аул» единоличнику Али. Перевод Л. Пеньковского	104 280
Письмо автомобиля. Перевод П. Шубина	105 280
Отец и сын о строительстве дорог. Перевод Я. Козловского	106 280
Новые зубы. Перевод Т. Стрешневой	107 280
В Москву, товарищу. Перевод Я. Козловского	109 280
С рабочем классе (Побывав в Москве на Автомобильном заводе). Перевод К. Алтайского	110 280
Письмо лошади хунзахского райсобеса Гамзату Цадасе. Перевод Л. Пеньковского	111
На стойбище горных духов. Перевод В. Потапова	113 281
Теленок заговорил. Перевод Ю. Нейман	115
Чудо. Перевод Я. Козловского	116 281
Что сделала с моей бедной песней! Перевод Я. Хелемского	117 281
Жалоба сохи. Перевод Н. Гребнева	119 281
Стихи о теплой зиме. Перевод В. Казина	120
Двурушник. Перевод Н. Гребнева	121 281
О дружбе с оглядкой. Перевод С. Липкина	121
Колхоз имени Сталина в селении Хунзах. Перевод П. Же- лезнова	122 281
Застольная песня. Перевод Н. Тихонова	124 281
Хандулай на курорте. Перевод Т. Стрешневой	125 281
Что за день сегодня? Перевод В. Державина	128
Памяти Сулеймана Стальского. Перевод Н. Гребнева	129 282
1. («Как будто гром над нами прогремел. . .»)	
2. («Каким бы ясным ни был мысли ход. . .»)	
О друге Сулеймане. Перевод Д. Голубкова	130 282
Ответ молодому поэту. Перевод Я. Козловского	130
На могиле Коста Хетагурова. Перевод Д. Голубкова	131 282
«Лучами глаз твоих я ослеплен. . .». Перевод Д. Голубкова	132
Махач Дахадаев. Перевод Д. Голубкова	132 282
Когда передали по радио о награждении Гамзата орденом Трудового Красного Знамени. Перевод П. Шубина	133
Письмо из Талгов. Перевод Я. Козловского	134 282
«Волчье Ущелье» (Когда Гамзату пришлось провести ночь под открытым небом в ожидании машины). Перевод Ю. Нейман	135
Письмо семье из Москвы. Перевод Л. Пеньковского	136 282
Водопровод в ауле Цада. Перевод Л. Пеньковского	137 282
Когда цумадинцы завоевали Красное Знамя (на строитель- стве канала в 1940 году). Перевод Я. Козловского	138 282
Книга. Перевод Д. Кедрина	139
Листок календаря. Перевод В. Державина	140 283
Праздник свободы. Перевод В. Державина	141 283
Жизнь и родина. Перевод В. Потапова	142 283
За Москву! Перевод Л. Пеньковского	143
Колыбельная песня (Дедушка — первой внучке). Перевод Ю. Нейман	144 283
Песня жены воина. Перевод А. Глобы	145 283
Поэт Абуталиб Гафуров на трудовом фронте (отрывок). Перевод Н. Гребнева	146 283

Маленькой Пати. Перевод Я. Козловского	148	283
Салют. Перевод В. Погапова	150	
Из выступления на вечере, посвященном пятидесятилетию творчества Гамзата в г. Махачкале в 1944 г. Перевод Я. Хелемского	151	283
Очки. Перевод Н. Гребнева	151	283
Слово овцы к двуногому волку. Перевод Л. Пеньковского	152	283
Новому году. Перевод П. Шубина	153	283
Шамиль. Перевод С. Липкина	155	284
О врагах мира. Перевод С. Липкина	156	
Октябрь. Перевод Н. Гребнева	156	284
В день моего семидесятилетия. Перевод Н. Гребнева	157	
Жалоба моей жены. Перевод Я. Козловского	158	284
Старость — молодость. Перевод Н. Гребнева	158	
О самоубийстве. Перевод Н. Гребнева	159	284
Разговор между колхозником Хочбаром и председателем Али. Перевод Н. Гребнева	161	
Сплетня. Перевод Я. Козловского	162	284
Моей бедной пьесе. Перевод Н. Гребнева	163	284
На смерть близкого человека. Перевод Н. Гребнева	164	284
Старость и болезнь. Перевод Л. Пеньковского	165	284
Разговор со старостью. Перевод Я. Козловского	166	
Из цикла «Уроки жизни». Перевод Я. Козловского	167	284
«На рынках закон существует издревле...»	167	
«Всею своя мера. И должен, к примеру...»	167	
«На юношу смотрю не без надежды...»	168	
«Того, кто тянется к низам...»	168	
За мир! Перевод Я. Козловского	168	284
Знамя жизни. Перевод Л. Пеньковского	169	285
Мир сильнее войны. Перевод С. Липкина	170	285
Ленин. Перевод Я. Хелемского	171	
Сон американского миллиардера. Перевод С. Липкина	172	
Электростанция в Хунзахе. Перевод К. Арсеньева	174	285
Говорит нефть. Перевод С. Липкина	176	
Пушкину (К 150-летию со дня рождения). Перевод С. Липкина	176	285
Поэту Махмуду. Перевод С. Липкина	178	285
Старость. Перевод Л. Пеньковского	180	285
«Салам-алейкум, друг Муртазали...». Перевод Н. Гребнева	181	285
Апрель. Перевод С. Липкина	182	
Из блокнота. Перевод Л. Пеньковского	183	285
Жизнь	183	
Время	183	
Труд	183	
Весна	183	
О басне	183	
К блокноту	184	
 Басни и сказки		
Мечтатель-пастух. Перевод С. Обрадовича	185	285
Слон и муравей. Перевод Я. Козловского	186	286
Обезьяна и плотник. Перевод С. Обрадовича	188	286

Сказка о голубке с лазоревой шейкой и о вороне, подружившемся с мышкой. Перевод В. Потапова	189	286
Дележ. Перевод Я. Козловского	192	286
Сказка о зайце и льве. Перевод С. Липкина	193	286
Ослица и вол Магомы. Перевод Т. Стрешневой	197	
О лисице-плутовке и о волке-глупце. Перевод Л. Пеньковского	198	286
Сон (Сказочка). Перевод Л. Пеньковского	200	286
Осел Хаджи. Перевод А. Глобы	202	286
Кто слушается брюха, тот голову теряет. Перевод Д. Бедного	205	286
Мулла и обманщики. Перевод Д. Бедного	207	286
Язык мой — враг мой. Перевод Н. Ушакова	207	
Лисица и лисенок. Перевод С. Образовича	208	
Вор-примиритель. Перевод Я. Козловского	210	287
Батыр и Хабир. Перевод А. Глобы	211	
Ревизия хомяка. Перевод Л. Пеньковского	212	
Волк и коза. Перевод Я. Хелемского	214	

ПОЭМЫ

Моя жизнь. Перевод С. Липкина	217	287
Сказание о чабане. Перевод С. Липкина	224	288
<i>Примечания</i>	274	
Словарь	289	
К иллюстрациям	291	
Алфавитный указатель	292	

Редакционная коллегия

*В. Н. Орлов (главный редактор), М. О. Ауэзов,
А. Г. Дементьев, В. П. Друзин, В. О. Перцов,
А. А. Прокофьев, М. Ф. Рыльский. В. М. Саянов,
А. А. Сурков, А. Т. Твардовский, Н. С. Тихонов,
И. Г. Ямпольский (зам. главного редактора)*

*ГАМЗАТ ЦАДАСА
СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ*

Редактор С. И. Липкин

*Художник И. С. Серов. Худож. редактор М. Е. Новиков
Техн. редактор С. И. Брусиловская. Корректор З. Н. Петрова*

*Сдано в набор 23/IX 1958 г. Подписано к печати 25/XI 1958 г. Бумага
84×108^{1/2}. Печ. л. 9,69 (15,89). Уч.-изд. л. 14,51. Тираж 5000.
Цена 6 р. 05 к. Заказ № 819.*

*Ленинградское отделение издательства «Советский писатель»
Ленинград, Невский пр., 28.*

*Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3.*

